

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Основана в 1977 году

М. В. Агбунов

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАГАДОЧНУЮ СКИФИЮ

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук

И. Т. КРУГЛИКОВА,

доктор географических наук

Н. А. ХОТИНСКИЙ

МОСКВА «НАУКА»

1989

ББК 63.2
А 23
УДК 913.1

Рецензенты:

доктор исторических наук Д. С. РАЕВСКИЙ,
кандидат исторических наук А. В. ПОДОСИНОВ

Редактор В. С. ВАНИН

Агбунов М. В.

А 23 Путешествие в загадочную Скифию.— М.: Наука, 1989.— 191 с. 31 ил.— (Серия «Страницы истории нашей Родины»).

ISBN 5—02—004620—5

В этой книге читатель совершит увлекательное путешествие по древнему Причерноморью, познакомится со многими интересными загадками Геродотовой Скифии, узнает о происхождении скифов, о легендах и мифах, о ранней истории, обычаях и нравах кочевников, об их взаимоотношениях с древнегреческими городами, о трагических судьбах скифского мудреца Анахарсиса и царя Скифии Скила. Подробно рассматриваются драматические события скифо-персидской войны. Рассказывается о новых уникальных находках в скифских курганах, о комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях.

Для географов, историков, археологов и широкого круга читателей.

А $\frac{1805040200-001}{054(02)-89}$ 61—89 ИП

ББК 63.2

ISBN 5—02—004620—5 © Издательство «Наука», 1989

Введение

Ведь нет ни одного племени у Понта, которое бы выдавалось мудростью, и мы не знаем ни одного ученого мужа, кроме скифского племени и Анахарсиса.

Геродот

Скифия! Как много вмещает в себя это красивое название! Это — древняя наша земля, наша отечественная история! Это — загадки и тайны, острые дискуссии и затянувшиеся споры, увлекательные поиски и интересные исследования, сенсационные открытия и находки. За ними — долгий и скрупулезный труд ученых, труд далеко не легкий, с множеством трудностей и лишений, полный не только радости открытий, но и горечи разочарований. Однако при этом здесь всегда романтика поиска, стремление открыть тайну, познать неизвестное.

Как много и вместе с тем как мало знаем мы о Скифии?! Этой теме посвящено огромное количество специальных работ исследователей. Но книг, рассчитанных не только на специалистов, но и на широкие круги читателей, пока еще мало, даже очень мало. Писать на эту тему чрезвычайно сложно. Здесь множество нерешенных проблем, спорных вопросов, различных, часто взаимоисключающих точек зрения. Истина, как известно, рождается в спорах. Но эти споры продолжаются уже не одно столетие. Долгий и нелегкий путь к истине!

Предлагаемая книга, разумеется, не претендует на какой-то обобщающий очерк по рассматриваемым вопросам. Ее цель гораздо скромнее — ознакомить читателя лишь с некоторыми интересными проблемами исторической географии Скифии, которые больше других знакомы автору по роду его занятий. Если эта работа вызовет определенный интерес к изучаемой теме, автор будет считать свою задачу выполненной.

Вопросы географии Скифии всегда привлекали к себе самое пристальное внимание ученых. Но тем не менее здесь еще много важных и интересных проблем, которые ждут своих исследователей. Во многом это объясня-

ется сложностью и запутанностью некоторых вопросов, а также недостаточностью источников.

Одним из основных видов источников по изучению географии Скифии являются сведения античных авторов. В первую очередь это «История» Геродота — бессмертное творение знаменитого древнегреческого ученого, прочно вошедшее в золотой фонд античной литературы.

Другим важным источником являются археологические данные. В результате многолетних археологических исследований на территории Скифии получен обширный фактический материал, который помогает полнее и правильнее понять сведения античных авторов, дает всестороннее представление о материальной культуре скифских племен, освещает многие аспекты их истории.

В последние десятилетия исследования в этой области становятся комплексными. Все шире привлекаются данные палеогеографов, палеоботаников, палеоантропологов, палеонтологов и других специалистов смежных наук. Такие комплексные работы дают новые, весьма существенные результаты.

В предлагаемой читателю книге путеводной нитью служит описание Скифии Геродотом. Этот известный античный автор, еще в древности названный «отцом истории», довольно подробно рассказывает о территории страны, о племенах, которые ее населяют, об их истории, обычаях, нравах. В центре внимания Геродота — скифо-персидская война, т. е. поход Дария на скифов. Следуя этому путеводному источнику, мы ознакомимся с самой Скифией и основными событиями скифо-персидской войны. Поэтому автор стремился по возможности полностью приводить основные сведения Геродота и других античных писателей. Чем пересказывать ценнейший источник, лучше процитировать его. Ведь цитата дает возможность полнее понять эти данные, в какой-то мере ощутить стиль, манеру изложения, а также сам дух того времени.

Кроме того, имея перед собой процитированное указание античного источника, читатель при желании может и сам включиться в процесс поиска и определить свое мнение по той или иной проблеме.

Вкратце характеризуя античную письменную традицию, следует подчеркнуть, что благодаря возникновению в Северном Причерноморье древнегреческих городов и поселений и развитию на протяжении нескольких столетий тесных контактов со скифскими племенами древние

авторы зафиксировали и допели до нас ценнейшие сведения по истории и географии Скифии. Помимо «Истории» Геродота следует назвать «Географию» Страбона, «Землеписание» Помпония Мелы, «Естественную историю» Плиния, «Географическое руководство» Клавдия Птолемея и многие другие труды, которые мы будем привлекать при рассмотрении тех или иных вопросов.

Произведения античных авторов цитируются по известному сборнику В. В. Латышева «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», а также по отдельным новейшим изданиям. Ссылки на цитаты даются по общепринятой системе: римские цифры указывают книгу, арабские — главу, параграф.

Круг вопросов, с которыми мы познакомимся, относится в основном к ранней истории Скифии — VII—V вв. до н. э. В ряде случаев привлекаются материалы более позднего времени — IV—III вв. до н. э.

Ограниченный объем работы не позволяет одинаково подробно рассмотреть все затрагиваемые здесь вопросы. Естественно, приходилось выбирать и останавливаться на наиболее интересных сюжетах.

Стоящая здесь задача познакомить широкие круги читателей с Геродотовой Скифией значительно облегчается тем, что несколько лет назад увидел свет капитальный труд А. И. Доватура, Д. П. Каллистова, И. А. Шишовой «Народы нашей страны в „Истории“ Геродота». В нем дан текст, перевод и обстоятельный комментарий всех сведений Геродота о Скифии. По каждому вопросу изложены основные точки зрения и приведена обширная литература. Кроме того, в последние годы опубликованы обобщающие работы Б. А. Рыбакова, А. А. Нейхардт, Е. В. Черненко, И. В. Куклиной и др. В этих и других специальных исследованиях читатель может подробнее ознакомиться с интересующими его вопросами. Список основной необходимой литературы дан в конце книги.

Современные успехи в изучении истории Скифии достигнуты во многом благодаря трудам уже ушедших от нас таких крупных исследователей, как М. И. Артамонов, И. Б. Брашинский, Б. Н. Граков, А. И. Доватур, Л. А. Ельницкий, С. А. Жебелев, В. А. Ильинская, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Латышев, М. И. Ростовцев, А. П. Смирнов, К. Ф. Смирнов, А. И. Тереножкин, П. Н. Шульдц и др. Вспомним их имена со словами благодарности за то огромное научное наследие, которое они нам оставили.

Сегодня их ученики и последователи успешно продолжают начатое ими дело. В настоящее время над различными проблемами истории и географии Скифии плодотворно работают А. Ю. Алексеев, С. С. Бессонова, Е. П. Бунятян, В. Б. Виноградов, Ю. Г. Виноградов, Н. А. Гаврилюк, М. В. Горелик, Я. В. Доманский, М. М. Иевлев, Г. Т. Ковпаненко, В. Н. Корпусова, И. Т. Кругликова, Е. Е. Кузьмина, И. В. Куклина, А. М. Лесков, К. К. Марченко, А. А. Масленников, С. В. Махортых, А. И. Мелюкова, Т. В. Мирошина, Б. Н. Мозолевский, М. Г. Мошкова, В. Ю. Мурзин, С. Я. Ольговский, В. С. Ольховский, А. С. Островерхов, С. Б. Охотников, Е. В. Переводчикова, В. Г. Петренко, М. Н. Погребова, С. В. Полин, Е. А. Попова, Д. С. Равевский, В. А. Рябова, С. А. Скорый, М. В. Скржинская, Е. В. Черненко, Б. А. Шрамко, А. Н. Щеглов, Э. В. Яковенко, И. В. Яценко и многие другие исследователи.

В заключение хочется выразить глубокую признательность моим учителям, коллегам, товарищам по работе, которые своими советами и консультациями способствовали созданию этой книги.

Особая признательность — И. Т. Кругликовой и Н. А. Хотинскому, которые взяли на себя труд ответственных редакторов, а также А. В. Подосинову и Д. С. Равевскому — моим взыскательным, но доброжелательным рецензентам. Их ценные замечания, советы и пожелания помогли значительно улучшить предлагаемую читателю работу.

Я глубоко признателен Ю. Г. Виноградову, М. Б. Граковой-Свиридовой, Я. В. Доманскому, Т. М. Ельницкой, Б. Н. Мозолевскому, М. Г. Мошковой, А. С. Островерхову, С. Б. Охотникову, А. В. Свиридову, К. А. Смирнову за любезно предоставленные фотографии, а также Л. Е. Туранской за высококачественную пересъемку фотографий.

В 1988 г. в расцвете творческих сил ушел из жизни известный исследователь древней истории Причерноморья профессор П. О. Карышковский, которому я обязан своими начинаниями в изучении античной истории и географии. Его светлой памяти и посвящается эта книга.

И в заключение считаю своим неременным долгом выразить огромную признательность моей жене — Л. Н. Агбуновой, которая постоянно помогала мне в работе над рукописью.

«Скифский четырехугольник»

Приступим к конкретному рассмотрению географии Скифии. Обратимся к Геродоту. Начнем, конечно, с общего описания страны: «Перед скифской землей лежит Фракия, выступающая в море. От залива, образуемого этой землей, начинается Скифия, и здесь в нее втекает Истр, поворачивая устье навстречу юго-восточному ветру. Начиная от Истра я буду описывать приморскую часть самой скифской страны с целью измерения. От Истра идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитидой. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту, паселяет племя тавров до полуострова, называемого Скалистым; этот полуостров выдается в море, обращенное в сторону восточного ветра. Ведь две стороны границ Скифии обращены к морю. Одна — к югу, другая — к востоку...

Далее — от Таврики выше тавров и в области, обращенной к восточному морю, — живут уже скифы к западу от Боспора Киммерийского и от Меотийского озера до реки Танаис, которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера. Начиная уже от Истра, в тех областях, которые расположены выше и находятся внутри материка, Скифия ограничена вначале агафирсами, после неврами, затем андрофагами и, наконец, меланхленами» (IV, 99—100).

Затем «отец истории» приводит конкретные расстояния: «Следовательно, у Скифии, — так как она имеет четырехугольную форму, а две стороны доходят до моря, — равны по величине все стороны: и та, что идет внутрь страны, и та, что простирается вдоль моря. Ибо от Истра до Борисфена — десять дней пути, а от Борисфена до Меотийского озера — другие десять; и от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, — двадцать дней пути. А однодневный путь, как я прикидываю, составляет по двести стадиев. Таким образом длина Скифии в поперечном направлении составляет 4000 стадиев и в направлении, ведущем внутрь страны, — еще столько

же стадиев. Вот такова величина этой земли» (IV, 101).

Как мы видим, Геродот представляет себе Скифию в виде квадрата. Исследователи относятся к этому вопросу по-разному: одни принимают «скифский четырехугольник», другие считают, что такое определение не заслуживает серьезного внимания. Действительно, южная граница Истр — Борисфен — Меотиды, проходящая по Черноморскому побережью, и восточная граница, идущая по Азовскому морю и Дону, довольно извилисты и не составляют прямой угол. Но нужен ли здесь такой строгий геометрический подход? Ведь указанная территория схематично все же близка к форме квадрата. Поэтому, на мой взгляд, определение Геродота следует считать правильным, хотя и несколько условным.

Попытаемся определить примерные границы «скифского четырехугольника». Этот вопрос долгое время вызывал оживленные споры и до сих пор еще не решен окончательно.

Начнем с юго-западного угла квадрата. Геродот помещает эту точку в устье Истра (Дуная). Казалось бы, указание вполне ясное и определенное и не должно вызывать каких-либо сложностей. Однако такая сложность появляется. И вызвана она словами Геродота о том, что Истр втекает в Скифию, «поворачивая устье навстречу юго-восточному ветру» (IV, 99). Здесь ясно сказано, что устье реки перед впадением в море поворачивает на юго-восток. А основное устье Дуная, Килийское, выходит в море, как известно, прямо на восток. Налицо — явное несоответствие. Поэтому большинство исследователей считают, что Геродот неправильно представлял себе дельту Истра.

Но обвинения в адрес античного автора оказались напрасными. Дело в том, что дельта реки, как мы увидим далее, все время меняет свое положение. За прошедшие 2,5 тысячи лет она неузнаваемо изменилась. Во времена Геродота основным устьем реки было не Килийское, как сегодня, а Священное, которое в настоящее время не существует. На его месте раскинулось современное озеро Разельм. Дельта реки тогда была сориентирована именно на юго-восток. А за прошедшие тысячелетия в силу целого ряда геологических факторов конфигурация дельты постепенно изменилась. Изменилась и ее ориентация.

Как мы видим, упреки в адрес Геродота абсолютно необоснованны. Он совершенно правильно представлял себе

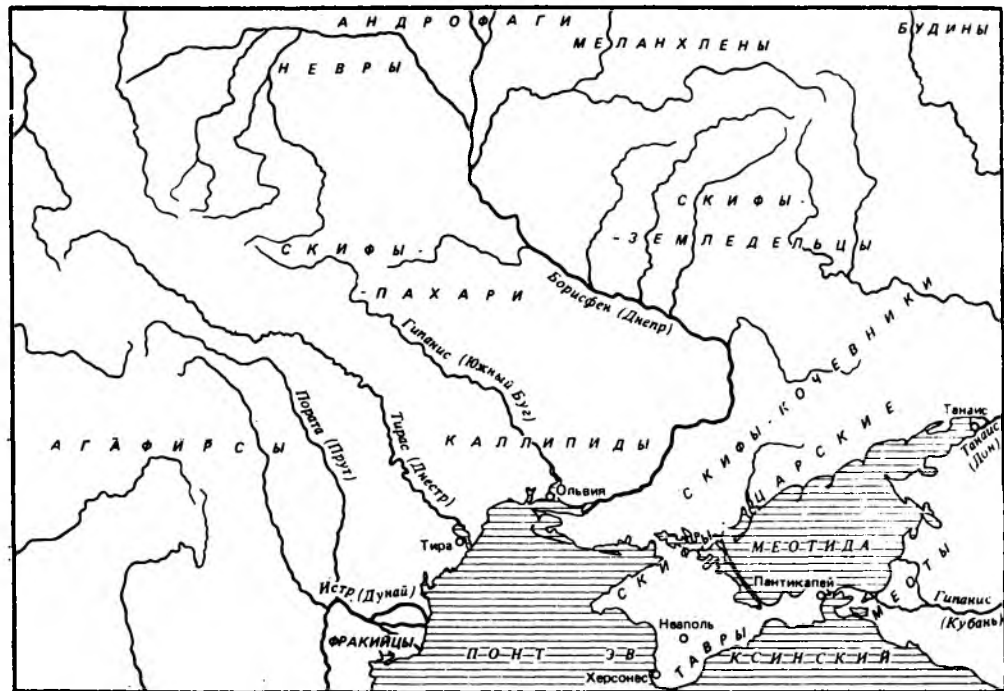
ориентацию дельты Истра. Другое дело, что мы сами не всегда представляем, как выглядел тот или иной район Причерноморья в античное время. Ведь здесь произошли значительные палеогеографические изменения. Не учитывать их нельзя. Без этого невозможно правильно понять многие сведения античных авторов, а также целый ряд конкретных вопросов древней истории региона.

Итак, общая ориентация «скифского четырехугольника» ясна (рис. 1). Его юго-западный угол находится в устье Дуная. Южная граница проходит по берегу Черного моря и упирается в Керченский пролив, древний Боспор Киммерийский, считавшийся устьем Меотиды. Здесь юго-восточный угол «скифского четырехугольника». Отсюда вдоль берега Азовского моря и Дона тянулась восточная граница. Северо-восточный и северо-западный углы рассматриваемого квадрата определяются весьма приблизительно, соответственно длине стороны, равной 4000 стадиям.

Пересчитывая эту длину в километрах, исследователи получают разные цифры, в зависимости от того, какой величины стадий используют: 150 м, 157 м, 178 м, 185 м, 197 м, 200 м, 210 м. Геродот не указывает, каким именно стадием измерены его расстояния. Отсюда и такой разницей в цифрах.

Стадий Геродота можно определить, я думаю, следующим образом. Необходимо сравнить какое-либо указанное им расстояние с данными другого источника. Например, Геродот сообщает, что длина Боспора Фракийского равна 120 стадиям (IV, 85). Такое же расстояние дает и Полибий (IV, 43), стадий которого известен — 178 м. Следовательно, и стадий Геродота равен 178 м, т. е. историк пользовался аттическим стадием. Аналогичный вывод высказывали ученые, исходившие из того, что Геродот при написании своего труда ориентировался на Афины, история которых занимает здесь центральное место, и следовательно, пользовался аттическим стадием. Совпадение двух независимых друг от друга выводов еще больше убеждает в том, что стадий Геродота равен 178 м. При этом, разумеется, нельзя исключать, что в каких-то отдельных случаях «отец истории» использовал источники, в которых может фигурировать другой стадий.

Таким образом, получается, что сторона квадрата в 4000 стадиев равна 712 км, а день пути в 200 стадиев — 36 км. Этими цифрами мы и будем оперировать в дальнейших расчетах.

Р и с. 1. Скифия (по А. И. Тереножкину и В. А. Ильинской)

Следует отметить, что ряд исследователей воспринимает сведения Геродота о «скифском четырехугольнике» с определенными сомнениями. А Д. С. Раевский, например, видит здесь мотив, связанный со скифской мифологией. Ученый отмечает: «Сам мотив четырехугольной страны проявляется в свете функциональной характеристики, присущей Таргитаю как владыке телесного мира и как персонажу, рождение которого знаменует формирование упорядоченной, организованной Вселенной. Равносторонний четырехугольник есть простейшая модель организованного мира» [86, с. 84].

Итак, Геродот дает общее представление о территории Скифии. Она охватывала обширные степные и лесостепные просторы Причерноморской низменности. В своем описании «отец истории» уделяет особое внимание скифским рекам. Небольшой отрывок он специально посвящает суровому климату Скифии: «Вся эта страна, о которой было сказано, отличается необычайно холодными зимами; здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, что если в это время разлить воду, то грязи ты не получишь. Но если разжечь огонь, то ты получишь грязь. Замерзает море и весь Боспор Киммерийский. И скифы, живущие по сю сторону рва, совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег, на землю синдов.

Вот такая зима бывает в течение восьми месяцев непрерывно; и в остальные четыре месяца здесь холодно. Такая зима полностью отличается по своему характеру от любой зимы, которая бывает в других землях. Когда наступает период дождей, в Скифии не выпадает дождя, о котором стоило бы говорить, а летом дождь не прекращается.

Когда в других местах бывает гром, здесь в это время его не бывает, летом же очень часто; если же гром случается зимой, то это изумляет, как чудо. Точно так же, если случается землетрясение, как зимой, так и летом, в Скифии это считается чудом.

Лошади хорошо переносят эту зиму, а мулы и ослы не переносят совсем; в других же местах лошади, постоявшие на морозе, заболевают гангреной, а ослы и мулы выносят холод» (IV, 28).

Описание, как мы видим, весьма красочное. Но сведения о столь суровой зиме, конечно же, сильно преувеличены. Разумеется, для эллинов, привыкших к мягкому климату Средиземноморья, Скифия была довольно холод-

ным краем. Как показывают специальные исследования И. Е. Бучинского, климат здесь во времена Геродота был более холодным и влажным, чем в настоящее время. Но все же говорить о восьмимесячной зиме не приходится.

Очень красочно, поэтично, но также с большим преувеличением описывает зиму в районе Истра знаменитый римский поэт Овидий в своих «Печальных письмах»: «Когда же печальная зима покажет свое задубелое лицо и земля станет белой от мраморного льда, когда Борей и снег не позволяют жить под Арктом, тогда становится очевидным, что эти племена угнетены озябшим полюсом,

Везде лежит снег, и, чтобы солнце и дожди не растопили его, Борей укрепляет его и делает вечным. Таким образом, не успевает еще растаять прежний, как выпадает другой, и во многих местах он обыкновенно остается два года подряд.

И такова сила разбушевавшегося Аквилона, что он сравнивает с землей высокие башни и уносит сорванные крыши. Люди защищаются от жестоких морозов шкурами животных и сшитыми штанами, и из всего тела только лицо остается у них открытым. Волосы при движении часто звенят от висящих на них льдинок, и белая борода блестит, покрытая инеем. Вынутое из сосуда вино стоит, сохраняя его форму, и пить его дают не глотками, а кусочками...

И вот, только дикая сила неистового Борея уплотнит или морские, или текущие в реке воды, тотчас же ровный от жестких Аквилонов Истр переезжает враг-варлар на быстром коне. Враг, сила которого в коне и далеко летящей стреле, разоряет на широком пространстве соседнюю землю» (III, 10, 9—56).

О суровом скифском климате рассказывают также и другие древние авторы. Интересные сведения об этом приводит, например, Страбон: «Вся эта страна очень холодна вплоть до мест, лежащих у моря между Борисфеном и устьем Меотиды; из самых приморских местностей холодным климатом отличаются самые северные, именно устье Меотиды и еще более — устье Борисфена, а также угол Тамираского или Каркинитского залива, где находится перешеек большого Херсонеса.

Холода этой страны, хотя ее обитатели и живут на равнинах, доказываются следующими фактами: жители не держат ослов (ибо это животное не выносит холода); быки — одни рождаются безрогими, а у других отпиливают рога (ибо эта часть тела также не выносит холода); ло-

шади здесь мелки, а овцы крупны. Здесь трескаются даже медные гидрии, а содержимое в них замерзает.

Сила морозов лучше всего видна из того, что бывает около устья Меотиды: по проливу из Пантикапея в Фанагорию переезжают на повозках, так что тут бывает то канал, то сухой путь.

Рыба, застигнутая во льду, ловится так называемой гангамой, особенно же осетры, величиной почти равные дельфинам.

Рассказывают, что полководец Митридата Неоптолем в одном и том же проливе летом разбил варваров в морском бою, а зимой в конном.

Говорят также, что к зиме на Боспоре зарывают виноградные лозы, насыпая на них большое количество земли.

Но зато и жары, говорят, бывают сильные, может быть, потому, что тела варваров не привыкли к жаре, а может быть, и потому, что тогда бывает в степях безветрие, или и вследствие того, что плотный воздух сильнее нагревается, точно так, как в облаках действуют парелии» (VII, 3, 18).

Знакомясь со Скифией, нельзя не заинтересоваться сведениями о животном и растительном мире этой страны. Античные авторы приводят немало интересных данных. Обратимся, например, к «Сборнику достопримечательностей» Гая Юлия Солина. Он посвятил этому вопросу специальный раздел:

«Прежде чем расстаться со Скифией, было бы грешно обойти молчанием, какие животные свойственны Скифии. В этой земле водятся в огромном количестве олени; итак, займемся оленями. Самцы этой породы при наступлении определенного времени течки бывают очень буйны от полового возбуждения.

Самки, хотя бы были оплодотворены раньше, не зачинают до звезды Арктура. Детенышей заботливо воспитывают. Маленьких старательно прячут и, скрыв в густых кустарниках или в траве, ударами ног побуждают прятаться.

Мы читали, что очень многие люди, имевшие привычку по утрам есть оленину, были долговечны без лихорадок; но это помогает только в таком случае, если олени погибли от одной раны. Для определения их живучести Александр Великий надел ошейники на множество оленей, которые, будучи пойманы через сто лет, еще не обнаруживали признаков старости» (XIX, 9—17).

Эти и другие сведения, разумеется, требуют критического подхода. Но, несмотря на некоторое преувеличение и ряд мифических представлений, они, бесспорно, представляют интерес как сами по себе, так и для понимания уровня развития человеческих знаний природы в античное время.

Интересный отрывок, также посвященный оленям, приводится в сочинении Псевдо-Аристотеля «О чудесных слухах»: «Рассказывают, что у скифов, называемых гелонами, водится очень редкое животное, которое называется тарандром. Говорят, что оно меняет цвет шерсти, смотря по месту, где находится; поэтому трудно ловить, так как цвет его шерсти уподобляется цвету деревьев, местностей и вообще всего, что его окружает; весьма удивительно, что оно меняет цвет шерсти, так как прочие животные меняют цвет кожи, как, например, хамелеон и полип; величиною оно с быка, а складом головы похоже на оленя» (§ 30).

Аналогичные сведения о тарандре можно почерпнуть в «Естественной истории» Плиния Старшего. Этот выдающийся римский ученый пишет: «Размер тарапдра, как у быка, голова больше оленьей, но по виду не отличается; рога ветвистые, копыта парные, величина шерсти, как у медведя, а цвет, как у осла, когда тарандр хочет быть своей собственной расцветки. Твердость его кожи такова, что из нее делают панцири. Испугавшись, тарандр принимает цвет всех тех деревьев, кустарников, цветов, а также тех мест, в которых он прячется; поэтому его редко удается поймать. Было бы удивительно, если бы тело обладало таким многообразным изменением цвета, еще удивительнее, что такое изменение даровано и шерсти» (VIII, 124).

Много внимания источники уделяют также растительному миру Скифии. Например, Теофраст в своем сочинении «О растениях» в небольшом отрывке дает довольно полную картину о том, какие деревья здесь произрастают: «На Олимпе много лавра, а мирта вовсе нет. В Понте у Пантикапея нет ни того, ни другого, хотя жители стараются разводить их и принимают для этого всякие меры священнодействий».

Смоковницы там растут в изобилии и достигают значительной вышины, а также и гранаты, если их покрывать на зиму; груш и яблок очень много, всевозможных сортов и хорошего качества; они весенние, за исключением поздних.

Из дикорастущих деревьев там есть дуб, вяз, ясень и подобные им; нет сосны, ели и пинии и вообще никаких смолистых деревьев; лес этот сыр и значительно хуже синопского, так что даже мало идет в дело, кроме построек под открытым небом. Вот что растет вокруг Понта или, по крайней мере, в некоторых его местностях» (IV, 5, 3).

Теофраст дает здесь довольно общее описание и имеет в виду более или менее крупные лесные массивы. А в небольших количествах здесь росли, как и сейчас растут, и другие деревья, например сосна, ель.

Говоря о богатом растительном мире Скифии, нельзя не остановиться на сведениях о скифской медицине. Античные авторы приводят много интересных и крайне ценных сообщений о лечении с помощью трав, о ядах и противоядиях, а также о других рецептах. Ознакомимся с некоторыми из них.

Теофраст, например, пишет: «Сладок и „скифский корень“; некоторые называют его „сладким“. Он растет у Меотиды; полезен против удушья, против сухого кашля и вообще против грудных болезней; кроме того, в меду полезен против ран; может также утолять жажду, если держать его во рту; поэтому, как говорят, скифы довольствуются им и гиппакою по одиннадцати и двенадцати дней» (IX, 13, 2).

Плиний Старший приводит аналогичные сведения об этом растении и называет его скифской травой. Далее он отмечает: «По всему миру ради здоровья людей развозят скифскую траву от Меотийских болот и эвфорбийскую — с горы Атлант за Геракловыми столпами, с заката самой природы, а из другой части земли — британскую траву...» (XXVII, 2).

Надо полагать, скифская трава, или скифский корень, действительно обладала исключительными целебными свойствами, коль была широко популярна во всем обитаемом тогда мире.

Помимо скифской травы Плиний рассказывает также о другом целебном растении: «Безыменка получила такое имя, так как ей не найдено названия. Прославленную Гикесием, врачом с большим авторитетом, а также Аристокитоном, ее привозят из Скифии. Она прекрасно действует, если приложить ее, истолченную вместе с водой, к ране; в виде питья она хороша при поражениях груди и предсердия, а также при кровохарканьях. Считали, что ее следует пить раненым» (XXVII, 31).

Но скифы знали не только целебные травы, но и ядовитые. Тот же Теофраст, например, пишет: «В Эфиопии есть некий смертоносный корень, которым намазывают стрелы, а в Скифии — он же и многие другие, из которых одни сразу убивают принявших их, а другие — в более или менее продолжительное время, так что некоторые умирают от истощения» (IX, 15, 2).

А в схолиях к сочинению Никандра «Противоядия» рассказывается о лучном яде. «Лучным» называется такой яд потому, что он, подобно стрелам, убивает немедленно, будучи съеден или выпит, или потому, что парфяне и скифы, стреляя из луков, намазывают им наконечники стрел... или потому, что он убивает подобно выстрелу из лука, будучи съеден или выпит; он называется некоторыми скифским ядом; другие же говорят, что он произошел из крови гидры, а гидру убил Геракл, и потому называется лучным» (§ 27).

И здесь, как мы видим, реальные сведения перемешаны с мифическими.

А Псевдо-Аристотель в сочинении «О чудесных слу­хах» кратко и вполне ясно излагает рецепт приготовления скифского яда: «Рассказывают, что скифский яд, которым пропитывают стрелы, добывается из ехидны. Скифы, кажется, подстерегают уже родившихся живых детенышей, ловят их и оставляют гнить несколько дней; когда им покажется все достаточно сгнившим, они наливают человеческую кровь в горшочек, закрывают его и зарывают в навоз, а когда и это сгниет, то водянистый настой, образующийся над кровью, смешивают с гноем ехидны и таким образом делают смертоносный яд» (§ 141).

Рассказывая о ядах, нельзя обойти вопрос и о противоядиях. Изготовление смертоносного яда привело к необходимости искать и средство против него. Так были изобретены и противоядия.

Авл Геллий в своем обширном сочинении «Аттические ночи» рассказывает о том, как успешно пользовался противоядиями легендарный понтийский царь Митридат: «Говорят, что понтийские утки обыкновенно питаются ядами. Ленней, отпущенник Гнея Помпея, пишет даже, что знаменитый понтийский царь Митридат был знаток медицины и средств такого рода и обыкновенно примешивал кровь этих уток к лекарствам, которые служат для уничтожения действия ядов; эта кровь была важнейшим средством при составлении этих противоядий.

Сам же царь постоянным употреблением таких средств охранял себя от тайных козней на пиршествах; он даже нарочно, ради хвастовства, часто глотал сильный и быстро действующий яд,— и он не причинял ему вреда.

Поэтому впоследствии он после поражения в битве, бежав в отдаленнейший край своего царства и решив умереть, тщетно испробовал сильнейшие яды для ускорения смерти и наконец пронзил самого себя собственным мечом.

Пользуется огромной известностью противоядие этого царя, которое называется митридатовским» (XVII, 16).

Рассказывая о Скифии, нельзя не затронуть вопрос о ее рыбных богатствах. Античные авторы неоднократно отмечают, что скифские реки богаты рыбой. Здесь обитали и рыбы ценных пород, которые теперь, к сожалению, исчезли почти полностью. Геродот, например, говорит, что в Борисфене водится «множество превосходнейших рыб» и среди них «огромные бескостные рыбы, которых называют антакаями» (IV, 53), т. е. из семейства осетровых.

Большими рыбными богатствами в античное время славились не только скифские реки, но и прибрежные воды Понта Эвксинского, и в особенности Меотиды, где были прекрасные условия для перераста и роста молодняка.

Вот, к примеру, что пишет об этом Плиний Старший: «Рыбы любого вида растут с необыкновенной быстротой, и особенно в Понте. Причина — множество рек, вливающих в него пресную воду. Рост рыбы по названию амия заметен ежедневно: ища более вкусную пищу, она вместе с тунцами и пеламидами стадами входит в Понт, причем у каждого стада свой вожак, а впереди всех скумбрия, которая в воде имеет цвет серы, а вне ее изменяет цвет... Однако в Понт не входит ни одно вредное для рыб животное, кроме морских телят и небольших дельфинов» (IX, 49—50).

Пеламида была одной из главных промысловых рыб и приносила огромный доход понтийским городам, особенно Византию, расположенному у выхода из Понта Эвксинского. Вот как подробно и красочно рассказывает об этом Страбон:

«От мыса, образующего пятистадиевый пролив, до гавани, носящей название „Под смоковницей“, всего 35 стадий; отсюда же до Рога византийцев 5 стадий. Рог — это залив, примыкающий к стене византийцев, простирающийся приблизительно в западном направлении на

60 стадий подобно оленьему рогу. Он разветвляется на множество маленьких бухт, как бы на ветви.

Сюда попадают пелакиды, ловля которых облегчается их огромной массой, сильным течением, сгоняющим рыбу в кучу, и узостью заливов; в этой тесноте их можно ловить даже голыми руками.

Эта рыба нерестится в болотах Меотиды, а когда немного подрастет и окрепнет, то косяками устремляется через устье и идет вдоль азиатского берега до Трапезунта и Фарнакии. Здесь начинается первая ловля пелакиды, однако не особенно обильная, так как рыба не достигает еще нормальной величины. Но когда косяки рыбы доходят до Синопы, то она уже более зрелая для ловли и засола.

Всякий раз, когда рыба достигает Кианей и проходит мимо них, какая-то белая скала, выступающая со стороны халкедонского берега, так сильно пугает ее, что она тотчас же поворачивает к противоположному берегу. Ее подхватывает эдешнее течение; но поскольку эта местность от природы благоприятствует повороту морского течения к Византию и к лежащему у него Рогу, то, естественно, рыба направляется сюда и доставляет византийцам и народу римскому значительный доход.

Халкедонцы же, хотя и живут поблизости на противоположном берегу, не имеют доли в этом богатстве, так как пелакида не подходит к их гаваням. Отсюда рассказ о том, как после основания Халкедона мегарцами Аполлон повелел тем, что вопрошал оракула, желая потом основать Византий, „заложить поселение напротив слепцов“; бог назвал халкедонцев слепыми за то, что они, хотя и приплывали прежде в эти места на кораблях, упустили возможность занять столь богатую область на другом берегу и выбрали более бедную страну» (VII, 6, 2).

Как мы видим, Меотида и Понт были известны огромными рыбными богатствами. Характерно, что крупнейший древнегреческий город, основанный в лучшей бухте Боспора Киммерийского на месте современной Керчи, получил название Пантикапей, т. е. рыбный путь. Этот центр был одним из основных импортеров рыбы. Боспорского засола рыба славилась не только на всем Понте, но и далеко за его пределами.

На этом можно завершить общее знакомство со Скифией. В следующих главах пойдет речь о наиболее интересных вопросах истории и географии этой страны.

Откуда пришли скифы?

О происхождении скифов Геродот приводит две легенды. Одна версия принадлежит самим скифам, другая — понтийским грекам. Первая легенда гласит: «Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в то время пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они все же именно так говорят), Зевс и дочь реки Борисфена.

Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай.

Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этим загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему.

От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются скелоты по имени царя; скифами же называли их греки.

Скифы утверждают, что именно так они и произошли, лет же со времени их происхождения от первого царя Таргитая до похода Дария на их землю всего, как говорят, не больше тысячи, но именно столько. Это же священное золото цари берегут больше всего и каждый год умилостивляют его большими жертвоприношениями.

Кто на этом празднике, охраняя священное золото, уснет под открытым небом, тот — как считается у скифов — не проживет и года. Поэтому ему дают столько земли, сколько он сможет объехать на коне за один день. Так как страна очень велика, Колаксай разделил ее на три царства между своими сыновьями и одно из них сделал наибольшим — то, в котором хранится золото.

Говорят, что область, расположенную выше обитателей верхних частей страны по направлению к северному

ветру, невозможно ни рассмотреть, ни пройти далеко вглубь из-за падающих перьев. Ведь и земля, и воздух наполнены перьями, они-то и заслоняют вид» (IV, 5—7). Такова скифская легенда.

Вторая легенда гласит: «Геракл, угоняя быков Гериона, прибыл в ту, бывшую тогда пустынной землю, которую теперь населяют скифы.

Герион жил за пределами Понта, обитая на острове, который греки называют Эрифее. Он находится возле Гадир, расположенных по ту сторону Геракловых столпов у Океана. Об Океане же на словах утверждают, что он, взяв начало на востоке, течет вокруг всей земли, но на деле этого не доказывают.

Когда Геракл прибыл отсюда в страну, называемую ныне Скифией (здесь его застигли зима и мороз), то, натянув на себя львиную шкуру, он заснул, а кони из его колесницы, пасшиеся в это время, были таинственным образом похищены по божественному предопределению.

Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну, он, наконец, прибыл в землю, которая называется Гилея. Здесь он нашел в пещере некое существо двойной природы: наполовину ехидну, наполовину деву, которая выше ягодиц была женщиной, а ниже — змеей.

Увидев ее и изумившись, Геракл спросил ее, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он не вступит с ней в любовную связь. Геракл вступил с ней в связь за такую цену.

Она откладывала возвращение коней, желая как можно дольше жить в супружестве с Гераклом, а он хотел, получив обратно коней, удалиться. Наконец, она, возвратив коней, сказала: „Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал награду — ведь у меня от тебя три сына. Ты мне скажи, что нужно делать с ними, когда они станут взрослыми,— поселить ли их здесь (в этой стране я сама господствую) или послать к тебе?“.

Так вот она обратилась к нему с таким вопросом, а он, как говорят, на это ответил: „Когда ты увидишь, что сыновья возмужали, ты не ошибешься, поступив следующим образом: как увидишь, что кто-то из них натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того же, кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышли из этой

страны. Поступая так, ты и сама будешь довольна, и исполнишь мой приказ“.

Натянув один из луков (до тех пор Геракл послал два лука) и объяснив употребление пояса, он передал лук и пояс с золотой чашей у верхнего края застежки и, отдав, удалился. Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них — Агафирс, следующему — Гелон и Скиф — самому младшему. Затем, вспомнив о наставлении, она выполнила приказанное.

И вот двое ее детей — Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, изгнанные родительницей, а самый младший из них — Скиф, выполнив все, остался в стране.

И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов. А из-за этой чаши скифы и поныне носят чаши на поясах. Только это мать и придумала для Скифа. Так рассказывают греки, живущие у Понта» (IV, 8—10).

Таковы изложенные Геродотом две легенды о происхождении скифов. Как мы видим, они существенно отличаются одна от другой. При их толковании специалисты высказали немало противоречивых, взаимоисключающих мнений. Излагать эти спорные гипотезы не входит в мою задачу. При желании читатель может ознакомиться с ними в ряде специальных работ: А. М. Хазанова, Д. С. Раевского, Б. А. Рыбакова и других ученых.

Кроме этих легенд Геродот приводит также и исторические предания: «Существует и другой рассказ такого содержания, которому я больше всего доверяю. Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю (именно ее теперь и заселяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам).

При пашествии скифов киммерийцы стали держать совет, так как войско наступало большое, и мнения у них разделились. Обе стороны были упорны, но лучшим было предложение царей. По мнению народа, следовало покинуть страну, а не подвергаться опасности, оставаясь лицом к лицу с многочисленным врагом. А, по мнению царей, следовало сражаться за страну с вторгающимися.

И народ не хотел подчиниться, и цари не хотели послушаться народа. Первые советовали уйти, отдав без боя страну вторгающимся. Цари же, подумав о том, сколько хорошего они здесь испытали и сколько несчастий постигнет их, изгнанных из отечества, решили умереть и покоиться в своей земле, но не бежать вместе с народом.

Когда же они приняли это решение, то, разделившись на две равные части, стали сражаться друг с другом. И всех их, погибших от руки друг друга, народ киммерийцев похоронил у реки Тираса, и могила их еще и теперь видна. Похоронив их, народ таким образом покинул страну, и скифы, придя, заняли безлюдную страну.

И теперь в Скифии есть Киммерийские стены, есть и Киммерийские переправы, есть и страна с названием Киммерия, есть и Боспор, именуемый Киммерийским.

Очевидно также, что киммерийцы бежали от скифов в Азию и заселили полуостров, на котором теперь находится эллинский город Синопа. Ясно и то, что скифы, преследуя их, вторглись в Мидийскую землю, сбившись с пути.

Ведь киммерийцы все время бежали вдоль моря, а скифы преследовали их, имея по правую руку Кавказ, до тех пор, пока не вторглись в Мидийскую землю, повернув по дороге во внутренние области страны. Вот так излагается это общее для варваров и эллинов предание» (IV, 12).

Излагая исторические предания о происхождении скифов, Геродот переходит к рассказу об удивительной, легендарной личности. Это — древнегреческий поэт и путешественник Аристей, который побывал даже в земле исседонов, живших далеко за Скифией, и после этого написал свою известную поэму «Аримаспейя», которая, к сожалению, до нас не дошла.

Да и о самом Аристее мы знаем в основном благодаря Геродоту.

Что же пишет о нем «отец истории»? Обратимся к источнику: «Аристей, сын Каистробия, муж родом из Проконнеса, сказал в своих стихах, что, одержимый Фебом, он дошел до исседонов, а что выше исседонов живут одноглазые мужи — аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих — гипербореи, достигающие моря.

Кроме гипербореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей. И как аримаспами вытесняются из страны исседоны, так исседонами — скифы. Киммерийцы же, обитавшие у южного моря, под натиском скифов покинули страну. Таким образом и Аристей не соглашается со скифами в отношении этой страны...» (IV, 13).

Некоторые исследователи ставили под сомнение реальность существования Аристеев, но большинство ученых

вполне обоснованно считают, что он действительно существовал и совершил путешествие к иседонам.

Когда же этот странствующий поэт побывал в тех далеких землях? Судя по данным Геродота, это было не позднее начала VII в. до н. э. Во время своего путешествия Аристей собрал, надо полагать, немало интересных сведений о жизни кочевников, их истории, обычаях, нравах и т. д. Часть этих ценных наблюдений очевидца использовал Геродот.

Относительно истории Скифии Аристей передает версию, по которой скифы не были коренными жителями северопричерноморских степей, а пришли сюда, вытесненные иседонами, и в свою очередь изгнали с этой земли киммерийцев.

Так рассказывают легенды. Как же решают этот вопрос исследователи? Мнения специалистов на этот счет также разделились. Вопрос о происхождении скифов — одна из узловых проблем современной скифологии. На протяжении многих десятилетий эта тема была и остается в центре внимания крупнейших специалистов.

Множество различных мнений ученых сводится в основном к двум гипотезам. Согласно первой, скифская культура сформировалась на местной, северопричерноморской основе. По второй гипотезе, скифы пришли в Северное Причерноморье из глубин Азии. Обе точки зрения имеют и сильные, и слабые стороны. Но прежде чем попытаться давать им какую-либо оценку, ознакомимся с некоторыми наиболее распространенными заключениями видных специалистов по этой проблеме.

Например, М. И. Артамонов рисует такую картину: «Можно признать, что исторические скифы ведут свое происхождение от народа срубной культуры, в последней трети II тыс. до н. э. вытеснившего из Северного Причерноморья большую часть отождествляемого с киммерийцами народа с катакомбной культурой. Эта западная часть киммерийцев ушла за Дунай и Карпаты и через Балканский полуостров вместе с фракийцами вторглась в Малую Азию. Оставшаяся в Азово-Каспийском междуморье восточная часть киммерийцев в течение нескольких столетий сосуществовала в соседстве с иранской срубной культурой и за это время, как и последняя, утратила многие из своих признаков, а затем, в VIII в. до н. э., переселилась, как и ее западные соплеменники, в Малую Азию, по уже не по западному, а по восточному берегу Черного моря» [7, с. 23].

Во многом аналогичную схему дает Б. Н. Граков: «Эта культура у археологов слывет по первому из могильных сооружений то под именем срубной, то под именем срубно-хвалынской, от города Хвалынска на Волге, по месту обнаружения ее позднейшей ступени развития. Скотоводы и земледельцы, эти племена энергично выходили за пределы своей родины и во втором „хвалынском периоде“, за два-три последние века II тысячелетия до н. э. проникали даже за нижнее течение Днепра и Буга. На своем пути они встретили „катакомбную“ культуру. Она названа так потому, что для нее обычно было класть погребенных в специальные подземные камеры, т. е. пещерки, часто называемые у археологов катакомбами. Если киммерийцы уже сложились во II тысячелетии, то их первоначальная культура — катакомбная. У племен катакомбной культуры в конце их существования немало подражаний срубной в керамике и в некоторых украшениях. Однако племена срубной культуры (явные предки скифов)... затем начисто вытеснили катакомбную.

Скифы стали сюда проникать, как мы видели, очень рано, еще во II тыс. до н. э. Упрочились они здесь с IX в. до н. э. Однако из общей массы вещей начала I тыс. до н. э. нельзя выделить предметы, которые бы позволили разделить две обособленные культуры. Следовательно, первые скифские насельники по материальной культуре мало отличались или совсем не отличались от туземцев. Совершенно иначе выглядит культура степей с конца VII в. С этого времени вся степь занята однородной, лишь немного отличающейся в отдельных местностях, культурой, которая по праву времени и места не может быть названа иначе чем скифской (рис. 2). Ее появление отчетливо связано с окончательным утверждением кочевых скифов в Причерноморье после 616 г. Но и в ней при всем преобладании новых черт в ряде орудий, особенно в формах посуды, сквозят пережиточные элементы культуры XII—XIII вв. до н. э., т. е. доскифского быта.

Передвижение кочевых скифов из-за Аракса—Волги в конце VII в. прошло почти незаметно археологически именно из-за единообразия культуры и киммерийцев, и земледельческих, и кочевых скифов. Только начиная с конца VII в. во всех черноморских и прикаспийских степях стали выделяться погребения всадников-воинов.

Прочно обосновавшись с конца VII в. до н. э. в северопричерноморских степях, кочевые скифы постепенно образовали здесь мощное государство и служили провод-

Р и с. 2. Изображение скифов на Воронежском серебряном сосуде

никами товаров из греческих городов побережья в глубину страны. Влияние их материальной культуры сказывается и на западе во Фракии, и на нижнем течении Дуная, и на севере до Молдавии и Западной Украины, где жили племена агафирсов и часть неуров. С вторжением сарматов в III в. кончается скифская эпоха» [22, с. 25–26].

Существенным образом от изложенных взглядов отличаются выводы А. И. Тереножкина. Он выделил между срубной культурой и скифской еще одну — культуру типа Черногоровско-Новочеркасского клада, которая представлена двумя последовательными историческими этапами: черногоровским — 900–750 гг. до н. э. и новочеркасским — 750–650 гг. до н. э. Эту культуру ученый отождествил с историческими киммерийцами.

Анализируя имеющиеся памятники, А. И. Тереножкин пришел к выводу, что культура типа Черногоровско-Новочеркасского клада, т. е. киммерийская, не трансформируется в древнейшую скифскую культуру, а чисто механически была вытеснена ею. А сама скифская культура

сформировалась, по его мнению, задолго до VII в. до н. э. в Центральной Азии [107].

Каждая из этих основных точек зрения имеет своих сторонников и противников, которые в том или несколько ином виде высказывают свои убеждения.

В последнее время проблема происхождения скифов стала решаться сложнее. В результате открытия в Туве царского кургана Аржан, относящегося к раннескифскому времени, М. П. Грязнов выдвинул идею о независимом и самостоятельном развитии на местной основе не только скифской культуры, но и других родственных ей культур Евразии. Этот вариант гипотезы получил название полицентрической теории происхождения скифов.

В. Ю. Мурзин, анализируя существующие теории происхождения скифов, пытается найти в них общее рациональное зерно. Он отмечает, что в столь несхожих на первый взгляд позициях Б. Н. Гракова и А. И. Тереножкина имеется определенное единство: первый из этих ученых допускал участие определенного пришлого компонента («скифов-царских») в окончательном формировании скифских племен, а второй — никогда не отрицал присутствия в скифском этносе некоторой части местного доскифского населения.

По мнению В. Ю. Мурзина, точки зрения Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова и А. И. Тереножкина по генезису скифской культуры «объективно соответствуют характеру процесса формирования скифского этноса на основе местного и пришлого населения в условиях переднеазиатских походов, игравших роль катализатора в «объединительном процессе» [9, с. 14].

Далее В. Ю. Мурзин приходит к следующим выводам: «Если подходить к рассматриваемой проблеме с этой точки зрения, то становится понятным, что говорить о скифах и скифской культуре можно не ранее VII в. до н. э., поскольку только в VII в. до н. э. вступили во взаимодействие составные элементы будущего скифского этноса и началось формирование соответствующей ей культуры. Выяснение удельного веса каждого из двух данных этнических элементов крайне затруднено. Единственный способ, который при этом можно применить, — археологический. Иными словами, выяснить, пусть даже приблизительно, как формировался скифский этнос, можно только после выяснения путей формирования скифской культуры и определения удельного веса различных по происхождению ее компонентов.

В последнее время внутри скифской культуры VII—VI вв. до н. э. намечены три различные по происхождению группы таких компонентов: переднеазиатская, местная и восточная (центральноазиатская)» [9, с. 14].

Как мы видим, В. Ю. Мурзин старается в определенной мере согласовать теорию о местном происхождении скифов («автохтонную») и теорию об их перемещении в Северное Причерноморье из Азии («традиционную»). Такой подход к изучению археологических памятников, конечно, правильный, но он не охватывает всего круга вопросов этой сложной проблемы.

Совсем недавно Д. С. Раевский посвятил рассматриваемой теме специальное исследование. Всестороннее изучение письменных и археологических данных позволило ученому прийти к очень важным и интересным выводам.

Он совершенно правильно отмечает противоречивость и тенденциозность изложенных Геродотом преданий, противопоставляющих киммерийцев и скифов, что плохо согласуется с археологическими данными.

Далее исследователь обращает внимание на многозначность (иерархичность) понятия «скифы» в античной традиции. Он выделяет «скифов первого порядка» (собственно скифские племена, которые по Геродоту (IV, 11) пришли в Северное Причерноморье с востока и чье название распространилось и на других обитателей причерноморских степей) и «скифов второго порядка» (те самые причерноморские племена, которые также стали называться скифами).

Проанализировав весь комплекс имеющихся данных, Д. С. Раевский пришел к следующему заключению: «Скифская культура Причерноморья в традиционном ее понимании — это культура „скифов второго порядка“. В ее сложении заметную роль сыграли местные „предскифские“ традиции, а ватем и древневосточные элементы, воспринятые в эпоху скифских (и киммерийских) походов в Переднюю Азию. Поэтому при исследовании культурной истории ее носителей противопоставление скифов и киммерийцев, характерное для сохраненной Геродотом традиции и порожденное фольклорной версией рассказа об исторических судьбах „скифов первого порядка“, лишается реального смысла. Переход в Причерноморье от „киммерийской“ эпохи к „скифской“ был ознаменован не коренным изменением этнического состава населения региона, а трансформацией и распространением конкретного пле-

мешного названия на широкий круг обитателей северопонтийских земель» [43, ч. II, с. 56—57].

Выводы Д. С. Раевского объясняют целый ряд существенных противоречий в письменных источниках, по-новому освещают рассматриваемую проблему и другие связанные с ней вопросы.

Таковы основные точки зрения исследователей о происхождении скифов и скифской культуры. Как мы видим, здесь еще много спорных моментов, много противоречий, неясностей и расхождений.

Но в решении этой проблемы наметился перелом, найдены новые пути изучения всего комплекса имеющихся письменных и археологических источников. Такой подход дает основания надеяться, что эти давние тайны, связанные с происхождением и ранней историей скифов, будут окончательно разгаданы.

В заключение нельзя не коснуться вопроса о праславянских племенах времен Геродотовой Скифии. Какие племена можно считать праславянскими? Входили ли они в Скифию? Как соотносились в этнокультурном плане праславянские и скифские племена? Эти и другие связанные с ними проблемы, бесспорно, интересуют каждого из нас.

Недавно эта сложная тема была рассмотрена Б. А. Рыбаковым. Исследователь привлек огромный историко-географический и археологический материал, широко раздвинул хронологические и территориальные границы, тщательно проанализировал весь комплекс разнообразных источников и пришел к важным и крайне интересным выводам. Ознакомимся с теми заключениями, которые непосредственно связаны с рассматриваемой здесь темой. Ученый рисует следующую картину:

«К концу бронзового века, к IX—VIII вв. до н. э., западная половина обширного праславянского мира оказалась втянутой в сферу лужицкой (кельтской?) культуры, а восточная половина соприкасалась с киммерийцами (иранцами?), противоборствуя им, по воспринимая некоторые элементы их культуры.

К этому времени относится удивительное совпадение конфигурации двух ареалов: во-первых, чернолесской культуры X—VIII вв. до н. э. и, во-вторых, наиболее архаичной гидронимики, что не оставляет сомнений в праславянском характере чернолесской культуры Среднего Поднепровья.

Вероятнее всего, что праславяне чернолесского време-

ни, вынужденные отражать наезды кочевых киммерийцев, не только научились ковать железное оружие и строить могучие крепости на южной границе, но и создали союз нескольких племен между Днестром и Бугом, получивший название „сколотов“. Название это дожило до середины V в. до н. э., когда Геродот зафиксировал его как самоназвание ряда земледельческих племен лесостепного Поднепровья. Союз сколотов мог не охватывать всех праславянских племен восточной половины славянства.

Смена киммерийцев скифами в VII в. до н. э. привела, очевидно, к тому, что сколотский племенной союз вошел в обширную федерацию, условно называвшуюся Скифией. Однако праславяне-сколоты, надо полагать, сохраняли определенную автономию: южная система крепостей, защищавших от кочевников, подновились, были воздвигнуты и новые крепости. Праславяне-днепряне (борисфениты) имели свой особый морской порт, носивший их имя (милетская Ольвия), путь к которому лежал в стороне от земли царских скифов. И в то же время не подлежит сомнению сильное сращивание праславянской культуры со скифской, восприятие славянской знатью всех основных элементов скифской всаднической культуры (оружие, сбруя, звериный стиль) и в какой-то мере, может быть, даже языка» [95, с. 226—227].

Концепция изложена ясно и вполне убедительно. Не все ее положения бесспорны. Некоторые из них уже сейчас требуют корректировки, например в связи с результатами новейших исследований проблемы этнокультурных отношений киммерийцев и скифов. Но в целом предложенная Б. А. Рыбаковым схема серьезных возражений не вызывает. Часть земледельческих племен лесостепной Скифии — праславяне, т. е. наши предки.

Что же представляет собой территория Скифии? Характеризуя ее, Геродот отмечает: «Эта страна не имеет ничего замечательного, за исключением рек величайших и многочисленных. О том, что представляется достойным удивления, помимо рек и обширности равнины, будет рассказано» (IV, 82).

Реки Скифии — главная ее достопримечательность. И Геродот уделяет им особое внимание, описывает довольно подробно, красочно и крайне интересно. Реки служат ему основой при описании Скифии, являются ориентирами при определении границ между племенами, упоминании городов, поселений, различных географиче-

ских объектов. Поэтому и мы познакомимся со скифскими реками по возможности подробнее.

Приступая к описанию рек, Геродот перед этим отмечает непобедимость и недоступность скифов и добавляет: «Это так у них придумано, причем природа земли им благоприятствует и реки оказываются их союзниками. Ведь земля, представляющая собой равнину, богата травой и изобилует водой; рек же течет по ней не меньше по числу, чем каналов в Египте. Те из них, которые чем-нибудь примечательны и, начиная от моря, доступны для кораблей, я назову: Истр с пятью устьями, затем Тирас и Гипанис, и Борисфен, и Пантикап, и Гипакирис, и Герр, и Танаис» (IV, 47).

Первая река — пятиустьный Истр — современный Дунай: «Истр — величайшая из всех рек, которые мы знаем. Он всегда течет, имея одинаковый уровень и зимой и летом. Первый начиная с запада из всех рек, которые текут в Скифии, он становится величайшим по той причине, что в него впадают и другие реки. Следующие реки делают его полноводным — по скифской земле протекает их пять; та, которую скифы называют Пората, а эллины Пирет, затем Тиарант, и Арар, и Напарис, и Ордесс. Первая из перечисленных — большая река; протекая на востоке, она сливает свои воды с водами Истра. Вторая из перечисленных — Тиарант — течет более к западу и меньших размеров; Арар, и Напарис, и Ордесс, проходя в промежутке между этими реками, впадают в Истр. Это, собственно, те местные скифские реки, которые делают его полноводным; а из области агафирсов течет Марис и смешивается с Истром» (IV, 48).

Из названных притоков Истра Пората (Пирет) твердо отождествляется с Прутом, сохранившим свое древнее название в несколько искаженном виде. Отождествление остальных притоков вызывает большие разногласия ученых, особенно в связи с тем, что эти вопросы тесно переплетаются с проблемой определения западной границы Скифии. Эти не решенные до сих пор загадки еще ждут своих исследователей.

Далее Геродот называет множество других притоков Истра в его верхнем и среднем течении, затем подробно говорит о полноводности реки: «Вследствие того что все перечисленные реки и многие другие присоединяют к нему свои воды, Истр становится величайшей из рек, так как если сравнить воды одного Истра, то Нил превосходит его обилием вод — ведь ни одна река, ни даже

родник не впадают в Нил и не пополняют его воды. Истр всегда течет, имея одинаковый уровень и летом и зимой, по следующей причине, как мне кажется: зимой он имеет свой обычный уровень и становится лишь ненамного больше своих природных размеров, так как зимой эта земля орошается дождем чрезвычайно редко, но снег там идет постоянно. Летом же выпавший зимой обильный снег тает и со всех сторон стекает в Истр. Этот снег, стекающий в Истр, делает его полноводным, а также и ливни, многочисленные и бурные, ведь дожди здесь идут летом. Насколько сильнее солнце притягивает к себе воду летом, нежели зимой, настолько же обильнее то, что примешивается к Истру летом, нежели зимой. Вследствие того что одно возмещается другим, устанавливается равновесие, а поэтому и оказывается, что Истр имеет всегда одинаковый уровень» (IV, 50).

Однако сведения Геродота о постоянном уровне воды в Дунае не подтверждаются. Уровень воды в реке очень неустойчив и неоднократно меняется в течение года.

Для более полного знакомства с Истром обратимся к сведениям других античных авторов. Страбон, например, пишет о нем следующее: «Остаются страны к востоку за Рейном до Танаиса и устья Меотийского озера, а также все пространство, которое охватывает Истр между Адрием и левыми берегами Понтийского моря к югу до Эллады и Пропонтиды. Эта река, величайшая из всех европейских рек, разрезает на две части почти всю сказанную область, протекая сначала к югу, а потом круто поворачивая с запада к востоку и Понту. Она берет начало от западных пределов Германии, недалеко и от самого углубленного пункта Адриатического моря, на расстоянии около тысячи стадиев от него; и вливается же она в Понт недалеко от устьев Тиры и Борисфена, слегка отклоняясь к северу» (VII, 1, 1).

Чуть ниже Страбон дает довольно подробное описание дельты Истра: «Близ устьев Истра есть большой остров Певка; занявшие его бастарны получили название певкипов. Есть и другие острова, но гораздо меньших размеров, одни выше этого острова, другие у моря. Истр имеет семь устьев. Самое большое из них — так называемое Священное устье, по которому до Певки 120 стадиев плавания; на нижней части этого острова Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней. Это устье — первое слева для плывущих в Понт, остальные же следуют по пути вдоль берега по направлению к Ти-

ре; седьмое устье отстоит от первого почти на 300 стадиев. Между устьями-то и образуются упомянутые островки. Три устья, следующие за Священным, не велики, а остальные — гораздо меньше Священного, но больше этих трех. Эфор называет Истр пятиустьным. Отсюда до судоходной реки Тпры — 900 стадиев» (VII, 3, 15).

Обратимся теперь к сведениям Плиния. Он посвящает Истру следующий отрывок: «Истоки его в Германии, в горной цепи Абновы, против галльского города Раврика; много миль, именуясь Данувием, он протекает среди бесчисленных народов по ту сторону Альп, пополняясь огромным количеством вод; как только он приближается к Иллирику, получает название Истр; в него впадает 60 рек, причем почти половина из них судоходные; в Понт он впадает шестью обширными рукавами. Первое устье Певкийское, сразу же за ним находится и сам остров Певка, а на нем ближайшее русло, именуемое Священным, через 19 миль поглощается большим болотом. Из того же русла выше Истрополя образуется озеро окруженностью в 63 мили; его называют Гальмирида. Второе устье Истра именуется Наракустома, третье — Калонстома близ Сарматского острова, четвертое — Псевдостома, затем остров Конопон Диабасис, затем устья Бориопстома и Псилонстома. Все эти рукава, каждый в отдельности, настолько велики, что, как передают, они преодолевают море и на расстоянии 40 миль и там чувствуется пресная струя» (IV, 79).

Это описание Плиния существенно дополняет предыдущие данные о дельте Истра. Внимательный читатель, наверное, уже обратил внимание на то, что Геродот указывает пять устьев реки, Плиний — шесть, Страбон — семь. Что это, ошибка древних географов? В чем причина таких расхождений? Кто же из источников прав? Сколько же устьев имел Истр?

Сопоставление сведений античных авторов о дельте Истра показало, что источники действительно указывают разное количество устьев: Тимагет и Аполлоний Родосский — три устья; Геродот, Эфор, Псевдо-Скимн, Дионисий, Арриан, Авиен, Клавдиен, Присциан и др. — пять устьев; Плиний — шесть устьев; Страбон, Овидий, Валерий Флакк, Помпоний Мела, Клавдий Птолемей и др. — семь устьев.

Современные исследователи пытались объяснить эти расхождения ошибками античных географов. Однако обвинения оказались необоснованными и напрасными. Как

показали комплексные историко-географические исследования, причина расхождений не в ошибках источников, а в палеогеографических изменениях в самой дельте реки. На протяжении последних 2,5 тыс. лет основное русло Дуная постепенно перемещалось с юга на север. Происходило это в виде появления новых, северных рукавов и отмирания старых, южных. А поскольку имеющиеся античные описания дельты разновременны, то и количество упоминаемых в них устьев будет различным. Каждый автор указывает столько устьев, сколько было во времена его источника. Во времена Геродота их было пять.

К дельте Истра мы еще вернемся при рассмотрении похода Дария на скифов. А сейчас продолжим знакомство с Геродотовой Скифией.

После описания Дуная Геродот сообщает: «Одна река у скифов — Истр, а за ним Тирас, который движется в направлении северного ветра; он берет начало из большого озера, которое отделяет Скифию от Неврской земли. У устья Тираса обитают греки, которые называются тириты» (IV, 51).

Тирас — современный Днестр — охарактеризован совсем скупо. Так же лаконично описывают эту реку и другие авторы. Псевдо-Скимн, например, сообщает: «Река Тира, глубокая и обильная пастбищами, доставляет купцам торговлю и рыбой и безопасное плавание для грузовых судов. На ней лежит соименный реке город Тира, основанный милетянами» (§ 798—803).

Страбон посвящает Нижнему Поднепровью также большую отрывок: «При устье Тиры находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на 140 стадиев, то на обеих сторонах встретятся города: один Никония, а другой, слева, — Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что если подняться на 120 стадиев, то встретится город» (VII, 3, 16).

Не отличаются особыми подробностями и сведения Плиния: «За Истром же находятся города Кремниски, Эполий, горы Макрокремны, известная река Тира, давшая имя городу на том месте, где, как говорят, прежде была Офиусса; обширный остров на этой же реке населяют тирагеты; он отстоит от Псевдостомы, устья Истра на 130 миль» (IV, 82).

Как мы видим, античные авторы описывают Нижнее Поднепровье весьма скупо. Сведения Псевдо-Скимна,

Страбона, Плиния относятся в основном к послегеродотовскому времени и в данном случае не представляют для нас особого интереса, поэтому не требуют специального комментирования. Здесь необходимо проанализировать только данные Геродота.

Сообщение Геродота о большом озере, из которого берет начало Тирас, вызывает споры. Истоки Днестра пахотятся, как известно, в Карпатских горах. Как же понимать слова «отца истории»? Одни ученые считают, что это сообщение лишено всяких оснований, а Геродот следует общей концепции, согласно которой реки берут начало из озер или с гор. Другие исследователи пытаются найти словам древнего автора реальное объяснение и считают, что речь идет здесь об обширных болотах в верхнем течении реки, которые во времена разлива превращались в одно большое озеро, из которого русло Тираса вытекало дальше на юг. Такое мнение представляется достаточно убедительным. В верхнем течении Днестра действительно имеются болотистые места, которые во времена Геродота, когда реки были более полноводными, превращались в период половодья в большое озеро.

Как отмечает «отец истории», у устья Тираса обитают греки, которые называются тириты. Он не указывает конкретных населенных пунктов, а только в самом общем виде говорит о существовании здесь греческих поселений. Однако некоторые исследователи абсолютно необоснованно считают, что Геродот называет здесь город Тиру. Такое мнение явно ошибочно.

В Нижнем Поднестровье во времена Геродота существовало более десятка греческих поселений.

Греки начали освоение этого региона после Нижнего Побужья, уже в VI в. до н. э. Одна из основных причин этого заключается в том, что приднестровские степи были окраиной территории Скифии. А эллины стремились обосноваться в первую очередь в устье таких крупных водных артерий, как Днепр и Южный Буг, которые вели в центральные районы Скифии (рис. 3).

В VI в. до н. э. оседлого скифского населения в Нижнем Поднестровье практически не было. Сюда лишь изредка заходили отдельные кочевья.

Древнегреческие переселенцы осваивали низовья Тираса постепенно и весьма своеобразно. Их первым центром в этом регионе был, надо полагать, город Офиусса. Это красивое звучное имя в переводе означает «Змеиный остров». Где же он находился?

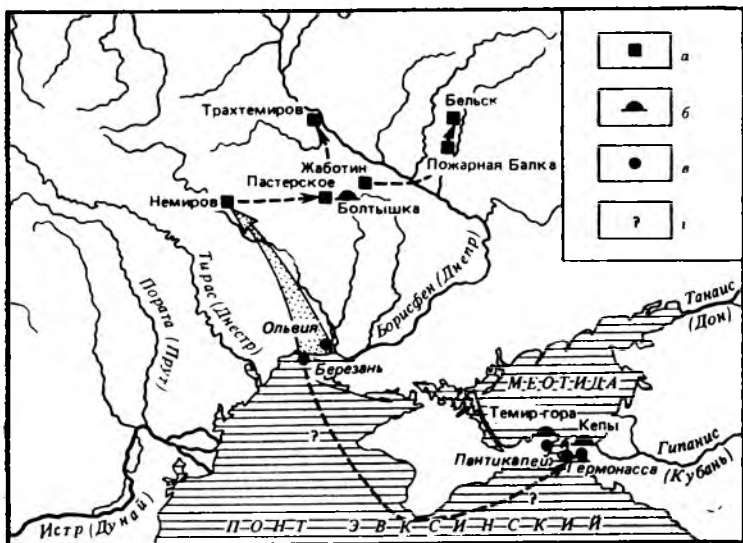

Рис. 3. Торговые пути древнегреческих городов Северного Причерноморья в Скифию во второй половине VII — начале VI вв. до в. э. (по И. Б. Брашинскому)

а — городище (поселение); б — курган (погребение); в — древнегреческие города; г — путь поступления неясен. Стрелки указывают основное направление связей

Вопрос об Офиуссе несколько столетий вызывал оживленные дискуссии и острые споры исследователей. Одни ученые отождествляли ее с городом Тирой, другие считали отдельным, самостоятельным городом, но не могли отыскать его развалины.

В последние годы в результате комплексного изучения письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников мною была выдвинута гипотеза о том, где искать Офиуссу [4, с. 87—101].

Читатель, наверное, обратил внимание на сообщение Плиния о том, что на реке Тире обширный остров населен тирагетами. Что же это за остров? Река Днестр при впадении в море образует, как известно, обширный Днестровский лиман. И никакого острова ни в самом лимане, ни в низовьях реки нет. Как же понимать сообщение Плиния? Достоверна эта информация или ошибочна?

Ключ к этой разгадке и некоторым другим дала палеогеография. Выяснилось, что в античное время, когда

уровень Черного моря был ниже современного как минимум на 5 м, Днестровского лимана не существовало вообще. На его месте была дельта реки из двух рукавов, между которыми раскинулся обширный дельтовый остров. Именно этот остров и упоминает Плиний. Здесь, как сообщает источник, обитали тирагеты, т. е. геты, живущие на Тире.

Указанный дельтовый остров существовал и в VI в. до н. э. Есть достаточно оснований предполагать, что именно здесь и основали эллины свое первое поселение в этом регионе — Офиуссу. Боясь возможных стычек с местным населением, они предпочли на первых порах обосноваться в не совсем удобном, но более безопасном месте.

Укрепив свое положение, эллины стали осваивать и коренной берег. Где-то во второй половине VI в. до н. э. на левобережье у современного с. Роксоланы появился город Никоний. Позже возникла целая цепь небольших сельских поселений, которые вошли в округу Никония.

Постепенно необходимость в островном поселении отпала. И жители Офиуссы перебрались на правый коренной берег. Название «Офиусса», т. е. «Зменный остров», уже не соответствовало новому географическому положению. И город стал называться по имени реки — Тирой.

Позже, когда уровень Черного моря стал повышаться, дельтовый остров постепенно скрылся под водой. И на его месте заплескались волны образовавшегося Днестровского лимана.

Таким образом, и Офиуссу, и поселения тирагетов следует искать под водой. Нам удалось провести здесь небольшие подводные археологические разведки. Обнаружены остатки нескольких поселений, существовавших на дельтовом острове.

Полученные результаты подкрепляют изложенную гипотезу. Разумеется, она требует дальнейшей разработки и дополнительной аргументации. Будем надеяться, что новые подводные исследования помогут окончательно решить эти интереснейшие вопросы.

Во времена Геродота ведущее положение в Нижнем Поднестровье занимал Никоний. Город вел оживленную торговлю с крупными центрами античного мира, а также с местными племенами, которые обитали выше по реке. Некоторое время судьба Никония была самым тесным образом связана со Скифией. Речь об этом пойдет в одной

из следующих глав, которая посвящена трагедии скифского царя Скила.

Прежде чем завершить рассмотрение сведений Геродота о районе Тираса, необходимо сказать и о такой интересной достопримечательности. «Отец истории» пишет: «У реки Тираса показывают след Геракла, находящийся в скале; он похож на след ноги человека, но по величине он размером в два локтя» (IV, 82).

Где же находилась указанная скала? Определить это, к сожалению, уже невозможно. Вероятнее всего, это результат причудливой игры природы на какой-то заметной скале одной из известняковых террас Днестра. А с распространением культа Геракла в Скифии это своеобразное углубление в скале стали связывать с его именем.

Таковы сведения Геродота о районе современного Днестровского лимана и побережья самого Днестра. Затем античный автор переносит нас сразу в район Днепровско-Бугского лимана. О побережье моря между этими районами не сказано ни слова. Во времена источника здесь, вероятно, не было ни древнегреческих, ни скифских поселений.

А позднее на берегах современной Одесской бухты появились гавань исиаков и гавань истриап, в устье Дофиновского лимана — местечко Скопелы, а в устье Тилигульского лимана — город Одесс, от которого получила свое название современная Одесса.

После Тираса Геродот переходит к описанию Гипаниса — современного Южного Буга: «Третья река — Гипанис — движется из пределов Скифии, вытекая из большого озера, вокруг которого пасутся дикие белые лошади. Это озеро правильно называется матерью Гипаниса. Возникающая из него река Гипанис на расстоянии пяти дней плавания еще узкая и вода в ней пресная, а отсюда до моря на расстоянии четырех дней плавания вода чрезвычайно горькая. Ведь в нее впадает горький источник; настолько горький, что, хотя и невелик по размерам, он придает свой вкус Гипанису, одной из немногих больших рек. Источник этот находится в пределах страны скифов-пахарей и ализонов¹. Название источника и той местности, откуда он вытекает, по-скифски Эксампей, на языке же эллинов — Священные пути. Вблизи земли ализопов Тирас и Гипанис сближают свои излучины, но отсюда

---

¹ В других списках «Истории» — алазоны.

каждый из них поворачивает и течет так, что промежуток между ними расширяется» (IV, 52).

Как мы видим, Геродот характеризует Южный Буг довольно подробно. Особый интерес вызывает его сообщение о большом озере, из которого вытекает река. Мнения исследователей на этот счет разделились. Ведь в верховьях Южного Буга никакого озера нет. Одни ученые считают, что такое озеро существовало только в воображении Геродота, другие стараются найти реальное объяснение этому сообщению. Дело в том, что в верхнем течении реки имеется много болот и озер. Именно они, по мнению Г. Думшина, Я. Зборжила, во время разливов превращались в одно большое озеро, которое считалось матерью Гипаниса.

Такая точка зрения представляется наиболее правильной. На мой взгляд, упоминаемое Геродотом озеро находилось в районе Винницы. Здесь Южный Буг течет по широкой заболоченной долине, в которой много озер и прудов. В половодье они превращаются в одно большое озеро, о котором и сообщает нам «отец истории».

Особый интерес вызывает горький источник Эксампей. Где же находился этот приток Гипаниса? Почему был горьким? Что означает название Священные пути?

Эти и другие связанные с Эксампеем вопросы уже несколько столетий вызывают оживленные споры исследователей и окончательно не решены до сих пор.

Какой же из левых притоков Южного Буга в древности назывался Эксампеем? Одни ученые приходят к выводу, что это — Синюха, другие — Мертвовод, третьи — Гнилой Еланец, четвертые — Черный Ташлык [4, с. 140 и след.].

Всесторонний анализ имеющихся данных приводит к выводу, что Эксампеем называлась именно Синюха. Ее местоположение полностью отвечает всем необходимым требованиям для отождествления с этим горьким притоком.

Почему же Синюха была горькой? Ответить на этот вопрос помогают сведения римского писателя Витрувия Поллиона. В своем сочинении «Об архитектуре» он пишет: «Есть источники, берущие свое начало из горького земного сока, с чрезвычайно горькой водой; такова река Гипанис в Понте. Река эта течет от истоков приблизительно 40 миль, имея воду очень сладкую на вкус, затем достигает места, отстоящего от устья на 160 миль; там она принимает очень небольшой источник. Он, впадая в

реку, делает всю огромную массу воды в ней горькой, так как течет по такой земле и жилам, откуда добывают сапдараку, и вода в нем делается горькой» (VIII, 3, 11).

Как мы видим, Витрувий связывает горький вкус воды Эксампея с землей, по которой он протекает. Действительно, названные притоки Южного Буга содержат фосфатные и медистые примеси, которые значительно ухудшают вкус воды. В этом отношении очень показательны сами названия этих рек — Синюха, Мертвовод, Гнилой Еланец, Черный Ташлык.

Они говорят сами за себя и не требуют особого комментария.

Но Эксампей выделялся среди соседних притоков своей особой соленостью. Почему?

Ответ на этот вопрос дают, как мне кажется, данные о том, что именно в верховьях Сипюхи до недавнего времени существовало несколько соленых озерцов. Вода в них по солености не отличалась от морской. Здесь почти до нашего времени (начало XIX в.) в больших количествах довольно интенсивно добывали соль. В древности тут были значительные залежи соли. Протекая через эту местность речка становилась исключительно соленой и существенно изменяла вкус воды в Гипанисе.

Следует отметить также, что некоторые исследователи предлагают иное объяснение. По их мнению, вкус воды в Гипанисе ухудшала морская вода, пропикавшая к верховьям лимана.

Действительно, в настоящее время при пагонных ветрах морская вода заходит далеко в лиман. Но ведь речной сток сейчас ничтожно мал, так как уходит на орошение земель, водоснабжение городов и различные другие нужды народного хозяйства. А в древности Гипанис был более полноводным и все свои воды выносил в море. И сильное течение реки не позволяло морской воде заходить далеко вверх.

В другом месте своего труда Геродот вновь возвращается к Эксампею. «Отец истории» попытался выяснить численность скифов. Рассказывая об этом, он приводит крайне интересные сведения: «Численность скифов я не мог точно узнать, но слышал об их числе различные сообщения: что их очень много и что скифов как таковых мало. Однако вот что мне наглядно показали. Есть между реками Борисфеном и Гипанисом местность, название которой Эксампей. Об этой местности я упоминал незадолго до того, сказав, что в ней есть источник горькой

воды; вода вытекающая из него, делает воду Гипаниса негодной для питья.

В этой местности находится медный котел по величине в шесть раз больше кратера у устья Понта, который посвятил Павсаний, сын Клеомброта. А тому, кто его никогда не видел, я разъясню это следующим образом: медный котел в Скифии свободно вмещает шестьсот амфор; толщина этого скифского медного котла—шесть пальцев. Этот котел, как говорили местные жители, сделан из наконечников стрел. Пожелав узнать численность скифов, их царь, имя которого Ариант, приказал всем скифам, чтобы каждый принес один наконечник стрелы; а тому, кто не принесет, он угрожал смертью.

Так вот было доставлено множество наконечников, и он решил оставить памятник, сделал его из этих наконечников. Из них он сделал именно этот медный котел и посвятил его в этот Эксампей. Вот что я слышал о численности скифов» (IV, 81).

Как мы видим, этот отрывок насыщен самой разнообразной информацией, которая вызывает множество вопросов: и о самом медном котле, и о его размерах, и о количестве наконечников стрел, и о скифском царе Арианте и т. д.

Что же это за котел? И почему Ариант задумал сделать именно котел?

Дело в том, что котлы, медные или бронзовые, были весьма важными предметами в жизни скифов (рис. 4). Об этом в определенной мере свидетельствуют этнографические параллели. У осетин, например, в языке которых, обычаях, обрядах сохранились многие скифские отголоски, котлы играли большую роль и ценились очень дорого, огромный общинный котел у них хранился в святилище. Во время больших празднеств в этом котле готовили пищу для всего селения или даже для нескольких соседних селений.

В других источниках имя Арианта не упоминается. Поэтому некоторые исследователи считают его мифическим царем, другие же признают его конкретным историческим лицом и даже пытаются определить время его царствования: конец VII в. до н. э. или конец VI в. до н. э. Эти предположения остаются пока бездоказательными. Будем надеяться, что со временем появятся новые данные, которые помогут полнее осветить этот интересный вопрос.

Для чего же Ариант задумал это мероприятие? Ис-

Р и с. 4. Скифский бронзовый котел из кургана Раскопана Могила

следователи полагают, что царь предпринял своеобразную перепись подвластного ему населения, для того чтобы упорядочить сбор налогов.

В этой связи интересно следующее обстоятельство. В VI в. до н. э. в Нижнем Побужье были широко распространены медные монеты в виде наконечников стрел, так называемые монеты-стрелки. Поэтому, возможно, сама перепись уже представляла собой сбор дани, на что указывал Б. Н. Граков.

Какой же была численность скифов во времена Арианта? На этот вопрос пока нельзя дать точный ответ. Сведения Геродота дают нам весьма приблизительные отправные данные для расчетов.

Котел Арианта вмещал 600 амфор и толщина его равнялась шести пальцам. Исходя из этих данных, А. Н. Щеглов и К. К. Марченко попытались определить численность скифов [121, с. 51]. Для проведения расчетов была взята форма котла из кургана Солоха и наконечники стрел VI в. до н. э. весом от 3,2 до 3,9 г.

В Вычислительном центре Института социально-экономических проблем АН СССР по программе, выполненной А. Н. Мальгиным, были проведены соответствующие расчеты. Получено 36 вариантов количества паконечников стрел, необходимых для отливки котла. Наименьший вариант предполагает следующие цифры: вес котла — 21 654 кг, емкость — 11 760 л, количество паконечников — 6,155 млн штук. Наибольший вариант: вес котла — 41 771 кг, объем — 19 440 л, количество паконечников — 13,009 млн штук.

Полученные цифры, как отметил Е. В. Черненко, совершенно нереальны. В чем же причина? Сами расчеты, разумеется, не подлежат сомнению. Видимо, сведения Геродота не совсем точны.

Однако это не дает оснований сомневаться в существовании самого котла. Геродот описывает этот котел и связанные с ним события абсолютно реально. Бесспорно, в Эксампее стоял огромный бронзовый котел, рассказы о котором разнеслись далеко за пределами Скифии.

Многие исследователи, исходя из фразы Геродота: «Однако вот что мне паглядно показали», после которой идет рассказ о котле Арианта, полагают, что Геродот лично видел описываемый котел. Это обстоятельство является главным аргументом для вывода о том, что Геродот, собирая сведения о скифо-персидской войне, посетил Скифию, в частности Ольвию и ее окрестности. Свое путешествие он совершил, как полагают ученые, примерно в середине V в. до н. э.

Таковы вкратце сведения о котле Арианта. Закономерен вопрос о том, какова же судьба этого гигантского котла. Мог ли он сохраниться в целости до наших дней?

Серьезно этим вопросом никто не занимался. Вероятнее всего, что этот выдающийся памятник скифских мастеров погиб в водовороте бурных событий минувших столетий. Возможно, сведения о нем сохранились еще в каких-то источниках. Нельзя исключить и предположение, что знаменитый котел Арианта уцелел и лежит сейчас где-то в земле Эксампее. Может, удача ждет кого-то из энтузиастов?

В Эксампее, как считают специалисты, находилось обшескифское святилище. Поэтому именно здесь и находился котел Арианта.

Интересно отметить, что Д. С. Раевский, развивая свою мысль о «скифском четырехугольнике» как о простейшей модели организованного мира, считает Эксампеей

геометрическим центром этого четырехугольника, т. е. центром мира: «Урочище Эксампей, таким образом, по данным Геродота, располагается в геометрическом центре этого четырехугольника. Вряд ли это обстоятельство случайно. Выше уже отмечалось, что четырехугольная Скифия есть отражение представления об организованной Вселенной. В упорядоченном же мире, согласно архаическим представлениям, максимумом сакральности обладает именно центр мира, через который проходит *axis mundi* и где в начале мира совершился акт творения, приведший к созданию упорядоченного космоса...

Показательно, что Геродот толкует название Эксампей как Святые (Священные) Пути. Сакральные же свойства центра мира определяются прежде всего тем, что именно через него пролегает кратчайший путь, „связывающий землю и человека с Небом и Творцом“. Именно „центр мира“ является обычно местом проведения праздника, воспроизводящего в ритуале события „начала мира“. Поэтому есть все основания полагать, что скифский праздник проходил именно в урочище Эксампей, а сообщаемые Геродотом данные о местоположении этого урочища в значительной степени условны, так как подчинены не реальной географии, а концепции о четырехугольной конфигурации мира и о его центре» [86, с. 114].

Изложенные рассуждения Д. С. Раевского вполне убедительны и заслуживают пристального внимания. Но их совершенно несправедливо отверг Б. А. Рыбаков: «Древнее, идущее из энеолита представление о квадратном пахотном поле автор неправомерно применяет к чисто географическому, подлежащему измерению реальному понятию. Неправомерно и признание Эксампея центром „модели организованного мира“ — ведь сторона скифского квадрата равнялась 20 дням пути, а до Эксампея было всего четыре дня» [95, с. 211—212, прим. 22].

Этот единственный аргумент Б. А. Рыбакова ошибочен и основан на недоразумении. Во-первых, Геродот говорит о четырех днях *плаванья*, а не *пешеходного* пути. А эти расстояния далеко не одинаковы. День пути, как уже говорилось, равен примерно 36 км, а день плаванья, как показали многочисленные расчеты по данным Геродота, — 55—58 км [4, с. 145—148]. Следовательно, четыре дня плаванья — это более шести дней пешеходного пути. Во-вторых, по Геродоту, четыре дня плаванья — до *устья реки Эксампей*, а не до *самой местности* с таким же названием, где стоял котел Арианта. Эта местность находи-

лась в *верховьях* реки, примерно в четырех днях пути от ее *устья*. Следовательно, местность Эксампей находилась примерно в десяти днях пути от моря, т. е. в самом центре «скифского четырехугольника».

Вернемся, однако, к рассказу Геродота и продолжим знакомство с реками Скифии.

После Гипаниса Геродот переходит к описанию Борисфена — современного Днепра: «Четвертая река — Борисфен — величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила; ведь с ним невозможно сравнить никакую другую реку. Из остальных Борисфен самый полноводный; он предоставляет прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота. В нем водится много превосходнейших рыб. Вода по вкусу очень приятная; рядом с мутными потоками он течет чистый. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. У устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли. Здесь водятся огромные бескостные рыбы, которых называют антакаями; их доставляют для засаливания. Есть и многое другое, также достойное удивления.

Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше. Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов-земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания. Только у этой реки и у Нила я не могу указать источники и, полагаю, не может никто из эллинов. Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты» (IV, 53).

Как мы видим, Днепру уделено гораздо больше внимания, чем остальным рекам. Здесь и характеристика самой реки, и сообщение о природных богатствах этого региона, и упоминание о границах обитания скифов-земледельцев, борисфенитов, и сведения о палеогеографии Днепровско-Бугского лимана, и указание о храме Деметры. Ценны и интересны данные, касающиеся многих важных вопросов древней истории и географии Северного Причерноморья. Рассмотрим некоторые из этих проблем.

Начнем со сведений о течении Борисфена. Геродот сообщает, что от его устья до местности Герр сорок дней плавания. Это расстояние слишком велико. Оно противоречит другому сообщению «отца истории», согласно которому все расстояние от моря до северной границы Скифии равно двадцати дням пути (IV, 101). Поэтому ученые подвергают сомнению правильность первой цифры.

В чем же причина такого несоответствия? Этот вопрос вызывает оживленные дискуссии на протяжении нескольких столетий, но до сих пор не решен окончательно. На этот счет высказаны самые различные точки зрения.

Еще в начале XVIII в. Т. Байер предложил вместо сорока дней (*τεσσαράκοντα*) читать четырнадцать дней (*τεσσαρὼν καὶ δέκα*). Предложенная этим исследователем конъектура была принята многими филологами и издателями, но не стала общепринятой и встретила категорические возражения со стороны некоторых специалистов, которые полагали, что сорок дней плавания вверх по реке — не слишком много по сравнению с двадцатью днями сухопутного движения.

Ф. К. Брун, а вслед за ним Ф. А. Браун пытались найти другое объяснение. По их мнению, сорок дней плавания измерены не от устья Борисфена, а от его верховьев. Недавно Б. А. Рыбаков, основываясь на этом переводе текста, пытался определить, чему равен день плавания по реке.

К совершенно иному выводу пришли А. Хансен, Б. Н. Граков, Л. А. Ельницкий. По их мнению, сообщение о сорока днях плавания до Герр связано с тем, что именно сорок дней длилась у скифов похоронная процессия в те же Герры, где находятся могилы скифских царей. Эти сорок дней траурного путешествия могли при описании Борисфена превратиться в сорок дней плавания по реке.

Необходимо отметить также предположение о том, что число сорок у Геродота употребляется, возможно, метафорически, означая при этом условно большое число. Например, «отец истории» отмечает сорок устьев Аракса (I, 202), сорок дней пути вдоль Нила (II, 29).

Итак, мы вкратце ознакомились с четырьмя основными точками зрения.

1. Вместо сорока дней читать четырнадцать.
2. Измерять сорок дней плавания не от устья, а от верховьев реки.

3. Сорок дней плавания связаны с сороками днями похоронной процессии.

4. Число сорок у Геродота условное и означает множество.

Попытаемся проанализировать эти точки зрения. Первая из них — чистая догадка, которая основана на сходстве в написании чисел сорок и четырнадцать и требует исправления текста. Но у нас нет никаких объективных оснований допускать такую ошибку. Поэтому рассматриваемая точка зрения не может быть принята, как мне представляется.

Стремление отсчитывать сорок дней плавания не от устья реки, а от ее верховьев связано с неправильным переводом текста. У Геродота ясно сказано, что речь идет о нижнем течении Борисфена, а не о верхнем. Иное толкование источника ошибочно. Ошибочны и основанные на неправильном переводе расчеты относительно дня плавания по реке.

Объяснение о том, что сорок дней плавания у Геродота появились в связи с сорока днями похоронной процессии, представляется достаточно убедительным. Здесь могла сработать примерно такая логическая цепочка. Похоронная процессия заканчивается в Геррах. Длится она сорок дней. Течение Борисфера известно до Герр. Следовательно, от устья до Герр сорок дней плавания.

Этот логический вывод сделан, видимо, самим Геродотом. Не имея сведений о длине известной части Борисфена, он, надо полагать, сопоставил имеющиеся данные по указанной схеме и получил сорок дней плавания. Этой цифрой «отец истории» и дополнил фразу о течении реки, о чем свидетельствует конструкция рассматриваемого предложения: «Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше». Главное предложение содержит мысль о том, что Борисфен известен до Герр и что никто не знает его верхнего течения. Сюда вклинивается придаточное предложение «до которой сорок дней плавания», дополняющее первую часть главного.

Теперь несколько слов относительно предположения о том, что число сорок у Геродота условное и означает множество. В целом, возможно, так оно и есть. Но в данном случае, как уже говорилось, сорок дней плавания появились благодаря данным о сорокадневной похоронной процессии, а вот откуда взяты эти траурные сроки — не-

ясно. Возможно, эти сорок дней связаны с религиозными представлениями о существовании человеческой души после биологической смерти.

Таким образом, сорок дней плавания — чересчур большое расстояние для нижнего течения Борисфена. Эта цифра, по всей вероятности, связана с сообщением о сорокадневной похоронной процессии и не отражает реального расстояния от устья реки до Герр.

Рассмотрим еще один интересный вопрос. Описывая Борисфен, Геродот отмечает, что скифы-земледельцы «обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания». В другом же месте источник сообщает, что земля скифов-земледельцев «простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену» (IV, 18). Налицо явное несоответствие. В чем же причина?

Одни исследователи пытались объяснить это несоответствие испорченностью текста, другие полагали, что несогласующиеся между собой сведения взяты из разных источников. Но такие объяснения представляются неубедительными и не снимают поставленного вопроса.

Для того чтобы полнее понять второе сообщение, процитируем полностью весь отрывок: «Если перейти Борисфен, первая от моря страна — Гилея, если же идти вверх от нее — там живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие у реки Гипанис, называют борисфенитами, а самих себя ольвиополитами. Эти скифы-земледельцы населяют землю к востоку на протяжении трех дней пути, доходя до реки, название которой Пантикап; в сторону северного ветра эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше над ними пустыня на большом пространстве. За пустыней живут андрофаги, племя особое и отнюдь не скифское. Страна, находящаяся выше них, уже настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет на всем известном нам протяжении» (IV, 18).

Сравним оба отрывка. В одном при описании Борисфена сообщается о том, что «эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания», а в другом говорится о том, что «в сторону северного ветра эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену». Если внимательно вчитаться в эти отрывки, мы увидим, что они не противоречат друг другу, а указывают два чуть-чуть разных расстояния. Одиннадцать дней плавания — это расстояние, на которое простирается скифская земля, а десять дней плавания — это

расстояние, на котором обитают скифы-земледельцы. А недостающий день плавания приходится на Гилею.

Необходимо отметить, что к аналогичному выводу пришел в свое время Ю. Г. Виноградов, полагая при этом, что одиннадцать дней плавания измерены от устья Борисфена вверх по течению, а десять дней плавания — в обратном направлении, одиннадцатый же день приходится на Гилею. Однако прибегать к такому допущению нет никакой необходимости, да и возможности. Из источника ясно следует, что в обоих случаях расстояния измерены в одном направлении — вверх по течению: одиннадцать дней плавания отсчитаны от устья реки и определяют протяженность земли скифов-земледельцев, а десять дней плавания указывают границы их обитания, день плавания, приходющийся на необитаемую Гилею, «опущен».

При описании Борисфена Геродот указывает храм богини плодородия Деметры. У читателя сразу же возникают вопросы. Что это за храм? Где он находился? Как выглядел? Что он представляет собой сегодня?

Ответить на эти вопросы совсем не просто. Они долгое время были предметом оживленной дискуссии, но так и остались нерешенными до конца. По Геродоту, этот храм находился на мысу Гипполая между Борисфеном и Гипанисом. Где же расположен сам мыс Гипполая?

Начиная с XIX в. многие исследователи отождествляют мыс Гипполая с современным мысом Станислав, расположенным между Днепровским и Бугским лиманами. Его местоположение в общем-то соответствует данным Геродота. Здесь ученые и искали храм Деметры. Но... не нашли. Поиски не дали никаких результатов. Тогда храм стали искать не на самом мысу Станислав, а в его окрестностях. Но и здесь не было никаких следов. В этой связи возникает вопрос, а действительно ли мыс Станислав назывался в древности мысом Гипполая? Исследователи стали высказывать разные точки зрения. Одни сомневались в правильности этого отождествления, другие отстаивали его. Так, например, П. О. Бурачков отождествил с мысом Гипполая Волошскую косу, расположенную на правом берегу Бугского лимана выше Ольвии. Эту точку зрения подверг критике В. В. Латышев. Но Бурачков настаивал на своей гипотезе, и его выводы вновь были совершенно справедливо отвергнуты Латышевым, так как предлагаемая локализация противоречила указаниям источника.

В послевоенные годы начались планомерные археоло-

гические разведки побережья Днепровско-Бугского лимана. Был детально обследован и мыс Станислав. Но и на этот раз поиски не дали никаких результатов. Тогда Ф. М. Штительман предположила, что храм Деметры был построен на самой оконечности мыса Станислав и обрушился в лиман в результате интенсивного размыва берега.

В последние десятилетия в ходе дальнейших исследований античных поселений Нижнего Побужья вновь встал вопрос о храме Деметры. Каждое новое поколение исследователей возвращается к этой загадке и пытается отыскать указанный Геродотом храм. Опять пришлось вернуться к вопросу о локализации мыса Гипполая. С ним отождествляли как мыс Станислав, так и соседний мыс Пугач. Но самые тщательные обследования и в том и в другом месте не дали нужных результатов. Загадка осталась нераскрытой.

Где же искать этот загадочный храм? Ключ к разгадке дает палеогеография. В первую очередь обратимся вновь к Геродоту и внимательно перечитаем пужные нам сведения: «Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса живут борисфениты» (IV, 53).

Во-первых, мыс Гипполая, по Геродоту, — «клинообразная полоса земли». Апалогичную характеристику этому мысу дает знаменитый оратор Дион Хрисостом, побывавший в Ольвии где-то в конце I в. н. э. В своей «Борисфенитской речи» помимо других ценных сведений он приводит крайне интересное описание рассматриваемого района: «Случилось мне летом быть в Борисфене, когда я после изгнания прибыл туда морем, имея в виду, если можно будет, пробраться через Скифию к гетам, чтобы посмотреть, что там делается. И вот я в рыночный час прогуливался по берегу Гипаниса. Надо знать, что, хотя город и получил название от Борисфена вследствие красоты и величины этой реки, но как ныне лежит на Гипанисе, так и прежде был выстроен там же немного выше так называемого Гипполаева мыса, на противоположном от него берегу. Мыс этот представляет собой острый и крутой выступ материка в виде корабельного носа, около которого сливаются обе реки; далее они представляют уже лиман вплоть до моря на протяжении почти 200 ста-

дней; и ширина рек в этом месте не менее. Большая часть лимана представляет собой мели, и при безветрии поверхность воды там постоянно гладка, как на озере. Лишь с правой стороны заметно течение воды, и плывущие с моря по течению заключают о глубине; отсюда-то реки изливаются в море вследствие силы течения; если бы его не было, вода легко могла бы быть задержана сильным южным ветром, дующим в устье.

В остальной части лимана берега болотисты и покрыты густым тростником и деревьями; даже в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты, так что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним, как бы к кораблям. Здесь есть также много соли, и отсюда получает ее покупкой большинство варваров, а также эллины и скифы, живущие на Таврическом полуострове. Реки впадают в море у укрепления Алектора, принадлежащего, как говорят, супруге царя савроматов» (XXXVI, 2).

Как мы видим, у Диона Хриостома мыс Гипполая — это «острый и крутой выступ материка в виде корабельного носа». Такая характеристика полностью подтверждает определение Геродота — «клинообразная полоса земли». А нынешний мыс Станислав никак не соответствует приведенным описаниям. Это — большой, выступающий в лиман мыс, образованный изгибом береговой линии, отнюдь не такой уж клинообразный и не похожий на корабельный нос.

Во-вторых, и у Геродота, и у Диона Хриостома Гипполаев мыс находится между реками. Борисфен и Гипанис образуют этот мыс, ниже его сливаются друг с другом и впадают в общий лиман. А мыс Станислав омывается водами только Днепровского лимана. Кроме того, Днепр и Южный Буг в настоящее время не сливаются друг с другом, а впадают соответственно в Днепровский и Бугский лиманы, которые образуют один общий Днепровско-Бугский лиман.

Все эти несоответствия показывают, что за прошедшие 2,5 тыс. лет береговая линия в рассматриваемом районе существенно изменилась. Дело в том, что времена Геродота приходится на пик так называемой фанаторийской регрессии Черного моря. Уровень моря тогда был ниже современного как минимум на 5 м. Поэтому береговая линия в мелководных районах выглядела в деталях иначе.

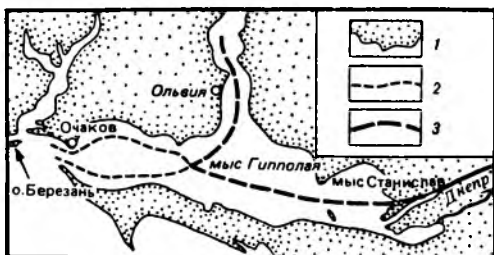
Что же представлял собой во второй половине I ты-

сячелетия до н. э. район современного Днепровско-Бугского лимана? Комплексное изучение письменных, археологических и палеогеографических данных, проработка крупномасштабных батиметрических карт, а также палеогеографических карт с указанием древних русел Днепра и Южного Буга дали возможность построить схематическую реконструкцию береговой линии района.

Основные положения полученной палеогеографической реконструкции сводятся к следующему. Современных Днепровского и Бугского лиманов тогда не существовало. По их долинам протекали соответственно Днепр и Южный Буг. Примерно в средней части современного Днепро-Бугского лимана реки сливались и затем впадали в общий лиман, устье которого находилось у Очаковского мыса, т. е. там же, где и сегодня. От коренного берега между реками длинным высоким узким клином вытянулся к месту их слияния мыс Гипполая. На его оконечности и находился храм Деметры.

В результате повышения уровня моря в позднеантичное — средневековое время — долины Днепра и Южного Буга постепенно были затоплены. Началось интенсивное разрушение коренных берегов. Не обошла эта участь и Гипполаев мыс. Метр за метром перемалывали волны эту узкую полоску суши, безжалостно уничтожая все, что там находилось. Так был разрушен и рухнул в лиман храм Деметры. Его развалины разбросаны на дне лимана и перекрыты слоем современных осадков.

Где же искать остатки разрушенного храма? Примерный ориентир дает нам Дион Христомом. Согласно его сообщению, древний лиман раскинулся почти на 200 стадиев, а у вершины лимана находился мыс Гипполая. Какой именно стадий здесь использован, мы не знаем. Поэтому возьмем для расчетов самый короткий и самый длинный стадий — 150 м и 210 м. Отсюда получим, что вершина древнего лимана, а следовательно, и мыс Гипполая находились примерно в 30—42 км к востоку от Очаковского мыса. Уточнить эту цифру помогают палеогеографические карты. По имеющимся данным, русла Борисфена и Гипаниса сливались примерно в 30—32 км восточнее Очаковского мыса. Вероятнее всего, источник Диона Христомомом пользовался стадием в 157 м — наиболее распространенным стадием, которым измерено подавляющее большинство расстояний на Понте Эвксинском. Таким образом, храм Деметры следует искать примерно в 30—32 км к востоку от Очаковского мыса. Отсюда до мыса

Р и с. 5. Схематическая палеогеографическая реконструкция района Днепровско-Бугского лимана для второй половины I тыс. до н. э.

1 — современная береговая линия; 2 — примерные контуры древнего лимана; 3 — затопленные ныне древние русла Борисфена (Днепра) и Гипаниса (Южного Буга)

Станислав еще 12–14 км. Иными словами, разрушенный лиманом клин коренного берега между Борисфеном и Гипанисом равнялся примерно 12–14 км. На остальных участках лиман просто затопил долины этих рек. Затем уже в результате абразии, усилившейся в последние столетия, началось интенсивное разрушение коренных берегов на всем побережье обширного Днепровско-Бугского лимана (рис. 5).

Такова в общих чертах предлагаемая палеогеографическая реконструкция и локализация храма Деметры. Разумеется, некоторые положения остаются гипотетичными и требуют дальнейшей аргументации и уточнений. Но основные выводы представляются достаточно убедительными уже на этой стадии разработки. Последнее слово здесь за подводными археологическими исследованиями с помощью гидролокатора, эжектора и новейшей аппаратуры для такого рода работ. Будем надеяться, что в скором будущем они принесут свои результаты.

Вернемся, однако, к сведениям Геродота о скифских реках и продолжим знакомство с районом Днепровско-Бугского лимана. После Гипаниса и Борисфена Геродот указывает реку Пантикап: «Об этих реках достаточно. А после них — другая река, пятая, название которой Пантикап. Течет он также с севера и из озера, а посредине между ним и Борисфеном обитают скифы-земледельцы; втекает же он в Гилею, а миновав ее, соединяется с Борисфеном» [IV, 54].

Итак, *Пантикап*. Какой же приток Днепра назывался этим именем? Этот вопрос долгое время вызывает ожив-

ленные споры исследователей и до сих пор не решен. Дело в том, что описанию источника не соответствует ни один левый приток Днепра. По этому поводу ученые высказывали самые различные мнения.

Наибольшее распространение получили следующие две точки зрения. Одни ученые отождествляют Пантикап с Конкой, левым притоком Днепра. Другие исследователи считают возможным отождествить Пантикап с Ингульцом, правым притоком Днепра. Высказаны и иные точки зрения. Но ни одна из этих речек не отвечает необходимым требованиям.

Локализация Пантикапа остается одной из загадок географии Скифии. Этот сложный, запутанный вопрос ждет своего исследователя.

Далее Геродот сообщает: «Шестая река — Гипакирис, которая, устремляясь из озера и протекая посредине области скифов-кочевников, впадает в море близ города Каркипитиды, направо от себя оставляя Гилею и так называемый Ахиллов бег» (IV, 55).

Гипакирис чаще всего отождествляют с рекой Каланчак, которая впадает в Каркипитский залив. Но эта точка зрения не является общепринятой. Некоторые исследователи видят в Гипакирисе озеро Донузлав, расположенное в 30 км северо-западнее Евпатории. Единого мнения на этот счет пока нет.

Затем «отец истории» указывает: «Седьмая река — Герр — ответвляется от Борисфена в том месте этой страны, до которого русло Борисфена известно. Ответвляется она в этой стране, а название имеет то же, что и сама страна, — Герр. Протекая к морю, она разделяет область кочевников и область царских скифов, впадает же в Гипакирис» (IV, 56).

Река Герр также не нашла еще своего места на современной географической карте. Этот вопрос долгое время вызывал, пожалуй, самые бурные споры специалистов по локализации рек Геродотовой Скифии. Исследователи высказывали самые различные точки зрения. Наиболее популярны две гипотезы.

Одни ученые отождествляют Герр с р. Конкой, другие — с р. Молочной. Обе точки зрения имеют как сильные, так и слабые стороны. Этот вопрос также остается пока одной из загадок географии Скифии.

Таким образом, вопрос о локализации трех речек — Пантикапа, Гипакириса и Герра — представляет собой один тесно переплетенный загадочный клубок. И решать

его необходимо в комплексе, т. е. локализовать все три речки, а не какую-то одну. Только в таком случае полученные выводы будут звучать веско и убедительно. Здесь важна полная картина поисков всех трех рек в одном специальном исследовании. И конечно же, тут не обойтись без широкого привлечения палеогеографических данных. Ведь в рассматриваемом регионе произошли серьезные изменения берегов, не учитывать которые абсолютно нельзя.

Здесь не место для решения этого сложного вопроса. Он требует детального рассмотрения большого количества различных данных, тщательного анализа и обстоятельной аргументации. Сделать это можно в статье, специально посвященной указанной проблеме. Остается надеяться, что в скором будущем кто-то из исследователей возьмется разгадать эту давнюю тайну. Ведь от нее зависит и локализация скифских племен.

После этих загадочных рек Геродот совсем кратко описывает реку Танаис — современный Дон: «Восьмая река — Танаис, которая течет сверху, устремляясь из большого озера, впадает же в еще большее озеро, называемое Меотийским, которое разделяет царских скифов и савроматов. В этот Танаис впадает другая река, название которой Гиргис» (IV, 57).

Как мы видим, пограничная скифская река Танаис охарактеризована весьма скупо. Видимо, Геродот не располагал достаточными сведениями.

Танаис обычно отождествляют с современным Доном. Но некоторые исследователи считают, что в древности верхней частью Танаиса считался не Дон, а Северский Донец. Так что этот вопрос также требует специального рассмотрения. С ним связана и локализация реки Гиргис, в которой видят обычно Северский Донец.

Таким образом, мы познакомились со сведениями Геродота о скифских реках. Здесь, как неоднократно говорилось, еще достаточно много нерешенных проблем, интересных, даже загадочных вопросов, которые ждут своих исследователей.

Расселение племен и народов

Локализация указанных Геродотом скифских племен на современной археологической карте — одна из наиболее сложных задач современного скифоведения. Эта проблема рассматривается уже не одно десятилетие, но к единому мнению исследователи до сих пор не пришли. Относительно размещения некоторых племен имеются значительные расхождения.

Не так давно Б. А. Рыбаков сопоставил и тщательно проанализировал имеющиеся карты Скифии, составленные М. И. Артамоновым, А. П. Смирновым, Б. Н. Граковым, В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным, и на основе широкого привлечения нового материала предложил свой вариант карты [95, с. 191]. Эта карта вызвала резкую, в ряде случаев абсолютно справедливую, вполне убедительную критику со стороны А. И. Тереножкина. В своей рецензии на книгу Б. А. Рыбакова, вышедшей посмертно в сборнике «Скифы Северного Причерноморья», А. И. Тереножкин подчеркнул, что карту Б. А. Рыбакова принять невозможно [96, с. 12].

Оценивая современное состояние проблемы, А. И. Тереножкин отметил, что наиболее действенной и перспективной остается карта, опубликованная Б. Н. Граковым в 1947 г., что именно она в своей основе широко используется В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным [96, с. 11].

Как же размещены скифские племена и их соседи у самого Геродота? Обратимся к его лаконичным, иногда — совсем сухим сведениям.

Рассказав о мифах и исторических преданиях относительно происхождения скифов, Геродот переходит к описанию самой Скифии. Предварительно он отмечает: «Никто точно не знает, что находится выше страны, о которой начато это повествование. У меня даже нет возможности расспросить кого-либо, кто утверждал бы, что знает это как очевидец. И даже Аристей, о котором я упомянул незадолго перед этим, даже он в своих стихах утверждал, что дошел не дальше исседонов, но о том, что находится выше, он рассказал по слухам, говоря, что это рассказывают исседоны. Но то, что мы смогли как можно более точно выяснить по слухам, — все это будет изложено» (IV, 16).

И начинается интереснейшее, очень увлекательное, местами просто захватывающее повествование.

Читатель сразу же попадает в самую середину приморской части Скифии — устье Борисфена: «От гавани борисфенитов (она ведь находится в самой середине побережья всей Скифии) — от нее первыми живут каллипиды, которые являются эллино-скифами; над ними — другое племя, которое называется ализоны. И они, и каллипиды во всех остальных занятиях подобны скифам, но в отличие от них хлеб они и сеют, и едят, а также лук, чеснок, чечевицу и просо.

Над ализонами живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи. Выше этих живут невры, а над певрами — земля, обращенная к северному ветру, на всем известном нам протяжении безлюдна. Это племена, обитающие вдоль по течению реки Гипаниса, к западу от Борисфена» (IV, 17).

Итак, *гавань борисфенитов*. Что это за пункт? Этот вопрос уже много десятилетий вызывает оживленные дискуссии и до сих пор еще не решен. Дело в том, что в указанном районе во времена Геродота существовали два крупных древнегреческих центра: поселение на современном острове Березань и город Ольвия. Березанское поселение — наиболее раннее древнегреческое поселение в Северном Причерноморье. Первые поселенцы появились здесь в 645/644 г. до н. э.

Что же представляет собой остров Березань? Это — небольшой скалистый клочок суши клинообразной формы. Его наибольшая длина — около 900 м, наибольшая ширина, в северной части, — около 600 м.

Современные исследователи долгое время задавались вопросом о том, как могли существовать древние греки на этом пятачке без воды, плодородной земли, надежной связи с материком и т. д. Возможно ли нормальное существование в таких условиях?!

Ответ на этот вопрос дала палеогеография. Оказалось, что в древнегреческий период, когда уровень Понта Эвксинского был ниже современного минимум на 5 м, Березань была не островом, а полуостровом. Это был далеко выдающийся в море мыс у правого берега устья Березанского лимана, оканчивающийся высоким каменистым останцом.

У оконечности мыса и обосновались первые переселенцы из далекой Эллады. Место было не совсем удобное, но более безопасное. Боясь возможных стычек со скифа-

ми, греки на первых порах старались селиться там, где было легче защищаться от нападений со стороны суши. Ведь греко-скифские отношения знали и времена мирного добрососедства, и периоды ожесточенной вражды с кровопролитными сражениями.

А позднее в результате повышения уровня моря началось интенсивное разрушение Березанского мыса. Морские волны метр за метром перемалывали наиболее слабую, глинистую часть полуострова. Так каменистый остаток был отрезан от коренного берега и превратился в остров. Все это произошло, видимо, в первые столетия нашей эры. Для более точной датировки пока нет необходимых данных.

Первопоселенцы, конечно, не ощущали каких-либо серьезных последствий палеогеографических изменений. Но в последующие столетия стали замечать все заметнее и ощущать последствия наступления моря на сушу. Разрушались берега, подтапливались прибрежные районы, портовые сооружения, ухудшались условия судоходства.

Теперь немного об Ольвии. После основания Березанского поселения греки упрочили свое положение в районе Днепровско-Бугского лимана и стали постепенно осваивать эту территорию. Так, видимо, на рубеже VII—VI вв. до н. э. на правом берегу Бугского лимана в 36 км выше Очакова был основан город Ольвия, т. е. «Счастливая», ставший одним из наиболее крупных античных центров Причерноморья. Ольвия называлась также Борисфеном. Это название встречается и у Геродота, и у некоторых других древних авторов. «Отец истории», рассказывая о трагедии скифского царя Скила, именует Ольвию Борисфеном, а также городом борисфенитов.

Так какой же пункт Геродот называет гаванью борисфенитов? Одни ученые видят здесь Березань, другие — Ольвию. Первую точку зрения наиболее полно обосновал Ю. Г. Виноградов, вторую — П. О. Карышковский. Один из основных моментов этого спора сводится к тому, можно ли считать Ольвию самым средним пунктом побережья Скифии или нельзя. П. О. Карышковский отвечает на этот вопрос положительно. Он считает, что к Ольвии вполне применимо такое определение и что именно ее Геродот называет гаванью борисфенитов.

Ю. Г. Виноградов отвергает этот вывод и полагает, что гаванью борисфенитов названо Березанское поселение, которое лежало непосредственно у моря и было, по его мнению, «самым подходящим пунктом для целей

Геродота „начертать“ расселение племен». Если бы здесь имелась в виду Ольвия, рассуждает далее исследователь, то создавалось бы впечатление, что Геродот пропускает в своем описании довольно большую территорию в несколько десятков километров, но не говорит о том, что она пустыня.

Этот довод Ю. Г. Виноградова выглядит на первый взгляд вполне убедительно. Но вчитаемся внимательнее в источник. Какой здесь огромный географический охват! Ведь в этом совсем небольшом отрывке Геродот очень кратко и сжато описывает обширнейшую территорию: собственно Скифию и более северные земли на всем известном ему протяжении. Это — многие сотни километров. Правомерно ли при таком общем описании требовать от древнего автора, чтобы он специально охарактеризовал такой незначительный участок побережья длиной в 36 км, который входил в сельскохозяйственную округу Ольвии и не нуждался в какой-то особой характеристике?!

А с другой стороны, если согласиться с выводом Ю. Г. Виноградова и его предшественников, получится, что Геродот в своем описании указал второстепенное поселение — Березанское и пропустил... центр государства — Ольвию. Возможно ли такое? Думаю, нет.

Эти и другие обстоятельства дают, на мой взгляд, достаточно оснований, чтобы вслед за другими исследователями считать, что гаванью борисфенитов названа именно Ольвия. Геродот называет ее также гаванью Борисфена (IV, 24), Борисфеном (IV, 78), городом борисфенитов (IV, 78, 79). Разные термины объясняются, надо полагать, особенностями литературного стиля. Рассказывая об Ольвии, древнегреческий писатель старался избегать повторений и поэтому именовал ее по-разному.

Теперь несколько слов о племенах, живущих вдоль Гипаниса. Геродот указывает здесь каллипидов, ализонов, скифов-пахарей и невров. Где именно обитали эти племена? Каковы точные границы их расселения? Какие поселения и могильники связаны с ними? Все эти вопросы вызывают еще много споров и окончательно не решены до сих пор. Ученые высказали множество самых различных точек зрения, но к единому мнению так и не пришли. И надеяться на это пока не приходится. Основные причины расхождений — различный подход к проблеме, оперирование разными категориями источников, недостаточное использование всего комплекса имеющихся в настоящее время данных.

Для успешного решения этих проблем необходим в первую очередь комплексный подход. Ведь гораздо больше шансов на успех, если брать не отдельно проблему каллипидов или ализонов, скифов-пахарей или певров, а охватить весь регион в целом. Тогда и общая картина будет яснее, и выводы убедительнее. Это, во-первых.

Во-вторых, необходимо комплексное изучение всех имеющихся источников: письменных, археологических, палеогеографических, картографических, антропологических и др. Только всестороннее исследование всего комплекса разнообразных данных принесет необходимые результаты. Одним словом, эти проблемы, как и многие другие, еще ждут своих исследователей.

Итак, мы вкратце ознакомились со сведениями Геродота в районе Гипаниса. Перейдем теперь к Борисфену, который был, по словам «отца истории», величайшей из рек после Истра и самой полноводной после Нила.

Какие же племена обитали на берегах Борисфена? Геродот пишет об этом следующее: «Если перейти Борисфен, первая от моря страна — Гилея, если же идти вверх от нее — там живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие у реки Гипанис, называют борисфенитами, а самих себя ольвиополитами.

Эти скифы-земледельцы населяют землю к востоку на протяжении трех дней пути, доходя до реки, название которой Пантикап; в сторону северного ветра эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше над ними пустыня на большом пространстве.

За пустыней живут андрофаги, племя особое и отнюдь не скифское. Страна, находящаяся выше них, уже настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет за всем известном протяжении» (IV, 18).

Итак, страна Гилея. Она упоминается еще несколько раз. Здесь, как рассказывает легенда, Геракл вступил в брак с полудевой-полузмеей, и от этого брака родились Агафирс, Гелон и Скиф. Здесь же уже не по легенде, а в действительности трагически погиб от руки своего брата, как мы увидим далее, скифский мудрец Анахарсис.

Рассказывают о Гилее и другие античные авторы: одни — совсем кратко, другие — подробнее.

Вот, например, что пишет о Гилее и прилегающих к ней районах Помпоний Мела: «Затем море подходит к берегу и на расстоянии пяти тысяч шагов от Меотиды, постоянно следуя за удаляющимися берегами, придает

почти вид острова местности, занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив — Каркинитским. При нем лежит город Каркина, омываемый двумя реками — Герром и Ипакаром, которые изливаются одним устьем, но вытекают из разных источников и в разных местах: Герр течет между басьялидами и номадами, а Ипакар — по земле номадов.

Затем идут самые огромные в этих местностях леса и река Пантикап, отделяющая номадов от пахарей. Затем выступающая длинная полоса земли соединяется с берегом узким перешейком, потом на большом пространстве понемногу умеренно суживается и, собирая свои длинные бока как бы в виде острия, прилежит в виде лежащего меча. Существует предание, что Ахилл, вступивший в Понтийское море с враждебным флотом, праздновал там свою победу торжественными играми и, успокоившись от войны, упражнял в беге себя и своих. Поэтому эта коса названа Ахилловым Бегом.

Затем омывает владения одноименного племени река Борисфен, красивейшая из рек Скифии...» (II, 4—6).

Как мы видим, Гилея — это «самые огромные в этих местностях леса». Подразумевается, что *весь* описываемый регион достаточно богат лесами. А среди этих лесных массивов особо выделяется Гилея. Все это говорит о том, что прибрежная часть Скифии в античное время была довольно лесистой. Это подтверждают и данные палеогеографов. По долинам рек, особенно в их дельтах, росли густые пойменные леса, а склоны балок, низины были покрыты перелесками.

Весьма красочно Помпоний Мела рассказывает об Ахилловом Беге — современной Тендровской косе. Эта песчаная отмель почти вплотную примыкала к Гилее и была также хорошо известна античным авторам.

Гилея была настолько знаменита, что прилегающая к ней часть Понта Эвксинского называлась Гилейским морем. Вот что пишет об этом Плиний Старший: «Затем лесная область, которая дала название „Гилейское“ примыкающему к ней морю; ее жители называются энэкадии. Далее река Пантикап, которая разграничивает племена номадов и георгов, потом — Акесии. Некоторые авторы передают, что Пантикап сливается с Борисфеном ниже Ольвии, более же точные утверждают, что с Борисфеном сливается Гипанис; первые впадают в такую ошибку потому, что относят Гипанис к Азии» (IV, 83).

Попутно необходимо заметить, что у древних геогра-

фов возникало немало путаницы в связи с тем, что Гиганисом в античное время назывались и Кубань и Южный Буг.

Следует сказать о путанице представлений и у современных исследователей. Б. А. Рыбаков пришел к выводу о том, что существовали две разные Гилеи [95, с. 129—133, 140—142]. Первую он поместил на Нижнем Днепре, а вторую — на р. Ворскле, которую отождествил с Пантикапом Геродота. Всесторонний анализ имеющихся данных показывает, что выделение двух Гилей совершенно искусственно и абсолютно ничем не обосновано. И Геродот и другие античные авторы указывают одну единственную Гилею — нижнеднепровскую. Сомневаться в этом и выдумывать еще одну Гилею нет никаких маломальски серьезных оснований.

Где же находилась знаменитая Гилея? Кто знаком с районом Днепровского лимана знает, что никаких лесов здесь нет. Наоборот, на многие десятки километров тут раскинулась настоящая песчаная пустыня. Этот регион так и называется — Нижнеднепровские пески.

О каких же лесах идет речь у древних авторов? Как ни парадоксально, но именно на месте сегодняшней песчаной пустыни в античное время шумели зеленые дубравы Гилей!

В более ранний период здесь была дельта Днепра. Река выходила в море в районе современного Каркинитского залива. Постепенно дельта переместилась в широтном направлении к своему современному положению. Все огромное пространство между старой и новой дельтой было покрыто плодородными иловыми наносами реки и изрезано множеством мелких рукавов и протоков. Здесь и разрослись буйные леса, которые древние греки назвали Гилеей, т. е. Полесьем.

Примечательно, что во времена Древней Руси здесь существовал город Олешье, а в наше время — город Алешки, современный Цюрупинск.

В послеантичный период в результате географических изменений лесные массивы Гилей стали постепенно исчезать. В средние века леса здесь были еще довольно обширными. Они обозначены на многих средневековых картах, иногда даже дано античное название — Гилея, как, например, на карте Пошта Эвксинского из исторического атласа А. Ортелия, составленной в 1590 г. (рис. 6).

По свидетельствам очевидцев, довольно густые леса существовали еще в XVIII в. Например, П. О. Бурачков

Р и с. 6. Гилея на карте А. Ортелия 1590 г.

пишет, что его прадед, поселившись в 1760 г. на Кинбурнском полуострове, застал еще довольно густой лес из дуба, березы, ольхи, осины, в котором водились дикие кабаны, козы и даже олени.

Но за последние столетия эти леса полностью исчезли. Этому во многом способствовала хозяйственная, а вернее бесхозяйственная, деятельность человека. И вот на месте густых лесов перед нами сыпучие пески!

Вернемся опять к Геродоту. После скифов-земледельцев и андрофагов он совсем кратко характеризует скифов-кочевников: «К востоку от этих скифов-земледельцев, если перейти реку Пантикап, живут уже скифы-кочевники, которые ничего не сеют и не пахут; вся эта земля, за исключением Гилей,— безлесная. Кочевники эти населяют к востоку на расстоянии четырнадцати дней пути страну, простирающуюся до реки Герра» (IV, 19).

Вопрос о локализации скифов-кочевников также остается спорным. Определение границ зависит в первую очередь от отождествления Пантикапа, а также Герра с Гипакириса. Напомню, что Пантикап обычно отождествляют с Конкой или Ингульцом, Герр — с Конкой или Молочной, Гипакирис — с Каланчаком. В зависимости от этого исследователи и размещают скифов-кочевников.

Какова же была территория номадов, т. е. кочевников? По Геродоту, она протянулась на четырнадцать дней пути. Исследователи отмечают, что эта цифра противоречит указанию того же Геродота, что от Борисфена до Меотиды десять дней пути (IV, 101). Действительно, налицо явное расхождение источника. Как же тут быть?

Исследователи предлагают несколько различных объяснений. Дж. Реннел предположил, что вместо «десяти дней пути» следует читать «четыре». Такое предложение нашло своих сторонников.

Г. Штейн пришел к другому выводу. По его мнению, Геродот брал эти цифры из разных источников, в которых расстояния были измерены от различных точек.

М. Кисслинг принял указание о четырнадцати днях пути, но считал, что это расстояние следует отсчитывать не на восток, а на север. Это мнение также нашло своих сторонников, но затем ученый сам отказался от него.

Другие исследователи объясняют расхождения в расстояниях неточностью измерений.

Таковы основные мнения по этому вопросу. Все они предполагают ту или иную ошибку источника. Конечно, Геродот, как и другие античные авторы (и не только античные), мог ошибиться сам или использовать недостоверные данные. Но есть ли у нас достаточно оснований для того, чтобы видеть здесь именно ошибку?

Обратимся еще раз к источнику. Да, по Геродоту, от Борисфена до Меотиды десять дней пути, а земля скифов-кочевников простирается на четырнадцать дней пути. На первый взгляд здесь действительно расхождение в расстояниях. Но так ли это в действительности?

Попытаемся представить себе, как схематично выглядела территория кочевников. Ведь они, судя по описанию Геродотом этой части Скифии, занимали не какую-то узкую полосу земли, вытянувшуюся далеко на восток, а довольно широкую территорию. А при такой конфигурации расстояние до дальнего угла их владений вполне могло насчитывать четырнадцать дней пути, тогда как от Борисфена до Меотиды было всего лишь десять дней пути. Ведь нижнее течение Танаиса, до которого, надо полагать, простирались земли кочевников, находится еще дальше к востоку, чем устье Меотиды, где кончаются указанные десять дней пути.

Если согласиться с этим объяснением, то получается, что никакого противоречия в сведениях Геродота нет. Расхождение в расстояниях — кажущееся. И обвинять

Геродота в какой-либо ошибке нет никаких объективных оснований.

Теперь продолжим ознакомление с геродотовским описанием скифских племен. Обратимся к следующему стрывку.

После скифов-кочевников несколько подробнее охарактеризованы скифы-царские: «По ту сторону Герра находится та земля, которая называется царской, и там обитают скифы самые храбрые и самые многочисленные, которые считают других скифов своими рабами. Доходят они на юге до Таврики, а на востоке именно до того рва, который вырыли сыновья слепых, и до гавани на берегу озера Меотиды, которую называют Кремны. Часть их владений доходит до р. Танаиса.

Выше земли царских скифов к северному ветру живут меланхлены, племя иное, не скифское. Выше меланхленов — болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении» (IV, 20).

Как мы видим, скифы-царские селились на огромной территории в междуречье Днепра и Дона. Это — наиболее многочисленная группа скифских племен, которая занимала особое положение среди других скифов. Слова Геродота о том, что они «считают других скифов своими рабами», конечно же, не должны восприниматься в самом прямом смысле. Другие скифские племена не были в рабской зависимости от скифов-царских, они только платили им дань.

Читателя, конечно, заинтересовала гавань Кремны. Что это за гавань? Где находилась?

Слово «Кремны» в переводе с древнегреческого означает «Кручи». Надо полагать, гавань была расположена в таком месте, которое выделялось высокими обрывистыми берегами, кручами.

Гавань Кремны до сих пор не найдена. Ее поисками ученые занимаются уже много десятилетий. Высказано множество различных точек зрения, но ни одна из них не стала общепринятой.

Большинство исследователей локализируют эту гавань на северном побережье Азовского моря, где имеются удобные для гавани бухты и высокие обрывистые берега. Убедительных археологических данных пока нет. Так что этот интересный вопрос остается до сих пор нерешенным.

Совсем недавно вышла из печати статья Ю. В. Болтрика и Е. Е. Фиалко, специально посвященная поискам гавани Кремны [96, с. 40—48]. Авторы локализируют эту

ГЕРОДОТ

М. И. РОСТОВЦЕВ

А. П. СМЕРНОВ

М. И. АРТАМОНОВ

К. Ф. СМІРНОВ

Б. Н. ГРАКОВ

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

**Первое изучение чаши из Гаймановой Могилы.
Слева направо: Б. Н. Мозолевский, В. И. Бидзили, А. И. Тереножкин,
В. А. Ильинская**

Деревянные чаши с золотой обивкой. Реконструкция Б. Н. Мозолевского

Оформление витрины «Скифы — кочевники» в Одесском археологическом музее АН УССР. На фото С. Б. Охотников

Золотая бляшка в виде грифона

Стеклянная чаша

**Золотая пектораль из кургана Толстая Могила.
Раскопки Б. Н. Мозолевого
Музей исторических драгоценностей УССР**

**Серебряная чаша из кургана Гайманова Могила. Раскопки В. И. Бидзили.
Музей исторических драгоценностей УССР**

**Скифская кибитка. Глиняная модель из кургана в Керчи.
Одесский археологический музей АН УССР**

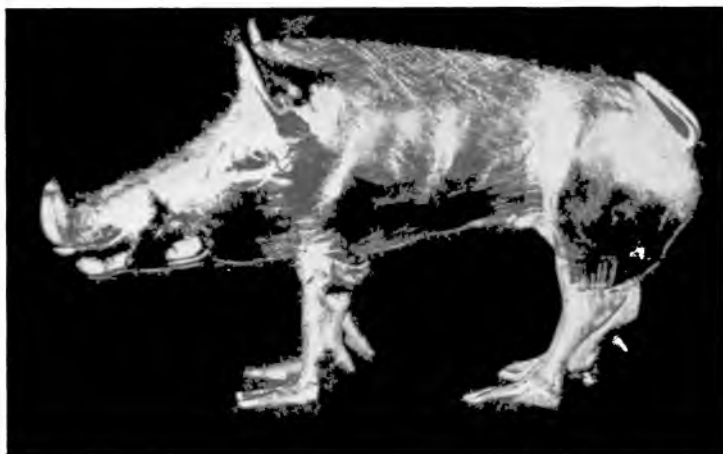

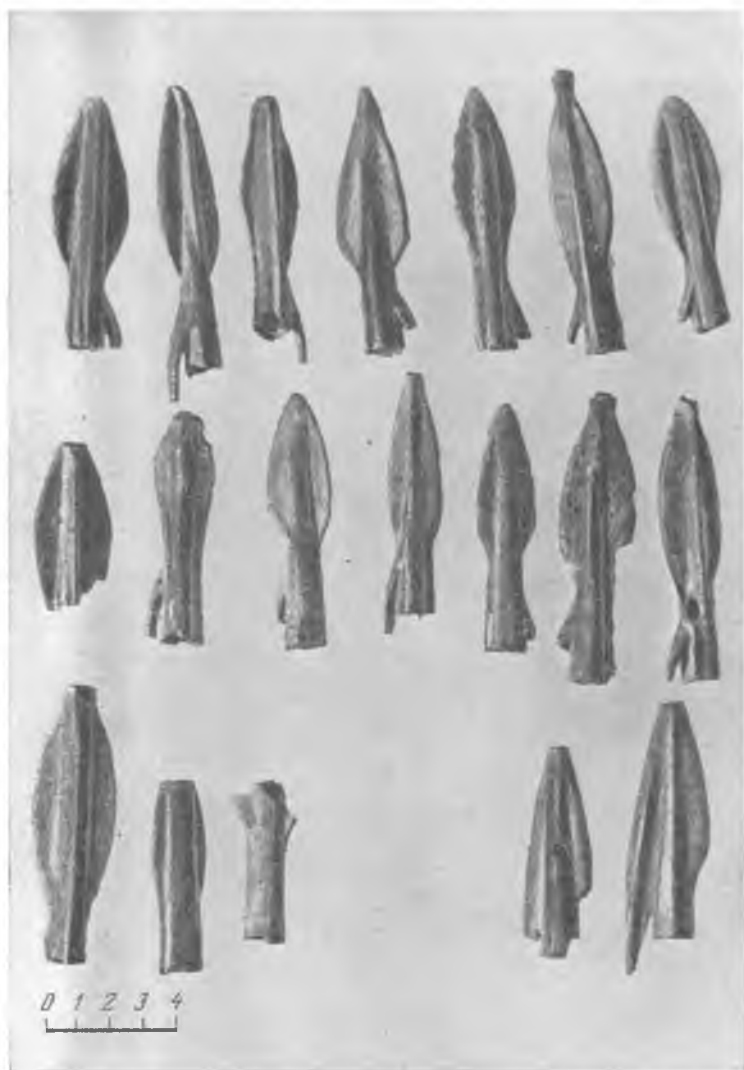
**Золотые бусы из кургана Малый Чертомлык.
Раскопки Б. Н. Мозолевого**

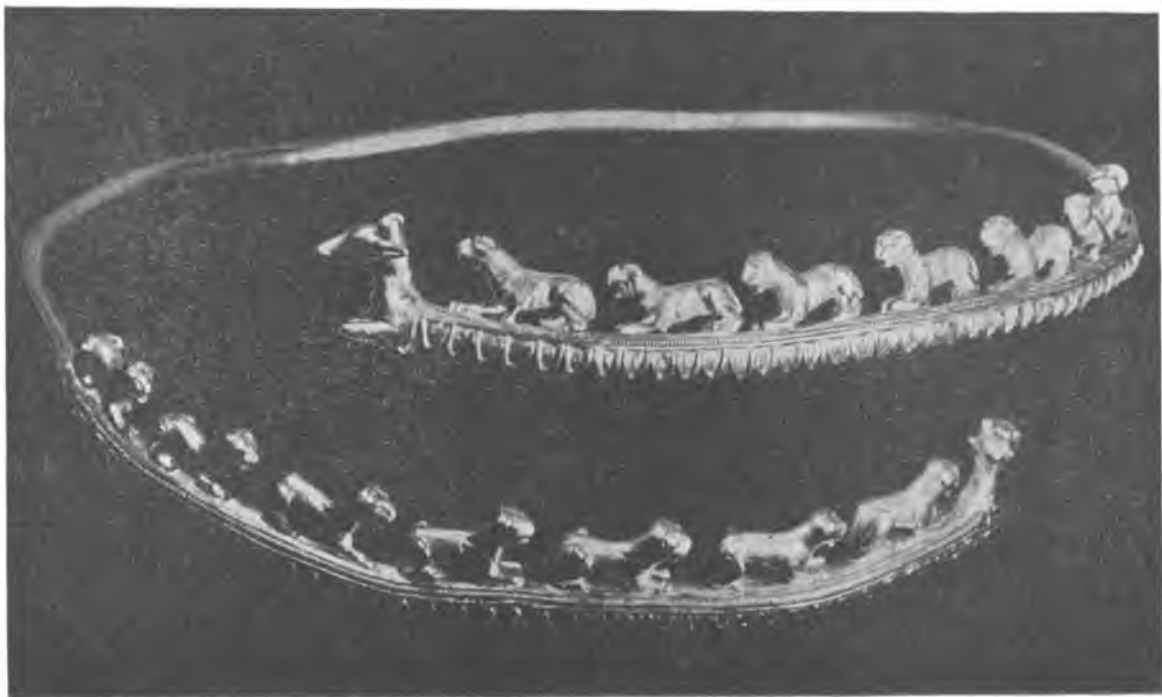
**Мраморный сфинкс из Ольвии.
Одесский археологический музей АН УССР**

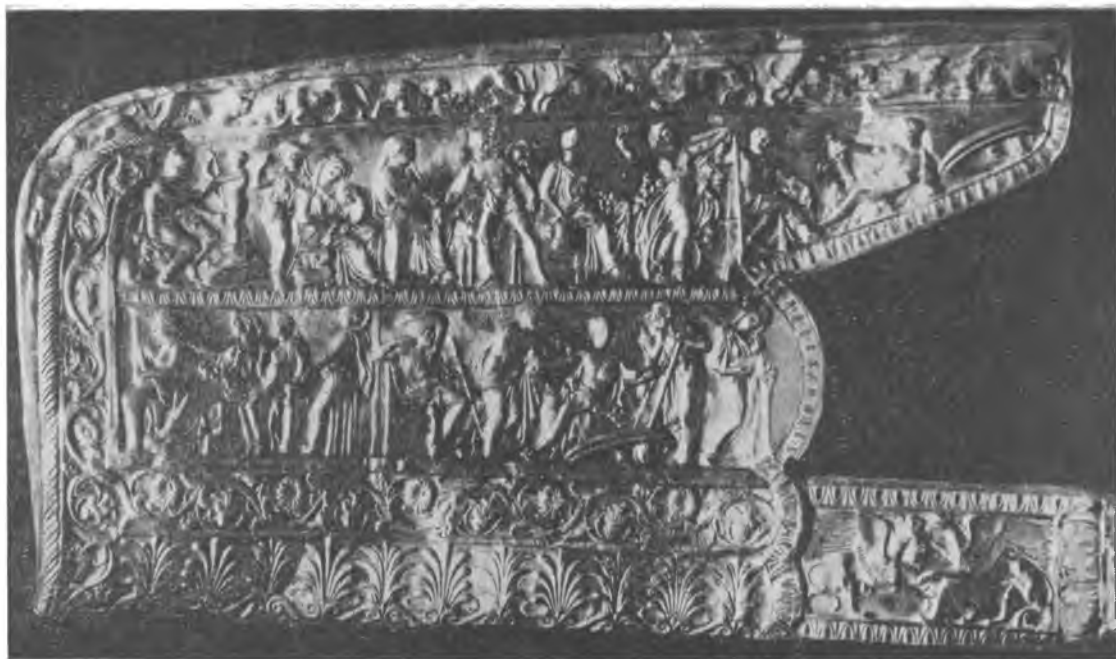
**Золотая фигурка свиньи из кургана Хомина Могила.
Раскопки Б. П. Мозолевого**

Бронзовые наконечники скифских стрел VII—VI вв. до н. э.

Золотая гривна из кургана Толстая Могила. Раскопки Б. Н. Мозолаевского.

Золотая обивка горита из Мелитопольского кургана. Раскопки А. И. Тереножкина

Доследование кургана Чертомлык в 1981 г. Раскопки Б. Н. Мозолевого

Находки в дромосе женской гробницы Мелитопольского кургана. Раскопки А. И. Тереножкина

Курган Нечаева Могила — один из крупнейших курганов степной Скифии (высота — 17 м)

гавань в устье р. Корсак у с. Ботицево. Здесь, по их мнению, существовал залив, в котором «даже глубоководные суда могли подходить к берегу» [96, с. 45].

Залив в этом месте бесспорно существовал. Но в какое время? Вероятно, во времена новочерноморской трансгрессии, примерно на рубеже III—II тыс. до н. э., т. е. в доантичное время, и во времена нимфейской трансгрессии, примерно в середине I тыс. н. э., т. е. уже в послелантичное время. Как установлено специалистами на основании геологических, геоморфологических и археологических данных, во время пика новочерноморской трансгрессии уровень Черного моря (а следовательно, и Азовского) был выше современного на 2 м, а во время пика нимфейской трансгрессии — до 1 м [116, с. 154]. Без сомнения, можно говорить о существовании этого залива в указанные периоды.

Но ведь в V в. до н. э., во времена Геродота, палеогеографическая картина в корне отличалась. Уровень моря был ниже современного примерно на 5—7 м [116, с. 154]. А, по оценкам других исследователей, например К. К. Шилика, уровень моря был еще ниже — до 10 м. Это время фанагорийской регрессии. Ни о каком заливе у современного с. Ботицево, куда могли заходить большие суда, в V в. до н. э. не может быть и речи. Тогда и береговая линия моря проходила примерно в километре мористее. Поэтому, если и искать гавань Кремны в этом районе, то не у самого с. Ботицево, а на дне моря. Но почему именно на дне моря?

Разгадку, мне кажется, дает палеогеография. Дело в том, что в древнегреческий период уровень Черного и Азовского морей, как уже говорилось, был ниже современного как минимум на 5 м. Это значит, что береговая линия того времени давно затоплена и находится под водой. За прошедшие 2,5 тыс. лет берег значительно отступил перед надвигающейся стихией. Скорость абразии (разрушение берега) различна для разных районов. Она зависит от рельефа местности, строения берега, глубины моря в прибрежной зоне и многих других факторов.

Как показывают имеющиеся данные, полоса берега, которая разрушена и уничтожена морем за последние 2,5 тыс. лет, на разных участках Азовско-черноморского побережья весьма различна — от нескольких десятков метров до нескольких километров.

Какова же ситуация в интересующем нас районе? Как показывают батиметрические карты, прибрежная зо-

на в северной части Азовского моря особенно мелководна. Настолько мелководна, что при более низком уровне моря (минус 5 м) береговая линия проходила примерно в километре мористее. Древний берег давно разрушен морем. Следовательно, гавань Кремны необходимо искать не на современном побережье, которое во времена Геродота было довольно далеко от уреза воды, а у древней береговой линии, т. е. на дне моря.

Гавань Кремны находилась, надо полагать, в удобной для захода судов, укрытой от ветров бухте. В результате повышения уровня моря гавань была разрушена и затоплена. И сейчас ее развалины лежат на дне моря под слоем современных осадков.

Где же они могут быть? Для поисков этой гавани необходимы комплексные палеогеографические и подводные археологические исследования. В первую очередь требуется более или менее детальная палеогеографическая реконструкция региона. Необходимо определить положение древней береговой линии, собрать имеющиеся сведения об археологических находках под водой и вести целенаправленные подводные археологические исследования. Только таким путем может быть найдена эта загадочная гавань.

Здесь следует подчеркнуть, что на современном северном побережье Азовского моря от Ростова-на-Дону до Мелитополя почти не обнаружено скифских или древнегреческих поселений времен Геродота, расположенных непосредственно на берегу моря. А такие поселения должны быть. Это побережье не могло быть настолько пустынным. Какой же напрашивается вывод? Существовавшие здесь поселения, надо полагать, как и гавань Кремны, разрушены и затоплены морем. Так что подводные археологические исследования этого района должны быть весьма результативными.

Теперь о *меланхленах*. Геродот сообщает, что к северу от скифов-царских живут меланхлены, которые уже не относятся к скифам. Это — иные племена. А в другом месте «отец истории» добавляет: «Все меланхлены носят черные плащи, от которых они получили свое название, обычаи же у них скифские» (IV, 107).

Где же размещались меланхлены, т. е. черноризцы? Исследователи высказали на этот счет немало самых различных точек зрения. Многие специалисты локализируют это племя в районе Воронежа. Археологические данные пока не дают возможности отождествить меланхленов с

определенной группой памятников. Это трудноразрешимый вопрос. Материальная культура меланхленов, видимо, не слишком отличалась от скифской. Ведь обычаи у этого племени, как отмечает Геродот, были скифскими.

А выше меланхленов раскинулись обширные, никем не заселенные территории.

Вернемся, однако, к причерноморским степям. Рассказав о скифах-царских, Геродот продолжает далее: «Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная с самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на протяжении пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев.

Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом» (IV, 21),

В другом месте своего труда Геродот передает интереснейшую новеллу о происхождении савроматов: «О савроматах же рассказывают следующее. Когда эллины сразились с амазонками (скифы называют амазонок ойорпаты, что на греческом языке означает „мужеубийца“, так как мужа они называют „ойор“, а „пата“ означает „убивать“), тогда, по преданию, эллины, победив в битве при Фермодонте, отплыли, везя на трех кораблях столько амазонок, сколько могли взять в плен, а те перебили мужей, папав в море.

С кораблями же они не были знакомы, не знали, как пользоваться кормилом, парусами, и не умели грести; и после того, как они, напав в море, перебили мужей, их носило волнами и ветром. И прибывают они к берегам Меотийского озера — к Кремнам. А Кремны находятся на земле свободных скифов. Здесь, сойдя с кораблей, амазонки достигли обитаемой земли. Встретив первый же табун лошадей, они похитили его и верхом на лошадях начали грабить страну скифов.

Скифы же не могли понять, в чем дело: ведь ни языка, ни одежды, ни самого племени они не знали и были в недоумении, откуда те пришли; им казалось, что амазонки — это мужчины юного возраста, и потому они вступили с ними в битву. Когда скифы завладели трупами, оставшимися после битвы, они таким образом узнали, что это были женщины.

Посоветовавшись, они решили больше их не убивать, но послать к ним самых молодых своих мужчин, числом приблизительно столько же, сколько было амазонок. Те

должны были расположиться лагерем вблизи них и делать то же, что и они будут делать. Если же амазонки станут их преследовать, то не вступать в сражение, а уклоняться; когда же те остановятся, они должны, приблизившись, стать лагерем. Скифы задумали это, желая, чтобы от этих женщин родились у них дети.

Посланные юноши стали выполнять порученное. Когда же амазонки поняли, что те пришли безо всякого злого умысла, они не стали обращать на них внимания; и с каждым днем скифы приближали свой лагерь к лагерю амазонок. Юноши же, как и амазонки, не имели ничего, кроме оружия и лошадей, и вели тот же, что и они, образ жизни, занимаясь охотой и грабежом.

Амазонки же в полуденный час... расходились по одной и по две... Узнав об этом, и скифы стали делать то же самое. И кто-то приблизился к одной из них, оставшейся в одиночестве, и амазонка не оттолкнула его, но позволила вступить с ней в связь.

И сказать она не могла (ведь они не понимали друг друга), но показала жестами, чтобы он на следующий день пришел на то же самое место и привел другого, показывая, чтобы их было двое и что она также приведет другую.

Юноша, уйдя, рассказал это остальным. На второй день он сам пришел на то же место и другого привел и нашел амазонку, ожидавшую вместе с другой. Когда остальные юноши узнали об этом, они также приручили остальных амазонок.

А после, соединив лагери, они стали жить вместе, каждый имея женой ту, с которой он вступил в связь с самого начала. Мужчины не могли выучить язык женщины, женщины же усвоили язык мужчин.

А после того, как они поняли друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: „У нас есть родители, есть и имущество. Теперь мы уже больше не будем вести такой образ жизни, но будем жить, уйдя к своему народу; вашими женами будете вы, и никакие другие женщины“.

Они же на это сказали следующее: „Мы не могли бы жить вместе с вашими женщинами, ведь у нас и у них разные обычаи. Мы стреляем из лука и мечем дротики и ездим верхом, женским же работам мы не обучены. А ваши женщины не делают ничего из того, что мы перечислили, но, оставаясь в повозках, занимаются женским трудом, не выезжая на охоту и вообще никуда.“

Так вот, мы не можем ладить с ними. Но если вы хо-

тите, чтобы мы были вашими женами и чтобы вы могли считать себя справедливыми, то, придя к родителям, получите свою часть имущества и затем, когда вернетесь, будете жить сами по себе“.

Юноши послушались и выполнили это. Когда же, получив полагавшуюся им часть имущества, они вернулись назад к амазонкам, женщины сказали им следующее:

„Мы в страхе и опасении, следует ли нам жить в той самой стране, где мы и лишили вас ваших отцов, и сильно опустошили вашу землю. Но так как вы желаете иметь нас своими женами, то сделайте вместе с нами следующее: давайте уйдем из этой земли и поселимся, перейдя реку Танаис“. Юноши послушались и этого.

Перейдя Танаис, они прошли к востоку на расстояние трех дней пути от Танаиса и на расстояние трех дней пути от озера Меотиды в направлении северного ветра. Прибыв в эту местность, в которой они теперь обитают, они заселили ее.

И с того времени жены савроматов придерживаются древнего образа жизни, выезжая на охоту на лошадях и вместе с мужьями и отдельно от мужей; они также ходят на войну и носят ту же одежду, что и мужья.

Языком савроматы пользуются скифским, но говорят на нем издавна с ошибками, так как амазонки усвоили его неправильно. Относительно брака у них установлено следующее: никакая девушка не выходит замуж прежде, чем не убьет мужчину из числа врагов. Некоторые из них, не способные исполнить обычай, умирают в преклонном возрасте, прежде чем выйдут замуж» (IV, 110—117).

Такова древнегреческая повелла о происхождении савроматов, или сарматов, как называют их более поздние античные авторы. Эта повелла возникла, как полагают специалисты, в результате слияния воедино древнегреческих мифов об амазонках и скифских сказаний о савроматских женщинах, которые тоже ездили верхом, охотились и участвовали в войнах. И получилась красивая, впечатляющая легенда о встрече скифских юношей с амазонками, их женитьбе, отделении от скифов и появлении нового племени — савроматов. Красивая, но все же легенда.

Но рассказ Геродота содержит также достоверные исторические сведения, крайне интересные и очень важные для решения многих вопросов савроматской проблемы.

Где же обитали савроматы? Это один из немногих

вопросов, в решении которых исследователи проявляют почти полное единодушие. Местом их обитания определяют задонские и поволжско-уральские степи.

Как показывают археологические данные, савроматы вели кочевой и полукочевой образ жизни и занимались в основном скотоводством.

В погребениях савроматов часто встречается оружие и конское снаряжение, которое символизировало захоронение коня.

Читателя, конечно же, интересует вопрос о том, подтверждаются ли сведения Геродота о савроматских женщинах-воительницах. Да, подтверждаются. В женских погребениях, как и в мужских, археологи находят оружие и конское снаряжение.

В этой связи нельзя не привести также чрезвычайно интересные и важные сведения Псевдо-Гипократа. В своем трактате «О воздухе, водах и местностях» он пишет: «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят пока не убьют трех неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимостью поголовно выступать в поход. У них нет правой груди, ибо еще в раннем детстве матери их, раскалив приготовленный с этой целью медный инструмент, прикладывают его к правой груди и выжигают, так что она теряет способность расти, и вся сила и изобилие соков переходят в правое плечо и руку» (§ 24).

На основании всех этих данных одни исследователи утверждают, что у савроматов существовали матриархальные отношения, другие говорят лишь о некоторых пережитках некогда существовавших матриархальных отношений. Вторая точка зрения представляется мне более правильной.

Интересное объяснение приводит А. П. Смирнов. По его мнению, когда савроматские воины уходили в длительные походы, женщины сами охраняли стада и хозяйство. Для этого они могли создавать специальные женские отряды. Отсюда и навыки верховой езды, и умение владеть оружием, и воинственность.

Так мы познакомились с некоторыми данными о про-

исхождении савроматов. По сообщению Геродота, их земли раскинулись к северу от Меотиды на пятнадцать дней пути, т. е. примерно на 480 км.

За савроматскими степями начинались лесные массивы, в которых жили будины. «Отец истории» рассказывает о них следующее: «Будины — племя большое и многочисленное; все они очень светлоглазые и рыжие. В их области выстроен деревянный город; название этого города — Гелон. Длина стены с каждой стороны — 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева; и дома у них деревянные, и храмы.

Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллинически деревянными статуями, алтарями и паосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности — это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском.

Будины же говорят не на том языке, что гелоны, и образ жизни у них не один и тот же. Ведь будины, будучи исконными жителями, — кочевники, они единственные из тех, кто здесь живет, питаются шишками; гелоны же — земледельцы, питаются хлебом и имеют сады. Они нисколько не похожи ни внешним видом, ни цветом кожи. Эллины, однако, и будинов называют гелонами, называют неправильно.

Вся их страна густо поросла разнообразными лесами. А в самом густом лесу есть большое и широкое озеро и вокруг него болото и тростник. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с квадратной мордой; их шкурами оторачивают по краям меховые одежды, а тестикулы этих животных служат у будинов для лечения болезней матки» (IV, 108—109).

Таковы сведения о будинах. Вопрос о том, где обитало это племя, долгое время вызывал оживленные споры. Этому способствовали и некоторые расхождения и неясности в указаниях Геродота об их размещении. В последнее время большинство исследователей локализует будинов в районе среднего течения Днепра.

Особый интерес вызывают сведения о деревянном городе Гелоне. Многие ученые отождествляют его с Бельским городищем, которое расположено на притоке Днепра — Ворскле. Б. А. Шрамко, основываясь на многолетнем изучении этого городища, подчеркивает, что этот крупный центр полностью соответствует описанию Ге-

родота. Он состоит из трех городищ—Западного, Восточного и Куземинского, объединенных общим валом.

Некоторые исследователи возражают против отождествления Бельского городища с Гелоном. Вопрос остается пока открытым.

Не решен окончательно также вопрос о местоположении гелонов. Он самым тесным образом связан с локализацией города Гелона. Нет единого мнения и о происхождении гелонов. Одни ученые, опираясь на сведения Геродота, считают их эллинами. Другие полагают, что версия «отца истории» ошибочна, и относят гелонов к скифам. Третьи высказывали иные точки зрения.

Загадок в решении этих и многих других вопросов предостаточно. И они ждут своих исследователей.

Рассказав о будинах, Геродот приводит весьма интересные сведения и о более северных землях: «Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более десяти дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой.

Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой, занимаясь ею следующим образом: охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране. У каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем, чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним.

Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну» (IV, 22).

Итак, *тиссагеты*. Геродот упоминает это племя еще раз при описании скифо-персидской войны, указав, что из земли тиссагетов «берут начало четыре большие реки, протекающие через землю меотов; они впадают в озеро, имеваемое Меотидой, им даны следующие имена: Лик, Оар, Танаис, Сиргис» (IV, 123).

Ориентиры даны весьма неопределенные. Поэтому исследователи локализуют тиссагетов в самых различных местах: 1) между Доном и Волгой, 2) между Окой и Волгой, 3) по обоим берегам Волги, 4) между Волгой и Камой, 5) на средней Каме, 6) на Южном Урале, 7) в прикаспийских степях, 8) в Приобье, а также в других районах.

Разумеется, такие же существенные расхождения наблюдаются в размещении иириков, которые, по Геродоту, жили рядом с тиссагетами.

Несколько лучше обстоит дело с определением этнической принадлежности этих племен. Большинство ученых считают, что тиссагеты относились к финским племенам и были предками мордвы, вотяков, коми и мари (черемисов). Иириков принято относить к угро-финским племенам и видеть в них предков манси (вогулов) и хантов (остяков). Существуют и некоторые другие мнения.

Довольно живо и наглядно описан у Геродота способ охоты иириков. В этой связи интересно отметить, что на двух давно найденных золотых бляхах изображена сцена охоты на кабана: один охотник находится на дереве, другой — верхом на лошади (или пеший). Исследователи считают, что это изображение иллюстрирует описанный Геродотом способ охоты. Такой вывод представляется вполне обоснованным.

За иириками в источнике указаны отложившиеся скифы. Это — какая-то часть обитавших в причерноморских степях скифов-царских, которая отделилась от своего племени и переселилась на северо-восток. Современные исследователи трактуют эти сведения неоднозначно и локализируют отложившихся скифов в самых различных местах. Недостаток имеющихся данных не позволяет прийти к единому мнению.

Что же это за отложившиеся скифы? Ни письменные, ни археологические источники пока не могут дать конкретный ответ на этот вопрос. Можно предположить, что среди скифов-царских в результате каких-то очень серьезных разногласий произошел раскол. Возможно, причиной тому была борьба за власть или какие-то значительные военно-политические события внутреннего характера, которые могли привести (или привели) к кровопролитным столкновениям. Поэтому часть скифов была вынуждена покинуть причерноморские степи. И они нашли свою новую родину далеко на северо-востоке от берегов Понта Эвксинского.

Когда же произошло это переселение? Геродот ничего не говорит об этом. Ясно — что еще до Геродота, но когда именно — неизвестно. Будем надеяться, что со временем появятся новые данные, которые помогут ответить и на этот вопрос.

После отложившихся скифов перед нами предстают

аргиппей. Геродот рассказывает о них весьма красочно: «До страны этих скифов вся земля, уже описанная мной, представляет плодородную равнину, а дальше земля каменная и неровная.

Если пройти большое расстояние этой неровной страны, то у подножия высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все — и мужчины, а также женщины — плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками; они говорят на особом языке, но носят скифскую одежду. Питаются они плодами деревьев.

Название дерева, плодами которого они живут, — понтик, по величине оно приблизительно равно фиговому дереву, плод приносит равный по размерам бобу, но с косточкой. Как только плоды созревают, их процеживают через куски ткани, из плодов вытекает сок густой и черный, название этого сока — асхи. Этот сок они слизывают, и, смешивая с молоком, пьют, а из густого осадка этого сока готовят лепешки и питаются ими.

Ведь скота у них немного, так как сколько-нибудь пригодных пастбищ там нет. Каждый живет под деревом: зимой — покрыв дерево плотным белым войлоком, а летом без войлока.

Их не обижает никто из людей, так как говорят, что они священны. У них нет никакого оружия для войны. Именно они разбирают споры соседей, а тот, кто прибегает к ним искать убежище, не терпит ни от кого обид; название этого народа — аргиппей» (IV, 23).

Теперь *аргиппей*. Где же они обитали? И на этот вопрос исследователи отвечают по-разному. Чаще всего это племя локализируют на Южном Урале, реже — на Алтае или Тянь-Шане.

Этническая принадлежность аргиппеев также остается неясной. Одни ученые считали их монголами или калмыками, другие — тюрками или татарами, третьи — финнами или уграми. Высказывались также другие предположения.

К востоку от аргиппеев жили исседоны. А более северные земли Геродоту почти неизвестны. Вот что он пишет об этом: «Вот до этих плешивых о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках.

Так вот пространство до них — известно, а о том, что лежит выше плешивых, никто не может ничего точно сказать, так как горы высокие, недоступные отрезают этот край, и никто через них не проходит. Эти плешивые рассказывают,— по-моему, они рассказывают недостоверное,— что в горах живут козлоногие мужи; а если перейти через этих людей, то живут люди другие, которые спят в течение шести месяцев. Это я отвергаю с самого начала.

А о том, что лежит к востоку от плешивых, точно известно, что там живут исседоны; о том же, что находится по направлению к северному ветру, выше плешивых и исседонов, неизвестно ничего, кроме того, что они сами рассказывают» (IV, 24—25).

В этих отрывках, несмотря на лаконичность и неясность, содержится весьма ценная и интересная информация.

Во-первых, обращают на себя внимание столь дальние странствования скифов. Такие многомесячные путешествия были вызваны, надо полагать, прежде всего торговыми интересами скифских купцов. В своем стремлении к наживе торговые люди во все времена не знали преград и не останавливались ни перед какими трудностями.

Во-вторых, интересны сведения о козлоногих людях. Что это — сказки или реальные, слегка искаженные известия? Может быть, речь идет о быстроногих горцах, которые могли передвигаться так стремительно, что их сравнивали с горными козлами?

В-третьих, нельзя не обратить внимание на сообщение о людях, которые спят шесть месяцев. Что это — образное преувеличение или отголоски каких-то реальных слухов?

Одни исследователи считают, что здесь имеется в виду длинная полярная ночь. Другие полагают, что до Геродота не могли дойти сведения из арктических районов, и склоняются к мысли, что речь идет о долгой суровой зиме с длинными ночами и короткими днями, когда человек вынужден шесть месяцев сидеть дома.

Вторая точка зрения, на мой взгляд, убедительна. Ведь долгая суровая зима была и у тех же аргипшеев, скажем, исседонов или козлоногих. Но о них не сказано, что они спят шесть месяцев. Следовательно, причина иная. Какая же?

Я думаю, что в этих словах подразумевается все же

полярная ночь. Почему, собственно, до Геродота не могли прийти известия об этом уникальном явлении природы?! Ведь племена, знавшие о полярной ночи, жили не в полной изоляции от всего мира, а поддерживали определенные связи со своими соседями. Так, по цепочке, эти интересные сведения могли прийти куда угодно. При этом они искажались, обростали неясностями и вызвали сомнения. Поэтому их нередко считали недостоверными или даже просто вымышленными. Даже Геродот, недолго думая, сразу же отверг отголоски этих сведений как не заслуживающие доверия.

А такое отношение Геродота, мне кажется, как раз и свидетельствует о том, что здесь подразумевается именно полярная ночь. Иначе Геродот не сказал бы: «Это я отвергаю с самого начала». С какой стати он, хорошо знавший о продолжительных суровых зимах, отвергал бы изгестия о том, что по этой причине люди вынуждены долгое время сидеть дома?! Конечно же, ему рассказали об очень малоизвестной в то время полярной ночи. Сведения были, без сомнения, не из первых рук, путаные и малопонятные. Поэтому Геродот не воспринял их и счел выдумкой.

Еще один аргумент. Буквально через несколько строк Геродот рассказывает, что зима здесь длится *восемь* месяцев: «Вся эта страна, о которой было сказано, отличается необычно холодными зимами; здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, что если в это время разлить воду, то грязь не получишь. Но если разжечь огонь, то ты получишь грязь» (IV, 28). Итак, указаны *восемь* месяцев зимы, а не *шесть*. А люди, о которых идет речь, спят шесть месяцев. Следовательно, здесь говорится о совершенно разных вещах.

Таким образом, изложенные соображения снимают оставшиеся сомнения. В сообщении Геродота, на мой взгляд, отражены сведения о полярной ночи.

Ознакомимся теперь с исседонами. Они указаны к востоку от аргиппеев. Большинство исследователей локализует это племя восточнее Урала. Такая локализация соответствует данным Геродота.

Но вопрос с исседонами более сложен. Дело в том, что сведения о них имеются также у Клавдия Птолемея. И он указывает два города с таким названием: Исседон Скифский и Исседон в Серике (IV, 13, 3; VI, 15, 4; VI, 16, 5, 7). Второй Исседон локализуется где-то в районе Восточного Туркестана. Поэтому немало исследовате-

лей размещают исседонов в этом регионе. Высказывались и иные точки зрения.

Анализируя расхождения источников, М. Кислинг попытался согласовать их. По его предположению, исседоны, будучи кочевниками, перемещались с одного места на другое, и поэтому указаны в разных местах. Такое объяснение представляется вполне вероятным.

Что же нам известно об исседонах? Геродот вкратце рассказывает о некоторых обычаях этого племени: «Иседоны, как говорят, имеют вот такие обычаи: когда у человека умирает отец, все родственники приводят мелкий скот и затем, принеся его в жертву и разрубив мясо на куски, разрубают и тело умершего отца того человека, который их принимает. Смешав все мясо, они устраивают пиршество.

Голову умершего, удалив с нее волосы и очистив, они золотят, а затем пользуются ею как чашей для возлияний при ежегодных больших жертвоприношениях. Сын делает это для отца, подобно тому, как эллины справляют поминальный день. Вообще же и они считаются справедливыми; женщины у них совершенно равноправны с мужчинами» (IV, 26).

А в первой книге своего труда Геродот рассказывает об аналогичных обычаях у массагетов: «Предел жизни им положен не какой-либо иной, но когда человек становится очень старым, все родственники, собравшись вместе, приносят его в жертву и вместе с ним также мелкий рогатый скот; сварив мясо, они устраивают пир.

Такая смерть у них считается самой счастливой.

Умершего же от болезни не съедают, но погребают в землю, считая несчастьем, что он не дожил до принесения в жертву» (I, 216).

Но данные археологии все-таки не подтверждают описанный Геродотом обычай относительно черепов. В настоящее время известна лишь одна находка обломков чаши, сделанной из человеческого черепа. Эта находка зафиксирована К. В. Сальниковым на территории Сибири в кургане Елесина яма. Точнее, о самом факте существования такого обычая говорить можно, но не о его широком распространении. Видимо, информатор Геродота сильно преувеличил сведения об этом.

Таковы сведения Геродота об исседонах. А о землях, лежащих к северу от них, достоверных данных у него не было. И он с чужих пересказов пишет следующее: «Так вот и о них сведения есть, а о том, что находится

выше них, исседоны говорят — там есть одноглазые люди и грифы, стерегущие золото. Переняв от исседонов, это рассказывают скифы, а у скифов позаимствовали мы, прочие, и называем их по-скифски аримаспами; ведь словом „арима“ скифы обозначают „одно“, а словом „спу“ — „глаз“» (IV, 27).

Более подробные сведения об аримасах можно почерпнуть в комментариях Евстафия к «Землеописанию» Дионисия. Знаменитый митрополит фессалоникский приводит данные из нескольких античных источников и представляет себе это племя не каким-то мифическим, а существующим вполне реально.

«Аримасы — скифский народ; Диопсисий называет их „арейманы“ („неистовствующие“ от Ареса, „воинственные“), а Эсхил называет их „одноглазым войском“, потому что они, будучи весьма искусными стрелками, для того, чтобы вернее прицелиться, закрывают глаз. И, может быть, вследствие прилежного упражнения в этом с детства, как говорят и древние, у них одип глаз сделался меньше другого.

А сверх того, они, естественно, рождаются с этим недостатком от ранее получивших его же отцов, и вследствие постоянного повторения этот недостаток сделался отличительным признаком племени: не иначе, конечно, говорят, произвела природа столь чудовищное племя...

Океан, омывающий землю аримасов, называется ледовитым, Кронийским и мертвым. Причиной этого названия, по словам Дионисия, служит слабое освещение солнца, которое не может уменьшить влагу, заставив ее растаять и, обратившись в пары, подняться вверх; „солнце, — говорит он, — хуже светит над этим морем и всегда закрыто мрачными тучами“ вследствие сгущения облаков: итак, это место действительно холодное и поэтому носит название, соответствующее его чрезмерному холоду.

Кронийским же называется он вследствие того, что в этих местах, как говорят, господствует звезда Крон, которая, сливая у звездочетов за холодную, располагает к охлаждению, почему ей также приписывается холод... А что в этих приокеанских местностях — сильный холод, это доказывают и находящиеся выше аримасов Рипейские горы, с которых дует холодный Борей и где никогда не сходит снег» (§ 31, 32).

Таковы основные сведения античных авторов об аримасах. Сведения, как мы видим, не совсем понятные и неоднозначные.

Одноглазые люди. И грифоны (грифы), стерегущие золото. Что это — сказочные мифы или какие-то реалии, обросшие мифическими подробностями? Сам Геродот этим рассказам не верит: «В северных областях Европы, оказывается, много золота. Как оно добывается, этого я точно сказать не могу. Говорят, что одноглазые люди — аримаспы похищают его у грифов. Но я и в это не верю, равно как и в то, что люди рождаются одноглазыми, имея прочие природные свойства такие же, как и у остальных людей. Но, по-видимому, самые крайние области, которые замыкают и заключают внутри себя всю остальную землю, действительно имеют то, что считается у нас самым прекрасным и самым редким» (III, 116).

А мнения современных исследователей разделились. Одни сомневаются в реальности существования аримаспов и считают легенду о них и о грифах одним из вариантов сказочного сюжета, широко распространенного среди народов Центральной Азии, Китая, Индии и других регионов.

Другие ученые считают, что аримаспы действительно существовали. Как прямое доказательство этого они приводят сведения Аристеев, которые, надо полагать, и послужили источником для Геродота. Помещали аримаспов в различных районах от Урала до Алтая. Это — как раз наиболее богатые золотом места. И здесь известны древние разработки золота.

Анализируя имеющиеся данные, следует отметить, что вопрос об аримаспах до сих пор не решен до конца. С одной стороны, здесь налицо явно мифические сведения, а с другой — довольно достоверная информация, которая к тому же подтверждается современными исследованиями. Можно предположить, что речь идет о реально существовавшем народе. Название этого племени при произношении на другом языке исказилось. И уже искаженное название вместе с рассказом о множестве золота породили мифические подробности о них самих и о добыче золота.

Теперь немного о грифонах. Грифоны, в описании античных авторов — это мифические крылатые существа с головой орла и телом льва. Они — стражи золота и других сокровищ.

Сведения о грифонах, у которых аримаспы похищают золото, восходят, надо полагать, к Аристеев. Дж. Болтон, специально изучавший вопросы распространения образа грифона в искусстве народов Европы, Азии, Ближнего

Востока, пришел к выводу, что его столь огромная популярность достигнута благодаря именно Аристею.

Изображения грифонов широко известны в самой Скифии. Этот образ — одна из важнейших составных частей основной группы изображений скифо-сибирского звериного стиля. В Северном Причерноморье особенно часты находки золотых украшений, сосудов и других предметов, на которых мы видим различные сцены с грифонами.

Д. С. Раевский, рассматривая основную триаду зооморфных образов греко-скифского искусства, отмечает: «Заслуживает при этом внимания, что грифон в трактовке греко-скифского искусства — это существо, сочетающее в себе черты хищной птицы и льва, т. е. зооморфных олицетворений обоих потусторонних миров — верхнего и нижнего. Иными словами, используя этот образ, данное искусство доводит до логического конца ту тенденцию к описанию средствами зоологического кода мироздания как бинарной, а не тернарной структуры, которая выше была отмечена для скифского стиля: „этот“ мир, мир смертных, символизируемый копытными, противостоит „иному“ миру, миру смерти в его различных ипостасях — „верхней“ (хищная птица), „нижней“ (кошачий хищник) или совмещенной (грифон)» [87, с. 150].

Таковы сведения Геродота о скифских племенах и их соседях. Как нетрудно заметить, здесь еще много нерешенных проблем, много загадок и тайп скифской истории и географии, которые ждут своих исследователей.

Скифские верования и обычаи

Религия скифов была тесно связана с индоиранскими религиозными воззрениями. Скифская мифология, насколько можно судить по имеющимся сведениям античных авторов, археологическим данным и этнографическим параллелям, близка к мифологии ираноязычных народов, в первую очередь осетин. Этим вопросам посвящены крупные исследования В. И. Абаева, Ж. Дюмезиля, Д. С. Раевского и других ученых.

Одним из основных и наиболее ценных источников для изучения скифской религии является опять-таки Ге-

родот, его незаменимая «История». В ней после описания наиболее значительных рек этой страны идет довольно подробный рассказ о пантеоне скифских богов, жертвенных обрядах и различных верованиях.

Каких же богов почитали скифы? Вот что пишет об этом Геродот: «Богов они умиловивляют только таких: больше всего Гестию, кроме того, Зевса и Гею, полагая, что Гея — жена Зевса, после них Аполлона и Афродиту Уранию и еще Геракла и Ареса. Этих богов почитают все скифы. Скифы же, которых называют царскими, приносят жертвы также Посейдону. Гестия у скифов называется Табити, Зевс вполне правильно, по моему мнению, зовется Папай, Гея — Апи, Аполлон — Гойтосир, Афродита Урания — Аргимпаса, Посейдон — Тагимасад. У них не принято воздвигать ни изображений, ни алтарей, ни храмов никому из богов, кроме Ареса. Ему же они воздвигают» (IV, 59).

Как мы видим, скифы больше всего почитали Гестию — Табити. Почитание многих божеств, из которых одно было главным, т. е. политеистическая религия, характерно для доклассовых и раннеклассовых обществ. Главенствующее положение Гестии — это почитание огня как священной стихии, которое свойственно всем индоевропейским народам, в первую очередь индоиранским. Отголоски такого отношения к огню сохранились и доныне.

А тот факт, что огонь олицетворялся в женском образе, говорит о связи с архаическими представлениями о богине очага как подательнице плодородия.

Зевс — Папай считался прародителем скифов. Согласно легенде о происхождении скифов, Зевс и дочь реки Борисфена были родителями первого скифа — Таргитая. Важно отметить, что царь Идантис в ответе Дарию во время скифо-персидской войны подчеркнул: «Владыками же своими я считаю только Зевса, моего предка, и Гестию, парницу скифов» (IV, 127).

Гея — Апи, т. е. Земля, олицетворяет землю и воду как одно из основных порождающих начал. А брачные узы Зевса и Геи — это союз неба и земли.

Эта триада — Табити, Папай, Апи — возглавляла пантеон высших скифских божеств.

В Аполлоне — Гойтосире исследователи видят охранителя скота, победителя чудовищ, лучника, волшебника.

Афродите Уранию, т. е. Небесную — Аргимпасу, считают владычицей умерших, великим божеством жизни и смерти.

Скифский Геракл — это победитель мифических чудовищ, прославленный герой, аналогичный греческому Гераклу. Его образ был особенно популярен в изобразительном искусстве. Во время археологических раскопок часто встречаются различные ювелирные изделия, украшения, скульптуры с изображением этого божества.

Арес — как известно, бог войны. Кровавый культ этого божества играл особенно важную роль в жизни скифов, соответственно тому, как велика была роль войны и военного сословия в скифском обществе. Об этом наглядно свидетельствует хотя бы тот факт, что скифы воздвигали святилища из всех божеств только одному — именно Аресу.

Как же выглядели эти святилища? И как происходили там кровавые жертвоприношения? Об этом нам довольно подробно и красочно рассказывает Геродот: «У всех у них по округам их областей устраиваются святилища Ареса вот таким способом: нагромождают связки хвороста, приблизительно три стадия в длину и в ширину, в высоту же меньше. Наверху сделана ровная четырехугольная площадка, три ее стороны обрывистые, с одной же стороны она имеет доступ. Каждый год они наваливают сто пятьдесят повозок хвороста: ведь кучи хвороста всегда оседают от непогоды. Поверх этой кучи во всех округах водружен древний железный акинак; он и является изображением Ареса. Этому акинаку ежегодно приносят в жертву мелкий скот и лошадей; и вообще ему в отличие от других богов приносят сверх того еще и такие жертвы.

Сколько бы они ни захватили в плен врагов, одного мужа из каждой сотни они приносят в жертву, но не как скот, а иначе. Полив головы пленных вином, они закалывают людей над сосудом и затем, подняв его вверх па кучу хвороста, выливают кровь на акинак.

Кровь они песут наверх, а внизу у святилища делают следующее. Отрубая у всех убитых людей правое плечо вместе с рукой, бросают их в воздух, и затем, совершив остальные жертвоприношения, они удаляются. Рука лежит в том месте, куда упадет, а труп отдельно» (IV, 62).

Как мы видим, святилища Ареса были весьма внушительных размеров. Но обнаружить эти святилища сейчас практически невозможно, так как они почти не оставили следов. Их возводили в каждом округе, который, как сообщают античные авторы, назывался номом (в переводе

с древнегреческого пом — пастбище, выгон), а начальник округа — номархом.

Изображением бога войны считался акинак — короткий скифский меч. Таким же образом и древние греки почитали эллинского Ареса еще в гомеровскую эпоху. Если же проводить сопоставление с другими народами, то можно вспомнить, что в древности монголы совершали жертвоприношения своему богу войны на вершине холма: труп убитого врага натыкали на копье, которое, подобно скифскому акинаку, представляло собой божество.

Человеческие жертвоприношения скифы совершали только Аресу. Другим богам жертвовали различных животных. Этим и ограничивались. Крови людей требовало лишь кровожадное божество войны.

Как же проходили другие жертвоприношения? Геродот собрал об этом такие сведения: «Жертвенный обряд для всех богов установлен у них один и тот же при всех жертвоприношениях, и совершается он следующим образом: само жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Тот, кто совершает жертвоприношение, став позади животного и дернув за конец веревки, валит его наземь. Когда же жертвенное животное падает, он взывает к богу, которому приносит жертву, и затем набрасывает на шею петлю и, вставив в нее палку, закручивает ее и душит животное. Огня он не возжигает и не совершает ни предварительных обрядов, ни возлияний, а задушив жертву и содрав с нее шкуру, он приступает к варке мяса» (IV, 60).

И далее «отец истории» приводит интересные данные о том, как именно варят мясо жертвенного животного: «Так как скифская земля совершенно безлесна, то для варки мяса придумано у них следующее: как только они сдерут шкуру с жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем кладут мясо в котлы (если они у них окажутся) местной выделки, похожие более всего на лесбосские кратеры, разве только много больших размеров. Бросая в них мясо, варят его, поджигая снизу кости жертвенных животных. Если же у них под рукой нет котла, они кладут все мясо в желудки жертвенных животных и, подлив воды, поджигают кости. Кости горят прекрасно, а желудки легко вмещают мясо, очищенное от костей. И таким образом бык варит сам себя, и остальные жертвенные животные — каждое варит само себя. Как только мясо сварилось, совершивший жертво-

приношение, отрезав пачатки мяса и внутренностей, бросает их на землю перед собой. В жертву они приносят всяких домашних животных и особенно лошадей» (IV, 61).

Интересен сам способ жертвоприношения. Жертвенное животное не резали, а душили. Почему?

К. Нойман считал, что это делалось, для того чтобы не пролить ни одной капли крови: ее полностью собирали в сосуд и зарывали в землю, посвящая божеству. В доказательство ученый привел примеры таких бескровных жертвоприношений у бурятов и калмыков. Кроме того, можно привести другие аналогичные данные.

Такое объяснение представляется вполне убедительным. Но вместе с тем не надо забывать, что таких крупных животных, как, например, лошадь, гораздо легче задушить, а не зарезать. Поэтому не совсем понятно, что здесь первопричина. Желание посвятить божеству всю кровь жертвенного животного или стремление быстрее и проще справиться с жертвой?

Теперь о костре. По Геродоту получается, что из-за нехватки дров скифы варили мясо жертвенного животного с помощью его же костей. Эти сведения требуют некоторых пояснений.

Во-первых, слова о том, что «скифская земля совершенно безлесна», не следует понимать в самом буквальном смысле. Сплошных лесных массивов в Скифии, конечно, не было. Но в долинах больших и малых рек вплоть до моря росли пойменные леса и перелески. В низовьях Борисфена простиралась, как уже говорилось выше, обширная лесная область Гилея, которую неоднократно упоминает сам Геродот. И дров вполне хватало для самых различных нужд. Кстати, тот же Геродот буквально через несколько строк сообщает, как мы уже ознакомились, что для святилища Ареса в каждом номе «нагромождают связки хвороста, приблизительно три стадия в длину и ширину, а в высоту же меньше», т. е. приблизительно 500×500 м, и «каждый год они наваливают сто пятьдесят повозок хвороста: ведь кучи хвороста всегда оседают от непогоды» (IV, 62). Можно ли более для жертвоприношения?

Во-вторых, свежие кости совсем сырые и горят очень плохо, тем более без дров.

В-третьих, костей жертвенного животного совершенно недостаточно, для того чтобы сварить его мясо.

В чем же тогда дело? Я думаю, что мясо это варили, конечно же, с помощью дров, но при этом в костер бросали и кости жертвенного животного. Для чего? Чтобы полностью посвятить божеству принесенную жертву: и мясо, и кровь, и кости. Такую же мысль высказал в свое время К. Нойман, который отмечал, что обычай сжигать кости жертвенного животного был распространен у древних монголов, а в новое время — у бурят и калмыков. Он же приводит и другие крайне интересные этнографические параллели: зафиксированный у бурят способ варить мясо в желудках животных.

Как мы видим, сведения Геродота о жертвоприношениях подтверждаются. Но эти и другие данные «отца истории» требуют трезвого, критического подхода.

Вернемся, однако, к скифским божествам. Мы вкратце узнали о семи верховных божествах, которых почитали все скифы. Кроме того, царские скифы поклонялись Посейдону—Тагимасаду. Важно отметить, что эти скифы жили вблизи Меотиды и Понта Эвксинского и больше других племен были связаны с морем. Поэтому многие исследователи вполне обоснованно считают это божество морским. Некоторые же полагают, что море не играло большой роли в жизни скифов и связывают этот культ со скифскими реками. Но реки были у всех скифских племен, а Посейдону—Тагимасаду поклонялись только царские скифы, которые жили, подчеркиваю, рядом с морем. Поэтому, мне кажется, это божество следует считать именно морским. Его сопоставляют также с Посейдоном Гиппием и видят в этом культе почитание коня.

Таковы основные божества, которым поклонялись скифы. Читателю, конечно, интересно узнать, известны ли изображения этих божеств. В целом на этот вопрос можно ответить утвердительно. Но здесь столько различных, взаимоисключающих точек зрения, которые до сих пор остаются спорными, что нельзя с полной уверенностью считать то или иное мнение абсолютной истиной.

Перейдем теперь к знакомству со скифскими жрецами. У скифов, как и у других индоиранских народов, существовало много жрецов. Это была обособленная социальная группа, отдельные категории которой занимали довольно высокое положение. Вот что пишет о них Геродот:

«Прорицателей у скифов много. Они прорицают с помощью большого числа ивовых прутьев следующим

образом: принеся большие пучки прутьев, они, положив их на землю, разъединяют и, раскладывая прутья по одному, вещают и, произнося проризания, одновременно снова собирают прутья и опять по одному складывают их. У них это искусство проризания, идущее от отцов, а знарен — женоподобные мужчины, говорят, что им искусство проризания дала Афродита. Так вот они проризают по коре липы. Проризатель, разрезав кусок коры на три части, переплетая и расплетая их вокруг своих пальцев, пророчествует» (IV, 67).

Этот способ гадания подтверждается данными археологии. В одном из погребений курганного могильника на р. Илек были найдены палочки для гадания — пучок тополевых или ивовых прутьев равной длины в 60 см. Здесь был совершен обряд частичного трупосожжения, благодаря чему гадательные палочки обуглились и сохранились. Хорошо сохранился и стоявший на них деревянный жертвенный сосуд. Палочки лежали вдоль левой руки погребенного, который был, надо полагать, жрецом, гадателем на палочках.

Такие находки, по всей видимости, нередко встречаются в скифских погребениях, но из-за плохой сохранности остаются незафиксированными. Поэтому хочется обратить внимание исследователей на необходимость более тщательной фиксации остатков дерева и других материалов, пусть даже совсем незначительных следов.

Надо упомянуть также о золотой пластинке из известного Амударьинского клада. На ней изображен мужчина с пучком прутьев в руках. Можно предполагать, что древний художник запечатлел здесь скифского жреца с палочками для гадания.

Интересно отметить, что скифский способ гадания на палочках подтверждается и этнографическими материалами. Близкий способ гадания описан исследователями у осетин.

Теперь об знарях — женоподобных мужчинах. Этот термин специалисты выводят от иранского слова *нара* — *мужчина*, которое с приставкой *э(а)* означает *не мужчина*.

Как передает Геродот, знарей «говорят, что им искусство проризания дала Афродита» (IV, 67). Как понимать их слова?

В начале своего труда «отец истории» рассказывает о том, как скифы во время господства в Азии двинулись на Египет. В Сирийской Палестине их с богатыми дара-

ми встретил царь Египта Псамметих и мольбами упроявил не идти дальше. Скифы вняли его просьбе и повернули обратно. Проходя мимо сирийского города Аскалона, небольшая часть скифов отстала от своего войска и разграбила расположенный там храм Афродиты Урапии, т. е. Небесной,— древнейшее святилище этой богини. И за это грабители были наказаны, как пишет Геродот, весьма оригинальным способом: «А тех скифов, которые разграбили храм в Аскалоне, и все их потомство богиня поразила женской болезнью; поэтому и скифы соглашаются, что эти люди болеют по такой причине, и те, кто прибывают в скифскую землю, сами могут увидеть, в каком состоянии находятся люди, которых скифы зовут энареями» (I, 105).

Как мы видим, болезнь энареев объясняется здесь божественным происхождением. Сами же энареи не считали себя наказанными, а говорили, что Афродита дала им искусство пророчания.

А Псевдо-Гиппократ в своем трактате «О воздухе, водах и местностях» отрицает божественное происхождение болезни энареев и выдвигает простую естественную причину: «Сверх того между скифами встречается множество евнухов; они занимаются женскими работами и говорят по-женски; называются такие мужчины „энареями“. Причину такого явления туземцы приписывают божеству и поэтому чтут таких людей и поклоняются им, каждый боясь за себя.

Мне кажется, что эта болезнь настолько же божественна, как и все остальные, что ни одна из них несколько не божественнее и не человечнее другой, но все одинаковы и все божественны; каждое из таких явлений имеет свою естественную причину, и ни одно не происходит без таковых причин. Какими причинами, по моему мнению, обуславливается названная болезнь скифов, я сейчас изложу.

Верховая езда, при которой ноги постоянно висят по бокам лошади, производит у них опухоли; затем при сильном развитии этой болезни является растяжение бедер и хромота. Лечатся они от этого следующим образом: при первых признаках болезни разрезают с обеих сторон жилы позади ушей; когда прекратится кровотечение, больные от слабости впадают в дремоту и засыпают; затем пробуждаются одни здоровыми, другие — нет.

Итак, мне кажется, что именно этот способ лечения вредно влияет на семенную жидкость: около ушей есть

жилы, вследствие разрезания которых лица, испытавшие эту операцию, делаются неспособными к оплодотворению; я думаю, что именно эти жилы они и разрезают. Если после этой операции, приходя к женщинам, они оказываются бессильными, то в первый раз не обращают на это внимания и не беспокоятся; но если при повторении попытки два, три и более раз она оказывается не более успешною, то они решают, что в чем-нибудь провинились перед божеством, которому приписывают причину болезни, затем надевают женское платье, открыто признавая этим свое бессилие, усваивают женские привычки и вместе с женщинами занимаются их работами.

Этой болезни подвержены скифские богачи, не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом; причина ее заключается в верховой езде; бедные люди менее страдают ею, так как не ездят верхом. Между тем так как (по мнению скифов) эта болезнь более происходит от божества, чем другие, то следовало бы ожидать, чтобы она поражала не только самых благородных и богатых скифов, а всех одинаково или даже преимущественно бедняков, если правда то, что богам приятно честование и благоговение людей и они вознаграждают их за это...

Но, как я уже сказал и раньше, эта болезнь столько же происходит от божества, сколько и другие: каждая имеет свою естественную причину. И эта болезнь происходит у скифов от той причины, которую я объяснил.

То же самое бывает и у остальных людей: где очень много и часто ездят верхом, там очень многие страдают опухолями, ломотою в бедрах и подагрой и очень равнодушны к половым удовольствиям. Эти болезни есть и у скифов, и они более всех страдают половым бессилием (дословно — похожи на евнухов) по вышеуказанным причинам... Таково положение скифского племени» (§ 29—30).

Эти интересные и ценные сведения не только позволяют полнее понять процесс появления энареев как обособленной социальной группы, их имущественное и социальное положение, но и раскрывают в определенной степени картину глубокого неравенства богатых и неимущих слоев скифского общества.

Несмотря на богатство и особое положение, жрецы, если их предсказание не сбывалось, рисковали многим, иногда — даже жизнью. Геродот весьма красочно рас-

сказывает о прорицании в случае болезни царя: «Когда царь скифов заболевает, он посылает за тремя наиболее знаменитыми прорицателями. Они прорицают указанным способом; и говорят они чаще всего следующее — будто бы тот или этот человек ложно поклялся царскими очагами, называя при этом по имени того из жителей, о котором они говорят.

У скифов принято чаще всего клясться царскими очагами, каждый раз, когда хотят принести величайшую клятву. Того человека, о котором говорят, что он ложно поклялся, сразу же схватывают и приводят. Прибывшего прорицатели изобличают в том, что он, как стало ясно посредством гадания, ложно поклялся царскими очагами и что из-за этого царь хворает. Тот отказывается, утверждая, что он не клялся ложной клятвой, и негодует.

Поскольку он отказывается, царь призывает других прорицателей вдвое больше против прежнего. И если и они, рассматривая то, что дает гадание, признают, что он принес ложную клятву, ему сразу же отрубают голову, и имущество его делят по жребью между собой первые прорицатели.

Если же пришедшие прорицатели оправдывают этого человека, то выписится постановление казнить самих прорицателей, которых призвали первыми» (IV, 68).

Как же казнили прорицателей? Они умирали страшной смертью. Вот как описывает это Геродот: «Казнят их таким способом: нагрузив повозку хворостом, запрягают в нее быков. Сковав прорицателей по ногам и связав им руки за спиной и заткнув им рот, их бросают в середину хвороста и, поджигая его, гонят быков, испугав их. Многие быки сгорают вместе с прорицателями, по многие убегают, обожженные, как только у них сгорит дышло. Указанным способом они сжигают прорицателей и по другим поводам, называя их лжепрорицателями. Когда царь их убивает, он не оставляет в живых даже сыновей, по умерщвляет всех детей мужского пола, а детям женского пола не причиняет вреда» (IV, 69).

Все эти сведения очень наглядно и убедительно свидетельствуют о том, какое огромное значение имела в жизни скифов клятва «царскими Гестиями», как жестоко карали за ложную клятву или обвинение в ложной клятве.

Каково же происхождение этой клятвы? И почему ей придавали столь исключительное значение? Интерес-

ное объяснение на этот счет дает Д. С. Раевский, который видит здесь связь с упавшими с неба золотыми предметами: плугом с ярмом, секирой и чашей: «Огненная природа этих предметов проявляется в их воспламенении при приближении старших сыновей Таргитая, а связь с тремя уровнями вселенной находит отражение в соотносении этих предметов с тремя сословно-кастовыми группами, которые ведут свое происхождение от трех братьев, являющихся персонификациями этих уровней. Хранителем и служителем культа этих святынь с мифических времен Колаксия выступает скифский царь. Поэтому именование их „царскими Гестиями“ или, точнее, „царскими Табити“, царскими священными огнями, вполне соответствует их сакральной сущности, а клятва ими как высшей святыней скифов, олицетворяющей социальный и космический порядок, действительно должна быть в Скифии высшей клятвой» [86, С. 107].

Нельзя не сказать несколько слов о самом суде. Разумеется, о какой-либо объективности и справедливости такого царского суда говорить не приходится. При сложившемся положении дел легко было расправиться практически с любым человеком, будь то простой воин, богатый номарх или известный жрец. К этому способу, надо полагать, нередко прибегали, когда нужно было убрать с дороги своего противника, отомстить врагу, завладеть чьим-то богатством или просто избежать царского гнева.

После описания способа, которым скифы казнили прощателей, Геродот переходит к обряду знаменитого скифского побратимства. Как же проходил этот обряд? «Отец истории» пишет об этом довольно кратко и лаконично: «Клятвенный договор с тем, с кем они его заключают, скифы совершают следующим образом: они наливают в большой глиняный килик вино, смешивают его с кровью тех, кто произносит взаимные клятвы, и, уколыв шилом или сделав небольшой надрез на теле ножом, затем погружают в килик акинак, стрелы, двойную секиру и дротик. Сделав это, они долго молятся и затем выпивают вино и сами, те, кто приносят клятвы, и самые достойные из сопровождающих» (IV, 70).

Существование побратимства у скифов подтверждают данные археологии. В знаменитом царском кургане Куль-Оба найдены золотая рельефная пластишка, на которой изображены два скифа, пьющие из одного ритона, а также золотые нашивные бляшки с этой же сценой. Ана-

логичные бляшки были найдены в другом царском кургане — Солоха.

Таковы вкратце сведения о скифском побратимстве. Скифы очень дорожили этим обычаем и свято следовали его законам.

Рассмотрим теперь интереснейшие сведения о своеобразной скифской бане и одном из секретов древней парфюмерии.

Рассказав о погребальных обрядах скифов, Геродот знакомит нас со скифской баней: «Растет у них в стране конопля, более всего напоминающая лен, от которого отличается толщиной и высотой. Этими качествами конопля намного превосходит лен. Она растет и сама по себе, и посеянная. Из нее фракийцы делают себе одежду, чрезвычайно похожую на льняную. Тот, кто не очень хорошо ее знает, не различит — из льна эта одежда или из конопли; тот, кто вовсе не видел конопли, считает, что одежда льняная.

Так вот, скифы, взяв зерна этой конопли, подлезают под покрывала и затем бросают зерна на раскаленные на огне камни. Насыпанное зерно курится и выделяет столько пара, что никакая эллинская парильня не может это превзойти. Скифы же, наслаждаясь парильней, вопят. Это у них вместо мытья: ведь они вообще не моют тело водой.

Женщины их растирают на шероховатом куске кипариса, кедра и ладанного дерева, добавляя воду, и этой перетертой густой массой натирают все тело и лицо. От этого они приобретают аромат. А на следующий день сняв пластырь, они одновременно становятся чистыми и блестящими» (IV, 74—75).

Как мы видим, в древности конопле находили важное практическое применение. Из нее делали одежду, причем настолько хорошую, что трудно было отличить конопляная она или льняная.

Интересны сведения о походной бане. У кочевых народов фундаментальных бань, разумеется, не было. В результате передвижного образа жизни была придумана вот такая своеобразная парильня.

По моему мнению, не следует буквально воспринимать слова Геродота о том, что скифы вообще не моют тело водой. Древний автор имел в виду, что у них нет обычных бань с горячей и холодной водой.

Важно подчеркнуть, что в горноалтайских курганах найдены приспособления для парильни, груды обожжен-

ных камней, а в котлах сохранились даже обуглившиеся зерна конопли. А на одной из жердей была привязана кожаная фляга с конопляными зернами.

А во 2-м Пазарыкском кургане были найдены некоторые приспособления для курения конопли. Аналогичные находки встречаются и в других курганах.

Эта пагубная привычка, как мы видим, уходит корнями в глубокую древность. Современные исследователи по-разному объясняют скифский обычай курить коноплю. Некоторые из них видели здесь только своеобразную забаву и развлечение. Но такое упрощенное объяснение не раскрывает всей сложности этого явления.

Другие ученые предполагали, что Геродот в своем описании слил воедино ритуальное курение конопли и обычную парную баню. Выделяли даже три отдельных обычая: ритуальное очищение тела, парная баня и курение конопли. Высказаны и более сложные толкования, связанные с религиозными воззрениями скифов и своеобразной формой шаманства.

Особый интерес представляют сведения о том, как скифы хоронят своих царей. Геродот рассказывает об этом довольно подробно и красочно, со всевозможными деталями: «Могилы царей находятся в области герров, в том месте, до которого Борисфен судоходен. Здесь каждый раз, когда у них умирает царь, они роют в земле большую четырехугольную яму. Когда же она готова, берут труп, тело натирают воском, живот, разрезанный и очищенный, заполняют парезанным купырем, благовониями, семенами сельдерея, аниса, зашивают и увозят тело на повозке к другому племени.

Те же, когда получают доставленный труп, делают в точности то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, волосы обстригают кругом, на руках делают надрезы, лоб и нос расцарапывают, левую руку прокалывают себе стрелами.

Оттуда труп царя увозят на повозке к другому племени из тех, над которыми они властвуют; за ними следуют те, которых они посетили перед тем. Как только они, везя труп, обойдут всех, они оказываются у герров, занимающих среди подвластных им племен самые отдаленные края, и прибывают к могилам.

И затем, опустив тело в могилу на подстилку из соломы, воткнув копьё по обеим сторонам трупа, кладут сверху бревна и потом покрывают камышовой плетенкой. В свободном пространстве могилы они хоронят, душив,

одну из наложниц и виночерпия, и повара, и конюха, и слугу, и вестника, и лошадей, и начатки всего остального, и золотые чаши,— а серебром и медью они совсем не пользуются.

Сделав это, они все насыпают большой курган, соревнуясь между собой и стремясь сделать его как можно выше» (IV, 71).

Описание настолько живое и красочное, что невольно представляешь себе весь этот впечатляющий, торжественно кровавый обряд погребения скифского правителя. Узнать все эти подробности Геродот мог только от участника похорон.

Но на этом обряд погребения царя не закончился. Через год наступает продолжение. Геродот рассказывает: «По истечении года они опять делают следующее. Из оставшихся служителей берут самых подходящих. (Это природные скифы, так как царю прислуживают те, кому он прикажет, а слуг, купленных за деньги, у них нет.)

Так вот, удавив пятьдесят человек этих слуг и пятьдесят самых красивых лошадей, вынув у них внутренности и очистив, наполняют мякиной и зашивают.

Укрепив на двух бревнах перевернутую половину колеса, а другую половину колеса на двух других бревнах и воткнув таким образом много пар бревен, они затем, проткнув лошадей в длину до шеи толстыми кольями, поднимают их на колеса. Из этих колес те, что впереди, поддерживают плечи лошадей, а те, что сзади, подпирают брюхо ближе к бедрам, при этом обе пары ног висят в воздухе. Надетые на лошадей уздечки и удила они натягивают впереди и затем привязывают их к колышкам.

Каждого из пятидесяти удушанных юношей, усаживают по одному на лошадь, усаживая таким образом: в каждый труп втыкают вдоль позвоночника до шеи прямой кол; конец этого кола, который выступает снизу, они вбивают в просверленное отверстие другого кола, проходящего сквозь тело лошади. Расставив таких всадников вокруг могилы, они уходят» (IV, 72).

Вот с такими многочисленными жертвоприношениями хоронили скифы своих царей. Где же находятся могилы скифских царей? Где они, эти степные пирамиды? Геродот помещает их в области Герров. Но вопрос о местоположении Герр долгое время вызывает острые оживленные дискуссии и до сих пор не решен.

Напомню, что по Геродоту Герры расположены в

40 дней плавания вверх по Борисфену. Исследователи, которые принимали эту цифру, искали Герры соответственно намного выше днепровских порогов — вплоть до Киева. Большинство же ученых считает, что расстояние в 40 дней плавания не соответствует действительности, и помещает Герры ниже днепровских порогов. Но и здесь среди специалистов нет единого мнения. Например, М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова и др. ищут царские могильники в Нижнем Поднепровье, а В. А. Ильинская, А. П. Смирнов и др. — в Среднем Поднепровье. Та и другая точки зрения имеют как сильные, так и слабые стороны.

В районе современных городов Запорожье и Никополь открыты богатейшие погребения скифской знати с уникальными золотыми и серебряными украшениями — ценнейшими произведениями искусства. Это — знаменитые курганы Чертомлык, Солоха, Мелитопольский, Толстая Могила, Гайманова Могила и др. Ознакомимся с некоторыми наиболее значительными открытиями.

Чертомлыцкий курган был раскопан в 1862—1863 гг. И. Е. Забелиным у Чертомлыцких хуторов (ныне с. Чкалово) вблизи Никополя. Это — один из самых больших скифских царских курганов. Он раскинулся в диаметре примерно на 130 м и взметнулся вверх на 20 м. Настоящая пирамида скифских степеней!

Курган имел конусовидную форму. В основании насыпь была окольцована огромными каменными глыбами. От восточного сектора шла вымощенная камнем дорога длиной около 1,5 км. В насыпи кургана в нескольких местах обнаружены остатки 250 уздечек: удила, псалии, золотые обивки от седел, а также различные золотые и бронзовые украшения, бронзовые павершия и наконечники стрел. Эти находки залегают на глубине 6 м от вершины кургана.

А под насыпью, на подкурганной поверхности к западу от центра залегают мощные скопления обломков амфор и лошадиных костей. Здесь же был скелет взнузданного перед смертью коня. Все это — следы тризны после погребения.

Кто же был похоронен здесь? Археологами открыты центральная катакомба и три сопровождающих ее захоронения коней с «конюхами». Была еще одна погребальная камера, которую одни исследователи считают впускной гробницей, а другие — основной частью центральной катакомбы.

Вход в погребальное сооружение был сделан в виде большого прямоугольного колодца глубиной 10 м. Специальные спуски в его углах вели в четыре подземные камеры длиной 5 м и шириной 4 м каждая. Что же в них открылось перед взорами исследователей?

В юго-западной гробнице были захоронены двое мужчин, прекрасно вооруженные, с множеством золотых украшений. У первого был головной убор конической формы, обшитый 29 золотыми бляхами, золотая гривна на шее, золотые браслеты и перстни на руках. Он был опоясан наборным бронзовым чешуйчатым поясом, на ногах — бронзовые поножи. На поясе — меч в золотых ножнах, горит со стрелами и нагайка, украшенная золотой лентой. Слева у головы лежали четыре наконечника копий, бронзовые и серебряные сосуды и горит, полный стрел.

Второй воин был погребен скромнее. На шее у него была золотая гривна, на руках — серебряные браслеты, кольцо, на поясе — меч и горит с ножом.

Это — слуги царя, его товарищи, умершие, чтобы охранять своего повелителя в загробном мире.

В северо-западной гробнице была похоронена женщина. Она лежала в деревянном расписном саркофаге. На голове у нее был головной убор конической формы с золотыми украшениями, в ушах золотые серьги, на шее — золотая гривна, на руках — два золотых браслета и десять таких же перстней. У правой руки лежало бронзовое зеркало. На ее платье было нашито множество золотых бляшек. Среди них бляшка с изображением Геракла, борющегося со львом, скифа, сражающегося с грифоном, и др.

Сбоку похоронили слугу или служапку. Рядом поставили 14 больших амфор. А в северном углу были серебряный лутерий великолепной работы и знаменитая серебряная амфора, украшенная различными фризами. На плечиках между ручек изображена сцена терзания оленя двумя грифонами. Ниже тулово амфоры опоясывает фриз, где скифские юноши ловят коней арканами, укрощают их и т. д. Ниже сосуд покрыт растительным орнаментом и изображениями голубей. Спереди сделан посик в виде крылатого коня Пегаса. А по бокам чуть выше ножки — еще два краника в виде львиных голов.

В юго-восточной камере исследователи обнаружили скелет собаки, бронзовый котел, пять амфор и остатки нескольких горитов с наконечниками стрел. А в глубине камеры удалось найти около 350 золотых украшений.

В северо-восточной камере были сложены царские одеяния. Среди их истлевших остатков найдено более 2500 золотых украшений. Обилие драгоценностей позволяет представить, какими роскошными были эти одеяния. Здесь же обнаружены шесть амфор, серебряная ложечка и маленький ящичек, видимо, ларец.

У входа был захоронен воин, видимо, призванный охранять эти сокровища. При скелете найдены горит (т. е. колчан) со стрелами, нож, бронзовая гривна и золотой перстень.

Теперь о так называемой впускной гробнице или, по мнению других ученых, основной части центрального захоронения. Она представляла собой прямоугольное подполье размерами 5×7 м. Самое большое и, видимо, самое богатое сооружение. О том, сколько здесь было сокровищ, теперь можно только догадываться. Дело в том, что до археологов в гробнице еще в скифское время побывали грабители. Тусклый блеск золота зажег алчные взоры у жаждущих легкой наживы во все времена. Этот блеск желтого дьявола был настолько силен, что побеждал всякий страх перед земными и небесными карами. Не останавливала даже угроза смертной казни. Ради наживы грабили не только живых, но и мертвых, даже царей.

Грабители прорыли ход от северной части кургана и вышли прямо на погребальную камеру. Несомненно, они хорошо знали устройство кургана, может быть, сами участвовали в его сооружении и прекрасно сориентировались в почве ограбления.

Что же осталось здесь после грабителей? Археологи обнаружили остатки разграбленного мужского погребения. Из всех сокровищ, которые были положены рядом с погребенным царем, случайно уцелели два перстня и золотая обивка от ножен. Оставили также бронзовый котел и древнегреческий светильник. Сколько же драгоценностей, уникальных произведений искусства погибло для науки?!

Но фортуна оказалась благосклонной не только к грабителям, но и к ученым. Исследователи обнаружили в стенах подполья три глубокие ниши, которые, к счастью, не были замечены непрошеными почными посетителями.

В северной нише лежали прекрасной работы меч с отделанной золотом рукояткой, золотая оправа от ножа и бронзовая чаша. В западной нише были остатки ист-

левших одеяний, когда-то очень роскошных, расшитых множеством золотых украшений. Перед пищей удалось собрать около 700 золотых бляшек.

Южная пища служила сокровищницей. У ее края были положены бусы, золотые бляшки и другие украшения. А в глубине в левом углу царю сложили бронзовые боевые пояса, пожи, железные крюки и скобы. В правом же углу пиши лежали три прекрасных меча с золотыми ножкатками, еще один меч в ножнах с золотой обивкой, точильный брусок в золотой оправе, золотое ожерелье, золотые ажурные бляхи и горит с золотой обивкой, на которой изображен эпизод из мифа об Ахилле. Эта интереснейшая сцена показывает, как Одиссей нашел молодого Ахилла, которого мать спрятала в женской одежде среди дочерей царя Ликомеда, чтобы тому не идти на Троянскую войну. Одиссей пришел к ним под видом купца и предложил свои товары. Но среди предметов, интересующих женщин, он положил меч. Ахилл совершенно непроизвольно схватил, разумеется, оружие и был тут же узнан.

Найденный шедевр древней торевики выполнен, бесспорно, талантливым греческим мастером по заказу скифского царя. Это уникальное произведение искусства вместе с другими выдающимися находками свидетельствует о высоком уровне скифской культуры, о знакомстве скифов с греческой мифологией.

Теперь попытаемся ответить на вопрос, что же это за погребальная камера. Впускная гробница или основная часть центрального сооружения? Мне представляется правильной вторая точка зрения. Изучение и сопоставление всего комплекса погребений в кургане показывает, что эта погребальная камера и по своему местоположению, и по размерам, и по богатству и количеству сокровищ является основным захоронением. А к нему примыкает северо-западная гробница, в которой была похоронена, вероятно, любимая жена царя.

Таков был погребальный комплекс центрального сооружения. А к западу от его входа археологи обнаружили захоронение коней и «конюхов». В трех ямах лежали скелеты 11 лошадей. На их уздечках и седлах было много золотых и серебряных украшений. А рядом были похоронены два воина с оружием и несколькими золотыми и серебряными украшениями, которых условно можно назвать конюхами.

Итак, мы вкратце ознакомились с материалами раско-

пок знаменитого Чертомлыцкого кургана. Нетрудно убедиться, что описанный Геродотом обряд похорон скифского царя в основном подтверждается.

Казалось бы, можно уверенно локализовать Герры в районе Запорожья — Никополя. Но так ли это? Все гораздо сложнее. Дело в том, что исследованные здесь богатейшие захоронения скифских царей относятся к IV—III вв. до н. э., т. е. к послегеродотовскому времени. Могильники более раннего времени здесь не найдены. А в Среднем Поднепровье в районе р. Сулы имеются большие курганные некрополи VI—V вв. до н. э., т. е. времен Геродота. Но эти погребения не отличаются особым богатством и пышностью и вряд ли могут считаться царскими. Поэтому вопрос о местоположении Герр окончательно еще не решен. Кроме того, были высказаны и другие точки зрения о том, где искать описанные Геродотом царские курганы скифов. Некоторые исследователи указывали их даже на Кавказе.

Познакомимся с некоторыми выдающимися открытиями последних лет в области скифоведения. Они связаны в первую очередь с раскопками курганов скифской знати, где были сделаны уникальные находки.

В 1971 г. близ г. Орджоникидзе Б. Н. Мозолевским был раскопан курган Толстая Могила. Под насыпью высотой 8,6 м были захоронены знатный скифский вельможа, его жена и ребенок. Центральная могила была ограблена еще в древности. После грабителей здесь остались части бронзовой булавы, золотые обкладки ритона, обломки серебряных сосудов, золотые бляхи от горита и другие вещи.

Удача ждала исследователей в дромосе (коридор, ведущий в могилу). Здесь еще в древности обрушился свод. Это и спасло от грабителей часть вещей. Перед взором археологов предстали бронзовый светильник, лутерий, амфора с тремя ручками, три колчаных набора, золотые украшения от нагайки, меч с обложенной золотом рукоятью и ножами и главная находка — уникальная золотая пектораль. А поперек входа был захоронен слуга.

Восточнее входа в центральную гробницу находились две могилы со скелетами шести лошадей, сбрую которых украшали прекрасные золотые и серебряные наборы. Рядом же похоронили и «конюхов». При одном из погребенных найдены золотая гривна, железный браслет, два ножа и колчан.

В боковой гробнице была похоронена молодая женщи-

на 20—30 лет. Ее одежду украшало множество золотых бляшек, головной убор расшит золотыми лентами, у головы — подвески с изображением богини, сидящей на троне, на шее — массивная золотая гривна со скульптурными фигурками львов, преследующих оленя, на руках — пластинчатые браслеты, перевязи из бус и 11 перстней. В изголовье стояли серебряный кубок, чернолаковая миска и несколько стеклянных сосудов, а ниже лежало бронзовое зеркало.

Справа от женщины был захоронен двухлетний ребенок, очевидно, мальчик. При нем были золотые маленьких размеров украшения: гривна, сережки, бляшки от одежды, перстень, в руке — пластинчатый браслет. В саркофаге находились миниатюрные серебряные сосуды: килик, ритон и кубок. Рядом в небольшой хозяйственной нише найдены бронзовый котел, сковородка и кости жертвенного животного.

Вместе с женщиной и ребенком были похоронены четверо слуг, которые сопровождали свою госпожу и ее сына.

Несколько слов о рве, который окружал курган. Там были найдены следы обильной тризны: обломки амфор, кости коня, дикого кабана и лося. А с внутренней стороны рва вся площадка, где совершалась тризна, была сплошь покрыта обломками амфор. Исследователи подсчитали, что в тризне и строительстве кургана могло принять участие до 2500 человек.

Б. Н. Мозолевский считает, что это захоронение по времени несколько предшествует Чертомлыцкому кургану и относится к середине — началу третьей четверти IV в. до н. э.

Курган Гаймапова Могила был раскопан в 1969—1970 гг. под руководством В. И. Бидзили. В нем были также ограбленные еще в древности центральная могила и три впускные. Наиболее интересные находки были сделаны в северной могиле. Здесь за головой центрального (мужского) погребения был не замеченный грабителями тайник. В небольшой круглой яме лежали серебряный килик, два серебряных кубка, два ритона с золотыми наконечниками, два деревянных сосуда с золотыми обивками, серебряная позолоченная чаша с боковыми ручками-упорами.

Последняя находка — уникальная. На широком фризе чаши мы видим две пары скифских вельмож и двух прислуживающих им скифов. Чаша изготовлена по образцу

скифских сосудов талантливый мастером и, бесспорно, является выдающимся произведением античного торевта.

Уникальные находки были сделаны также в Мелитопольском кургане, раскопанном А. И. Тереножкиным в 1954 г. Здесь в мужской могиле на полу перед входом был обнаружен не замеченный грабителями тайшик. В нем лежали боевой пояс с бронзовым покрытием, портупейное украшение из 50 золотых блях с изображением сидящей богини с зеркалом и стоящего перед ней скифа с ритоном, а также горит с золотой обивкой со сценами из мифа об Ахилле. Эта обивка — также один из выдающихся шедевров античной торевтики.

Среди других известных скифских курганов следует назвать раскопанные Б. Н. Мозолевским курган Хомипа Могила, Малый Чертомлык, а также ряд других памятников. Одна из замечательных находок Хоминой Могилы — золотая фигурка вепря, которая служила ручкой деревянного сосуда.

На степных просторах Причерноморья есть еще немало впечатляющих своими размерами курганов, хранящих тайны древней Скифии. Они ждут своих исследователей. Впереди — новые раскопки и интересные находки.

Вернемся, однако, к Геродоту. Описав нам царские похороны, он рассказывает также о том, как хоронят простых скифов: «Так они хоронят царей. Других же скифов, когда они умрут, самые близкие родственники везут, положив на повозки, к друзьям. Каждый из этих друзей, принимая сопровождающих у себя, обильно их угощает и ставит возле трупа все то же, что и другим. Частных людей возят так сорок дней, затем погребают их. Совершив погребение, скифы очищаются таким способом: вымыв и умастив головы, они проделывают с телом следующее. Поставив три жерди, наклоненные одна к другой, они натягивают вокруг них шерстяные покрывала. Сдвинув покрывала как можно плотнее, они кидают в чан, поставленный в середине жердей и покрывал, раскаленные докрасна камни» (IV, 73).

Сведения о том, что покойника возят к друзьям, подтверждает аналогичный обычай у осетин. У них покойника оплакивают не только родственники, но и вся округа. Там же зафиксирован обряд, когда покойника перед выносом на кладбище сначала кладут на сани в любое время года. Б. А. Калоев видит здесь отголоски обычая возить умершего царя по земле всех подвластных ему племен.

Описанный Геродотом обряд очищения полностью подтверждается находками в курганах скифского времени Горного Алтая. В условиях мерзлоты там прекрасно сохранились изделия из ткани, кожи, войлока, дерева и других материалов. Как отмечает С. И. Руденко, во всех Пазарыкских курганах, широко известных своими знаменитыми находками, найдены связанные сверху ремнем жерди, на которые накидывались войлочные или кожаные покрывала. А в погребальной камере 2-го Пазарыкского кургана обнаружены две связки по шесть жердей каждая, стоявшие над бронзовыми курильницами или котлами, которые были наполнены обожженными камнями, причем ручки котлов были обернуты берестой.

Такие сооружения, по всей вероятности, скифы воздвигали и в курганах степной и лесостепной Скифии, но они не сохраняются и оставляют очень мало следов.

А горноалтайские курганы по сохранности находок представляют собой уникальное явление и дают богатейшие материалы, которые практически невозможно получить в других регионах. Как подчеркивает С. И. Руденко, они полностью подтверждают описанный Геродотом погребальный ритуал. Здесь все соответствует данным Геродота: форма и устройство погребальной камеры, роскошная колесница, богатая сбруя лошадей, захороненных вблизи последнего пристанища хозяина, умерщвленные воины, слуги, наложницы, последовавшие за своим повелителем в загробный мир, бальзамирование тела умершего и т. д.

Анахарсис и Скил

Анахарсис — один из наиболее известных сынов Скифии. Античные авторы сохранили о нем сравнительно много самых разнообразных очень интересных и крайне ценных сведений. Ни о ком из других славных представителей скифского народа не дошло до нас столько важной, живо написанной, увлекательной и поучительной информации. Здесь и биографические данные, и рассказы о его путешествиях и встречах с интересными людьми, и философские беседы, и крылатые изречения и т. д. И это неудивительно. Ведь Анахарсис, как сообщают античные авторы, был признан одним из семи мудрецов древнего мира.

Жизнь его была яркой и трагической. Высокообразо-

важный философ, он много путешествовал, познакомился с лучшими достижениями эллипской культуры и, вернувшись на родину, погиб от руки родного брата, царя Савлия. И имя его в Скифии было предано забвению.

Что же нам известно об Анахарсисе? Во-первых, необходимо подчеркнуть, что это — совершенно реальная историческая личность. Обращая внимание на этот момент, потому что некоторые исследователи полагали, что на основании данных Геродота невозможно судить о том, существовал Анахарсис реально или же выдуман, так как рассказывают о нем только эллины, а сами скифы, как передает «отец истории», отвечают, что не знают о нем. Но Анахарсис в описании Геродота и других античных авторов предстает перед нами совершенно реальным лицом, каким и был. Как отмечает М. И. Ростовцев, Анахарсис — абсолютно реальное лицо и для самого Геродота и был знаком, видимо, его греческим читателям.

Впрочем, и современный читатель, надеюсь, легко убедится в том, что скифский мудрец Анахарсис действительно существовал. В этом не сомневается подавляющее большинство специалистов. Но коль отдельные исследователи все же высказывали некоторые сомнения, то об этом надо сказать. А теперь перейдем к источникам.

Обратимся к сведениям Геродота об Анахарсисе: «Скифы также старательно избегают пользоваться обычаями других народов и больше всего эллинскими, как показала судьба Анахарсиса и второй раз снова — Скила. В первом случае Анахарсис, после того как посетил многие земли и в каждой из них воспринял много мудрого, возвращался в местопребывание скифов. Плывля через Геллеспонт, он прибывает в Кизик и застаёт кизикенцев очень пышно справляющими праздник в честь Матери богов. Анахарсис принес Матери обет: если здоровым и невредимым возвратится к себе, то будет совершать жертвоприношения таким же образом, как он это видел у кизикенцев, и установит ночное празднество.

Когда же он прибыл в Скифию, то, углубившись в так называемую Гилею (а она находится близ Ахиллова бега и вся полна разнообразнейшими деревьями), так вот, углубившись в нее, Анахарсис стал совершать весь обряд в честь богини — с бубном, увешав себя священными изображениями.

И кто-то из скифов, заметив, что он это делает, донес царю Савлию. Тот прибыл сам, и когда увидел, что Анахарсис делает это, выстрелив из лука, убил его. И теперь,

если кто-нибудь спросит об Анахарсисе, скифы утверждают, что не знают о нем, из-за того, что он побывал в Греции и воспользовался чужеземными обычаями.

А как я слышал от Тимна, доверенного Ариапифа, Анахарсис был с отцовской стороны дядей Идантирса, царя скифов, сыном же Гнура, сына Лика, сына Спаргапифа. Если Анахарсис был действительно из этого рода, то да будет известно, что он умер от руки брата: ведь Идантирс был сыном Савлия, а Савлий — это и был тот, кто убил Анахарсиса» (IV, 76).

Здесь же «отец истории» излагает нам и несколько иную информацию о царевиче Анахарсисе: «Впрочем, я слышал и другой рассказ, сообщаемый пелопоннесцами, будто бы Анахарсис был послан царем скифов обучаться в Греции. Возвратившись назад, он будто бы сказал тому, кто его послал, что все эллины поглощены всякого рода мудростью, кроме лакедемонян, но только эти последние могут благоразумно вести свою речь и воспринимать чужую.

Но этот рассказ безо всякого основания придуман самими эллинами, а этот муж был убит именно так, как прежде сказано. Он подвергся этому из-за чужеземных обычаев и из-за общения с греками» (IV, 77).

Как мы видим, Анахарсис для Геродота действительно реальное лицо. А о том, что он был известен не только нашему автору, но и современным ему читателям, свидетельствует следующая фраза «отца истории» из краткой общей характеристики Понта Эвксинского: «Ведь нет ни одного племени у Понта, которое бы выдавалось мудростью, и мы не знаем ни одного ученого мужа, кроме скифского племени и Анахарсиса» (IV, 46).

Последние сомнения, если они остались у скептического читателя, развеивают сведения Диогена Лаэртского. В его труде «Жизнеописания и учения прославившихся в философии» есть специальный раздел «Скиф Анахарсис». Здесь он приводит конкретные сведения о скифском мудреце: о его жизни, путешествиях, изречениях.

Что же сообщает нам Диоген? Читаем у него следующее: «Скиф Анахарсис был сын Гнура и брат Кадуида, царя скифского; мать его была гречанка; поэтому он владел обоими языками. Он писал о скифских и эллинских обычаях, о средствах к дешевой жизни и восемьсот стихов о военных делах. Отличаясь свободой речи, он подал повод к образованию пословицы о «скифском образе речи» (I, 8, 101).

Далее мы узнаём из Диогена, что Анахарсис примерно в 594 г. до н. э. прибыл в Афины и посетил знаменитого афинского философа Солона: «Сосикрат говорит, что он прибыл в Афины в сорок седьмую олимпиаду, при архонте Эвкрате.

Гермипп рассказывает, что, придя к дому Солона, он приказал одному из слуг доложить Солону, что к нему пришел Анахарсис, желая посмотреть на него и, если можно, сделать его гостем.

Слуга, доложив, получил от Солона приказание передать Анахарсису, что отношения гостеприимства завязываются каждым на своей родине. Тогда Анахарсис, подхватив, сказал, что сам он (т. е. Солон) теперь на родине и поэтому ему следует заключать связи гостеприимства; изумившись этой сообразительности, Солон принял его и сделал величайшим другом.

Впоследствии, возвратившись в Скифию, Анахарсис оказался уничтожающим отечественные обычаи, питая большое пристрастие к эллинским, и за это был застрелен братом на охоте и скончался, сказав, что благодаря своему разуму он невредимо возвратился из Эллады и вследствие зависти погиб в родной земле. Некоторые говорят, что он был убит при совершении эллинских мистических обрядов. У нас есть в честь его следующая эпиграмма: «Анахарсис, после многих странствий прибыв в Скифию, стал всех убеждать жить по эллинским обычаям; но пока он имел еще на устах неоконченное слово, пернатая стрела быстро увесла его к бессмертным» (I, 8, 102—103).

Аналогичные сведения о жизни Анахарсиса приводятся в схолиях к сочинению Платона «Государство»: «Анахарсис был сыном скифского царя Гпура и матери гречанки, почему и владел обоими языками. Он гостил в Афинах у Солона; возвратившись в Скифию, чтобы научить своих соплеменников эллинским обычаям, был застрелен из лука своим братом и, умирая, сказал: «Благодаря речи, я спасся из Эллады, а вследствие зависти убит на родине» (к § 600 а).

Как мы видим, приведенные данные о жизни Анахарсиса практически полностью подтверждают рассказ Геродота, а также дополняют его информацию. Он был сыном скифского царя Гпура и гречанки, имя которой не названо. Погиб от руки собственного брата, которого Геродот называет Савлием, а Диоген Лаэртский — Кадундом. Источник Геродота, подробнее рассказывающий о Савлии,

заслуживает, на мой взгляд, больше доверия. А Диоген, писавший, видимо, в начале III в. н. э., через 600 с лишним лет после Геродота, мог воспользоваться не совсем надежным источником. Можно предположить также, что у Анахарсиса кроме Савлия был еще один брат — Кадунд. Это могло внести путаницу в вопрос, кто же из братьев стал убийцей. Кроме того, следует отметить, что Лукиан Самосатский, как мы увидим ниже, почему-то называет Анахарсиса сыном Давкета.

После гибели Анахарсиса его образ стали идеализировать. Постепенно в античной литературе появился образ скифского мудреца, который, несмотря на свое варварское происхождение, сумел стать в один ряд с лучшими греческими философами. Идеализация этого образа связана, как отмечают исследователи, с именем известного древнегреческого историка IV в. до н. э., автора первой «Всемирной истории» Эфора и представителями философской школы киников.

Что же сообщают древние авторы об Анахарсисе? Познакомимся с основными сведениями об этом прославившемся в античном мире скифском философе.

Лукиан Самосатский, знаменитый сатирик II в. н. э., долго живший в Афинах, знакомит нас с первыми шагами Анахарсиса в Афинах. В рассказе «Скиф или гость» писатель говорит о встрече Анахарсиса с другим известным скифом — Токсарисом:

«1. Анахарсис не первый прибыл из Скифии в Афины, руководимый желанием познакомиться с эллинской образованностью: раньше его прибыл Токсарис, муж мудрый, отличавшийся любовью к прекрасному и стремлением к благороднейшим знаниям, но происходивший не из царского рода и не из «колпаконосцев»¹, а из толпы простых скифов, каковы у них так называемые «восьминогие», т. е. владельцы пары быков и одной повозки.

Этот Токсарис даже не возвратился в Скифию, а умер в Афинах и немного спустя даже был признан героем; афиняне приносят ему жертвы как иноземному Врачу: это имя получил он, будучи признан героем. Быть может, не лишним будет объяснить причину этого наименования, а также включения в число героев и признания его

¹ Буквально — «носителей пилоса». Пилос — это головной убор, который обычно носили на востоке служители Великой Матери — Кибелы. Ее культ был широко распространен и в античных городах Северного Причерноморья. Анахарсис поплатился жизнью за приверженность этому культу.

ва одного из Асклепиадов (т. е. потомков фракийского божества-исцелителя Асклепия, культ которого был широко распространен в Греции.— *М. А.*), чтобы вы узнали, что не одним скифам свойственно превращать людей в бессмертных и посылать к Замолксису, но что и афинянам можно обоготворять скифов в Элладе...

3. Вспомнил я о нем вот почему. Токсарис был еще жпв, когда Анахарсис, только что высидившись, шел в Афины из Пирея; как иностранец и варвар, он испытывал еще сильное смущение, ничего не зная, пугаясь малейшего шума и не зная, что с собой делать; он понимал, что все, видевшие его, смеются над его убранством, не находил никого, кто бы знал его язык, и вообще уже раскисался в своем путешествии и решил, только взглянув на Афины, немедленно отправиться назад, сесть на корабль и ехать обратно в Боспор, откуда для него уже не далек был путь домой в Скифию.

При таком настроении Анахарсиса встречается с ним, поистине как добрый гений, Токсарис уже в Керамике (один из кварталов Афин.— *М. А.*). Сначала его внимание привлекла одежда его родины, а затем ему уже не трудно было узнать и самого Анахарсиса, происходившего из знатнейшего рода, одного из самых первых в Скифии.

А Анахарсису откуда можно было бы признать в нем земляка, когда он был одет по-эллински, с выбритой бородой, без пояса и без оружия, уже владея языком и вообще казался одним из туземных жителей Аттики? Так преобразило его время.

Но Токсарис, обратившись к нему по-скифски, спросил: «Не ты ли Анахарсис, сын Давкета?». Анахарсис прослезился от радости, что встретил человека, говорящего на его языке и притом знавшего, кто он был в Скифии, и спросил: «А ты, друг, откуда знаешь нас?» — «Да ведь и сам я,— отвечал Токсарис,— происхожу оттуда, из вашей земли, а имя мое — Токсарис, но я не настолько знатного рода, чтобы мог быть тебе известен». — «Неужели ты,— сказал Анахарсис,— тот самый Токсарис, о котором я слышал, что некто Токсарис из любви к Элладе покинул в Скифии жену и маленьких детей, уехал в Афины и живет там, уважаемый лучшими людьми?» — «Да,— сказал Токсарис,— я тот самый, если обо мне еще говорят у вас». — «Итак,— сказал Анахарсис,— знай, что я сделался твоим учеником и соревнователем овладевшей тобой страсти — видеть Элладу... Но ради Меча и Замолксиса,

ваших отеческих богов, возьми меня, Токсарис, будь моим руководителем и покажи все лучшее в Афинах...»

Эти и другие сведения ценны и интересны не только информацией о самом Анахарсисе, но и широким историческим и этнографическим материалом. Они передают живой разговорный язык, помогают полнее понять дух и колорит того времени, психологию человека, его поступки, критерии духовных и моральных ценностей, любви и дружбы и многие другие вопросы бытия.

В этом плане для нас также важен другой рассказ Лукиана Самосатского, названный им «Анахарсис, или О гимназиях». Он построен в виде беседы нашего героя с Солопом. Философы ведут такой разговор:

«6. *Солон*. Совершенно естественно, Анахарсис, что такого же рода занятия (т. е. гимнастические) кажутся тебе чуждыми и далеко не похожими на скифские обычаи, все равно, как и у вас, должно быть, есть много предметов обучения и занятий, которые показались бы странными нам, эллинам, если бы кто-нибудь из нас присутствовал при них, как ты теперь присутствуешь при наших занятиях...

11. *Анахарсис*... А у нас, скифов, если кто ударит кого-либо из равных или, напав, повалит на землю или разорвет платье, то старейшины налагают за это большие наказания, даже если обида будет нанесена при немногих свидетелях, а не при таком множестве зрителей, какое, по твоим словам, бывает на Истме и в Олимпии...

14. *Анахарсис*... Однако, Солон, я прибыл к вам из Скифии, проехав такое пространство суши и переправившись через обширный и бурный Эвксинский Понт, именно с той целью, чтобы изучить эллинские законы и познаться с вашими обычаями...

16. *Анахарсис*... Кроме того, я не могу уже выносить знойных и пламенных лучей солнца, падающих на обнаженную голову; свой колпак я решил снять еще дома, чтобы не казаться одному среди вас иностранцем по внешнему виду...

18. *Анахарсис*... Откуда бы мне, блуждающему кочевнику, жившему на повозке и переезжавшему из одной земли в другую, а в городе никогда не жившему и даже доньше его не видавшему, рассуждать о государственном устройстве и учить оседлых жителей, уже столько времени благоустроено живущих в этом древнейшем городе?..

34. *Солон*. Вам простиительно жить постоянно с ору-

жнем: жизнь в открытых местах легко допускает злоумышления, а врагов у вас очень много, и неизвестно, когда кто-нибудь, напав, стащит спящего с повозки и убьет; затем недоверие друг к другу людей, живущих по своему произволу, а не по законам, также делает постоянно необходимым оружие, чтобы близок был защитник в случае насилия...».

Как видно из этой беседы, Анахарсис изучал государственное устройство и законы, по которым живут эллины. Кстати, относительно законов, как свидетельствует софист и историк Евнапий в своем труде «Продолжение истории Дексиппа», скифский мудрец говаривал, что они «слабее и тоньше паутины» (фрагм. 87).

Интересный сюжет предлагает нам Диодор Сицилийский. В своем произведении «Библиотека» он рассказывает о том, что Анахарсис, причисленный к величайшим мудрецам древнего мира, прибыл вместе с ними к лидийскому царю Крезу и беседовал с ним. Отрывок этот даже озаглавлен: «Анахарсис у Креза». А ниже читаем:

«К нему (т. е. Крезу) прибыли скиф Анахарсис, Биант, Солон и Питтак, которых он на пирах и в собраниях отличал величайшими почестями, показывая им свои богатства и могущества его власти.

В то время у образованных людей была в моде краткость речи; Крез, показав им благополучие своего царства и количество покоренных народов, спросил Анахарсиса, как старшего из мудрецов, какое из живых существ он считает храбрейшим. Анахарсис сказал, что самых диких животных, ибо они одни мужественно умирают за свою свободу.

Крез, полагая, что он ошибся и что на второй вопрос даст угодный ему ответ, спросил, какое из живых существ считает он справедливейшим. Тот снова ответил, что самых диких животных, так как они одни живут по природе, а не по законам: природа же, по его словам, есть создание божества, а закон — установление человека, и справедливее пользоваться тем, что открыто богом, а не человеком.

Тогда царь, желая высмеять Анахарсиса, спросил не суть ли звери мудрейшие существа. Мудрец, согласившись с этим, объяснил, что предпочитать истину природы истине закона есть основной признак мудрости. Тогда царь с насмешкой сказал, что его ответы основаны на скифском звероподобном воспитании» (IX, 26, 2—5).

В этой беседе, как мы видим, Диодор Сицилийский

устами Анахарсиса излагает основные положения философии стоиков.

Нельзя не рассказать также о том, что античная литературная традиция донесла до нас десять писем, которые принадлежат якобы Анахарсису. Эти писания пропизаны философскими взглядами киников и относятся, как полагают исследователи, ко времени возрождения кинизма в I в. до н. э. Так или иначе, но приписываемые Анахарсису письма важны для нас в первую очередь тем, что содержат немало интереснейших сведений об истории Скифии, нравах, обычаях скифов. А сами письма сочинены, надо полагать, на основе достоверных сведений, рассказов и изречений самого Анахарсиса. Автор (или авторы) этих писем остался неизвестным.

Ознакомимся с той информацией, которая непосредственно относится к нашей теме. В письме «К афинянам» читаем следующее:

«Вы смеетесь над моим языком за то, что он не отчетливо выговаривает греческие буквы. Анахарсис неправильно говорит среди афинян, а афиняне — среди скифов. Не языком отличаются люди от людей и приобретают славу, а мыслями, как и эллины отличаются от эллинов. Спартиат не чисто говорит по-аттически, но деяниями своими славны и похвальны. Скифы не порицают речи, которая выясняет должное, и не хвалят той, которая не достигает цели...

...Речь не бывает дурна, когда помыслы хороши и прекрасные дела следуют за речами. Скифы считают речь дурной, когда бывают дурны помыслы...».

В другом письме, озаглавленном «К Медоку», говорится: «Зависть и страх суть великие доказательства низкой души: за завистью следует печаль от благополучия друзей и сограждан, а за страхом — надежды на пустые слова. Скифы не одобряют таких людей, но радуются чужому благополучию и стремятся к тому, чего им возможно достигнуть; а ненависть, зависть и всякие пагубные страсти они постоянно всеми силами изгоняют, как врагов».

В письме «К Аннону» изложены принципы неприхотливого образа жизни: «Мне одеянием служит скифский плащ, обувью — кожа моих ног, ложем — вся земля, обедом и завтраком — молоко, сыр и жареное мясо, питьем — вода...».

А в следующем письме, которое называется «К царскому сыну», автор рассуждает о внутренней свободе че-

ловека: «У тебя флейты и кошельки, а у меня — стрелы и лук. Поэтому, естественно, что ты — раб, а я свободен, и у тебя много врагов, а у меня — ни одного. Если же ты хочешь, отбросив серебро, носить лук и колчан и жить со скифами, то и у тебя будет то же самое».

Одно из имеющихся писем названо «Крезу». Автор обращается к лидийскому царю Крезу, известному своим огромным состоянием, и рассказывает об отношении скифов к богатству: «...Выслушай рассказ о том, чему я сам был очевидцем. Большая река протекает по скифской земле, именно та, которую называют Истром. На ней однажды купцы посадили свою барку на мель и, не успев ничем помочь горю, с плачем удалились.

Разбойники, заметив их несчастье, подъехали на пустой лодке, немедленно набросились на груз, перенесли с барки все движимое и незаметно для себя перенесли и несчастье: барка, освобожденная от груза, поднялась и получила способность плавать, разбойничья лодка, поднявшая ее груз, скоро пошла ко дну вследствие похищения чужого имущества.

Это всегда может случиться с богатым. Скифы же стали вне всего этого: мы все владеем всей землей; то, что она дает добровольно, мы берем, а что скрывает, оставляем; защищая стада от диких зверей, мы берем взамен молоко и сыр; оружие имеем мы не против других, а для собственной защиты в случае надобности; но доселе это не понадобилось: ибо мы являемся для наступающих и борцами и призами за победу; но такой приз немногие любят...».

Автор письма, разумеется, несколько идеализирует истинное положение дел у скифов, но тем не менее сформулированное им отношение к богатству весьма показательно. А отсутствие всяких ценностей, подчеркивает он, позволяет жить спокойно, не боясь нападения жаждущих обогащения соседей. Ведь победителям нечего взять с них, кроме их самих.

Уже упоминаемый здесь Диоген Лаэртский знакомит нас с еще одним письмом Анахарсиса Крезу. Скифский мудрец пишет: «Царь лидийский, я прибыл в страну эллинов для изучения их нравов и занятий. В золоте я несколько не нуждаюсь, для меня достаточно возвратиться в Скифию лучшим человеком. Я прибыл в Сарды, душевно желая прийти к тебе по нраву».

Диоген в своем сочинении собрал также целый ряд метких, крылатых выражений и изречений Анахарсиса,

с которыми весьма интересно и небесполезно познакомиться ближе. Некоторые из них актуальны и сегодня.

Что же говорил скифский мудрец? Обратимся к источнику. Диоген излагает все сплошным текстом, но при цитировании для более удобного изучения я проставил порядковые номера. Он пишет:

«1. Апахарсис сказал, что виноградная лоза приносит три кисти: первую — удовольствия, вторую — опьянения, третью — отвращения.

2. Он же выразил удивление тому, что у эллинов состояются художники, а судят их не художники.

3. На вопрос, как можно не сделаться пьяницей, он сказал: „Если иметь перед глазами безобразия пьяных“.

4. Он выражал удивление и тому, что эллины, издавая законы против обидчиков, почитают атлетов за то, что они бьют друг друга.

5. Узнав, что корабль имеет в толщину четыре пальца, он сказал, что настолько плывущие в нем удалены от смерти.

6. Масло он называл средством для возбуждения бешенства, потому что намазанные им атлеты бесятся друг на друга.

7. Каким образом, говорил он, запрещающие ложь глут в лавках открыто?

8. Он выражает также удивление тому, что эллины при начале пира пьют из малых чаш, а насытившись — из больших.

9. Под его изображением подписывается: „Сдерживать язык, желудок, все органы тела“.

10. На вопрос, есть ли у скифов флейты, он ответил: „Даже лоз нет“ (Это выражение означает, что флейт нет, потому что нет пьянства, а пьянства нет, потому что нет винограда, т. е. лоз. — М. А.).

11. На вопрос, какие корабли безопаснее, сказал: „Вытащенные на берег“.

12. Он говорил, что с величайшим удивлением видел у эллинов то, что дым они оставляют на горах, а дрова свозят в город.

13. На вопрос, кого больше, живых или умерших, он сказал: „А плавающих куда ты кладешь?“.

14. Порицаемый одним аттическим гражданином за свое скифское происхождение, он сказал: „Мне позор — отечество, а ты — своему отечеству“.

15. На вопрос, что у людей хорошо и дурно, он сказал: „Язык“.

16. Он говорил, что лучше иметь одного друга, стоящего много, чем многих, не стоящих.

17. Площадь он называл определенным местом для взаимного обмана и корыстолюбия.

18. Оскорбленный юношей на пиршестве, он сказал: „Юноша, если ты в молодости не переносишь ви́па, то в старости будешь носить воду“» (§ 103—105).

Об остроумных ответах Анахарсиса рассказывает также и Плутарх. В его труде «Сравнительные жизнеописания» есть раздел, который называется «Пир семи мудрецов». Здесь в двух сюжетах фигурирует скифский мудрец. В первом случае он якобы беседует с сыном бога Гефеста Ардалом, который считался изобретателем флейты, а во втором — со знаменитым греческим баснописцем Эзопом. Идет следующий разговор: «5. ...Ардал, обратившись к Анахарсису, спросил, есть ли у скифов флейтистки. Тот сразу сказал, что нет даже лоз. Ардал снова спросил: «Но боги ведь есть у скифов?» — «Конечно,— ответил он,— но понимающие человеческий язык: не так, как эллины, думающие, что они говорят лучше скифов, и все-таки полагающие, что боги с большим удовольствием слушают костяные и деревянные инструменты...».

12. По окончании и этого разговора я предложил мужам сказать нам и о том, как следует вести дом; «ведь царствами и городами владеют немногие, а очаг и дом есть у всех нас».

Эзоп, засмеявшись, сказал на это: «Нет, если ты в число всех включаешь и Анахарсиса: у него нет дома и он даже гордится тем, что он бездомный и живет на повозке, подобно тому, как о солнце говорят, что оно странствует на колеснице, посещая то ту, то другую сторону неба». — «Поэтому-то,— возразил Анахарсис,— оно или единственное из богов, или преимущественно перед другими свободно, самостоятельно и властвует над всем, а само никому не подвластно, но царствует и правит. Только ты забыл, как превосходна по красоте и удивительна по величине его колесница: иначе ты не сравнил бы ее с нашими в шутку и на смех...».

Таковы основные, наиболее известные крылатые изречения, меткие выражения и остроумные ответы Анахарсиса. Наверное, не все они принадлежат скифскому мудрецу. Но основная часть этих сведений, безусловно, относится к тому времени и отражает нравы и обычаи скифов.

Интересно отметить, что некоторые античные авторы считают мудрого Анахарсиса также изобретателем двузуб-

бого якоря, гончарного круга и других приспособлений. Но эти утверждения отвергали еще в древности. Вот, например, что пишет по этому поводу Страбон: «Далее Эфор относит к этому племени и Анахарсиса, называя его мудрым: по его словам, он был признан одним из семи мудрецов за необыкновенную воздержанность и разум. Он называет его изобретениями горящий трут, двузубый якорь и гончарный круг.

Я упоминаю об этом, хотя отлично знаю, что и этот писатель не обо всем говорит вполне верно, в том числе и об изобретениях Анахарсиса (в самом деле, каким образом гончарный круг может быть его изобретением, если о нем знает уже Гомер, живший раньше его: «подобно тому как какой-нибудь гончар прилаженное в руках колесо» и так далее) (VII, 3, 9).

Конечно, и гончарный круг, и двузубый якорь были изобретены еще до Анахарсиса. И приписывать ему эти изобретения нельзя. Но, может, он в чем-то усовершенствовал эти и другие открытия?! Или «изобрел» их для скифов, т. е. благодаря ему они получили широкое распространение в Скифии?! Может, именно это имели в виду Эфор и другие античные писатели? Ведь не мог же Эфор, широко образованный ученый, автор первой «Всемирной истории», всерьез считать, что Анахарсис впервые изобрел издавна известные человечеству якорь и гончарный круг. Этот капитальный труд, к сожалению, не дошел до нас. И мы не знаем, что именно он написал об этом. Вполне возможно, что Эфор имел в виду не изобретение якоря и гончарного круга вообще, а их «открытие» Анахарсисом для скифов.

Таковы основные сведения о скифском мудреце Анахарсисе — одном из наиболее выдающихся сынов Скифии. Рассказ о нем хочется закончить словами Страбона: «Поэтому-то и Анахарсис, Абарис и некоторые другие скифы, им подобные, пользовались большой славой среди эллинов, ибо они обнаруживали характерные черты своего племени: *любезность, простоту, справедливость*» (VII, 3, 8; курсив мой.— М. А.).

О трагической судьбе другого персонажа скифской истории — скифского царя Скила мы знаем опять-таки от Геродота. Он рассказывает о нем вместе с историей Анахарсиса, показывая этими примерами, как свято скифы чтут свои обычаи и «старательно избегают пользоваться обычаями других народов и больше всего эллинскими».

Что же мы знаем о Скиле? Закончив рассказ об Ана-

харсисе, Геродот продолжает: «Очень много лет спустя Скил, сын Ариапифа, претерпел подобное этому. Ведь у Ариапифа, царя скифов, был в числе других сыновей Скил. Он родился от женщины из Истрии и отнюдь не от туземки, и мать научила его греческому языку и письму. Некоторое время спустя Ариапиф был предательски убит Спаргапифом, царем агафирсов, а Скил наследовал царскую власть и жену отца, имя которой было Опойя. Эта Опойя была местной уроженкой, и от нее у Ариапифа был сын Орик.

Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил. Делал он следующее: всякий раз, как Скил вел войско скифов к городу борисфенитов (борисфениты эти говорят, что они милетяне) и приходил к ним, он оставлял войско в предместье, сам же проходил внутрь, за городскую стену и запирали ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинское платье. Когда он шел в этом платье на рыночную площадь, за ним не следовали ни телохранители и никто другой (а ворота охраняли, чтобы никто из скифов не увидел его в этой одежде). И во всем остальном он пользовался эллинским образом жизни и приносил жертвы богам по законам эллинов. Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в Борисфене и женился там на местной женщине» (IV, 78).

Дальше произошло следующее: «Когда же суждено было случиться с ним несчастью, оно случилось по такой причине. Пожелал он быть посвященным в тайнства Дионисия Вакхического. В то время как он собирался принимать посвящение, ему было величайшее знамение. Был у него в городе борисфенитов дом обширных размеров и богато устроенный, о котором я незадолго перед этим упоминал. Вокруг него стояли сфинксы и грифы из белого камня. В этот дом бог метнул молнию. И дом полностью сгорел. Скил же, несмотря на это, совершил обряд посвящения.

А скифы презирают эллинов за вакхическое иступление. Они говорят, что не подобает выдумать бога, который приводит людей в безумие. Когда же Скил был посвящен Вакху, какой-то борисфенит стал издеваться над скифами, говоря: „Над нами вы смеетесь, скифы, что мы приходим в вакхическое иступление и что в нас вселивается бог. Теперь это божество вселилось и в вашего

даря, и он в вакхическом иступлении и безумствует под влиянием божества. Если же вы мне не верите — следуйте за мной, и я вам покажу“.

Старейшины скифов последовали за ним, и борисфепит, приведя их, тайно поместил на башне. Когда прошел со священной процессией Скил, и скифы увидели его в вакхическом иступлении, они сочли это очень большим несчастьем. Выйдя из города, они сообщили всему войску то, что видели» (IV, 79).

Как же повели себя скифы? Судя по рассказу Геродота, здесь, у стен Ольвии ничего не произошло, беда разразилась позже: «Когда же после этого Скил возвратился к себе домой, скифы восстали против него, поставив во главе его брата Октамасада, рожденного от дочери Тера. Скил же, узнав о том, что совершается против него, и о причине, по которой это происходило, убегает во Фракию. А Октамасад, услышав об этом, пошел на Фракию войной. Когда же он был у Истра, фракийцы вышли ему навстречу. Прежде чем они схватились, Ситалк послал к Октамасаду сказать следующее: „Зачем мы должны испытывать силу друг друга? Ты — сын моей сестры и у тебя мой брат. Отдай же мне его, и я передам тебе твоего Скила с тем, чтобы ни тебе, ни мне не рисковать войском“.

Это возвещал ему, послав посла, Ситалк. Ведь у Октамасада находился брат Ситалка, бежавший от него. Октамасад соглашается с этим и, выдав своего дядю с материнской стороны Ситалку, получил брата Скила. И Ситалк, взяв брата, увел его с собой. Скилу же Октамасад там же и отрубил голову. Вот таким образом скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают» (IV, 80).

Таков рассказ Геродота о царе Скиле. Долгое время эти сведения рассматривали обычно как легенду, которая свидетельствует о том, насколько бережно скифы чтут свои обычаи и сурово расправляются с теми, кто их нарушает.

Но 50 с лишним лет назад на территории Румынии к югу от устья Дуная при вспашке поля крестьяне нашли золотой перстень. На его щитке изображена сидящая на троне женщина с большим круглым зеркалом в правой руке. А слева от нее вырезано имя Скила. Так рассказ Геродота получил бесспорное доказательство того, что скифский царь Скил не вымыслен, а был реальной исторической личностью.

При каких обстоятельствах был утерян перстень? Выяснить это уже вряд ли удастся. Произошло это, падо полагать, когда Скил бежал во Фракию и искал защиты у фракийского царя Ситалка. Но спасения он не нашел. Скил был казнен где-то у Истра. А фракийская земля сохранила его перстень.

Этот перстень таил в себе еще одну загадку. Ю. Г. Виноградов провел специальное исследование и обнаружил, что на дужке перстня имеется еще одна надпись, которая сделана от имени самого перстня (обычная для того времени манера) и гласит: «Вели быть <мне> при Арготе» [18, с. 98].

Кто же этот Аргот, прежний владелец перстня? Ю. Г. Виноградов видит в нем неизвестного нам скифского царя, правившего где-то в 510—490 гг. до н. э. А затем, по мнению исследователя, царский перстень перешел по наследству (прямо или опосредованно) к Скилу.

Изложенные Ю. Г. Виноградовым выводы чрезвычайно интересны и большей частью довольно убедительны. Но эти вопросы, разумеется, требуют дальнейшего изучения.

Не так давно рассказ Геродота о Скиле получил и другие веские доказательства. При раскопках древнегреческого города Никония, развалины которого лежат на левом берегу Днестровского лимана у современного с. Роксоланы, найдены литые медные монеты с именем Скила [43, ч. 1, с. 66—68]. Эти находки позволили П. О. Карышковскому прийти к выводу, что Никоний, как и Ольвия, находился под властью скифской державы.

Вопрос о скифском протекторате над Ольвией (а теперь — и Никонием) в последние годы активно разрабатывает Ю. Г. Виноградов [18, с. 106—108; 20, с. 398—400]. Проанализировав весь комплекс письменных и археологических данных, он приходит к выводу, что в начале V в. до н. э. Скифия установила протекторат над Ольвией. Эта концепция открывает новые возможности для более полного и всестороннего понимания греко-скифских отношений.

Таким образом, изложенная Геродотом история о трагической судьбе скифского царя Скила подтверждается данными археологии. Можно добавить, что при раскопках Ольвии найден мраморный сфинкс, который находится теперь в Одесском археологическом музее. Не этот ли сфинкс украшал ольвийский дом Скила?

Будем надеяться, что дальнейшие исследования откроют новые страницы трагической истории скифского царя Скила.

Когда и почему началась скифо-персидская война?

Скифо-персидская война — одно из крупнейших событий в истории Скифии, которое существенно повлияло на исторические судьбы многих европейских и азиатских народов того времени. Этой теме посвящено множество специальных исследований отечественных и зарубежных ученых. Однако единого мнения по многим основным вопросам до сих пор нет. Причины тому — лаконичность сведений Геродота, недостаток других письменных и археологических данных, различное отношение исследователей к имеющимся источникам, а также ряд иных факторов. Поэтому для того, чтобы дать читателю по возможности более полную и объективную информацию, мы будем чаще обращаться к произведениям античных авторов, в первую очередь к «Истории» Геродота и цитировать необходимые отрывки.

Геродот еще до описания похода Дария на скифов рассказывает нам о замыслах царя. И делает это весьма своеобразно — в виде диалога Дария и его жены Атоссы. Жена обращается к возлежащему с ней на ложе мужу:

«Царь! При всем твоим великом могуществе ты бездействуешь. Еще ни один народ ты не покорил персам и не приумножил персидской державы. Человеку молодому, как ты, властителю великих сокровищ, следует прославить себя великими подвигами, дабы персы знали, что над ними властвует муж. Это пойдет тебе вдвойне на пользу: персы будут знать, что во главе их стоит муж, и, занимаясь войной, они не будут иметь досуга, чтобы восставать против тебя. Теперь, пока ты еще молод, ты можешь совершить великий подвиг. Ведь с ростом тела растут и духовные силы, а когда тело начинает стареть, то с ним вместе дряхлеет и дух и уже неспособен к великим свершениям.

— Жена! Все, о чем ты говоришь, я и сам думаю совершить. Я ведь собираюсь перекинуть мост с нашего материка на другой и идти на скифов. И это скоро должно свершиться».

Диалог этот, вероятнее всего, выдуман самим Геродотом. Но, возможно, Атосса действительно играла большую роль в решении государственных дел. Об этом свидетельствуют и соответствующие сцены в драме Эсхила «Персы».

Затем Геродот сообщает о самом походе и его причинах: «После взятия Вавилона был поход самого Дария на скифов. Вследствие того, что Азия изобиловала людьми и денежных средств поступало множество, Дарий пожелал отомстить скифам за то, что они первые, вторгшись в Мидию и одержав победу над теми, кто оказал им сопротивление, положили начало несправедливости. Ведь, как у меня было сказано прежде, скифы властвовали над Верхней Азией в течение двадцати восьми лет. Преследуя киммерийцев, они вторглись в Азию, лишив власти мидийцев. Ведь именно последние властвовали над Азией до прихода скифов... По этой причине Дарий, желая отомстить скифам, собрал против них войско» (IV, 1, 4).

Как мы видим, причиной похода Геродот считает желание Дария отомстить скифам за обиды столетней давности.

А Платон по этому поводу восклицал: «По какому праву Ксеркс предпринял поход на Элладу или отец его на скифов?». Отсюда можно заключить, что он не видел у Дария каких-либо серьезных причин для похода на скифов.

Иордан приводит следующее объяснение причин похода на скифов, которых он здесь называет готами: «Дарий, царь персов, сын Гистаспа, пожелал сочетаться браком с дочерью Антира, короля готов; просил он это и в то же время опасался, как бы не отклонили они его пожелания. Готы, презрев родство с ним, оставили его посольство ни с чем. Отвергнутый, он воспламенился обидой и выставил против готов войско из 700 тысяч вооруженных воинов; он стремился отомстить за свой позор общественным бедствием» (§ 63).

Эту же версию вкратце излагает Помпей Трог, который, как и Иордан, искажает имя скифского царя Идантирса (у него читаем Иантир).

Как мы видим, древние авторы приводят две совершенно разные версии. Какую же из них можно принять? Ответить на этот вопрос однозначно, наверное, невозможно. Конечно, вполне могло быть, что Дарий хотел породниться со скифским царем для того, чтобы зару-

читься его поддержкой в своих далеко идущих завоевательских планах. Получив отказ, он понял, что не только не приобрел союзника или нейтрального соседа, но имсет в лице Скифии сильного врага, который может помешать осуществлению его великих планов. Такого врага нужно было обезопасить. И Дарий двинулся войной на скифов. Поводом же послужил отказ выдать за него дочь Идантирса.

Не исключено также, что при тех же событиях Дарий не хотел афишировать свою неудачу с женитьбой и нашел другой повод для войны — давние обиды, причиненные скифами во время их господства в Азии. Следовательно, изложенные древними авторами версии не исключают одна другую.

Но источники говорят только о том, что послужило поводом к войне. А каковы же истинные причины похода Дария на скифов?

Современные исследователи, отвечая на этот вопрос, приходят к различным выводам. Все они подробно рассмотрены и проанализированы в работе Е. В. Черненко. Поэтому мы ознакомимся только с основными точками зрения.

С. П. Толстов, например, пишет следующее: «Я склонен видеть в грандиозном предприятии Дария попытку пройти огнем и мечом по наиболее глубоким тылам Скифии и выйти в Среднюю Азию с северо-запада, навсегда сокрушив мощь своих грозных северо-восточных врагов и завершив консолидацию северной границы империи. Крупную роль могли играть и задачи укрепления в Закавказье ахеменидской власти, которой непосредственно угрожали европейские скифы. Гигантский масштаб не должен нас смущать. Не надо забывать огромных размеров самой империи и мало уступающих по протяженности маршрутов походов Кира, Камбиза и Дария на территории от Бактрии до Барки и Нубии. Географическая осведомленность персов о Скифии, видимо, была значительно выше той, которой располагали греки, и речь шла не о походе в таинственную „страну мрака“, а в страну, вероятно, хорошо известную персидской разведке» [108, с. 107].

Несколько иное объяснение приводит М. И. Артамонов: «Дарий стремился распространить Персидскую империю на весь тогдашний культурный мир и, в частности, подчинить черноморские колонии греков и тем самым захватить контроль над черноморской торговлей,

в особенности над поступлением необходимого Греции скифского хлеба» [8, с. 77].

Близкую ему точку зрения высказывает Б. А. Рыбаков: «Поход Дария I во Фракию и Скифию в 512 г. был первым военным актом в длительных событиях последующих греко-персидских войн. Цель его угадывается легко: персы начали подготовку к тяжелой войне на суше и на море, стремясь отрезать Грецию от хлебородных и богатых скотом и рыбой областей Балкан и Скифии. Повод, разумеется, был указан иной: месть за давние походы скифов в Малую Азию; однако покорение фракийцев, непричастных к разбойничьим наездам скифов, не оставляет сомнений в истинных стратегических целях персидского царя» [95, с. 169].

Е. В. Черненко, детально проанализировав имеющиеся данные и мнения своих предшественников, пришел к следующим выводам: «„Замирение“ северопричерноморской скифской степи, подрыв могущества скифов (для чего надо было не только и не столько пройти через Скифию, сколько разгромить основные силы скифов в открытом бою, чего Дарий столь настойчиво добивался на протяжении всего похода) и было основной целью персов. Поэтому нельзя согласиться с мнением М. И. Ростовцева, поддержанным М. И. Артамоновым, видевших в качестве основной цели похода персов установление их контроля над греческими городами Северного Причерноморья. Не имеет под собой абсолютно никакого реального содержания утверждение М. И. Артамонова о том, что „отпор персам с их (скифов.— Е. Ч.) стороны был организован ольвийскими греками, которым в первую очередь угрожало персидское нашествие“. Столь же мало обосновано, может быть, и мнение А. С. Русяевой о вероятности того, что „скифы, заинтересованные в пребывании здесь (в Северном Причерноморье.— Е. Ч.) эллинов, целенаправленно приняли удар на себя“» [121, с. 14].

Теперь попытаемся вкратце проанализировать изложенные точки зрения. Критические выводы Е. В. Черненко представляются вполне справедливыми. Его главный вывод о том, что основной целью персов был разгром скифов, на мой взгляд, полностью соответствует действительности.

Выводы С. П. Толстова не противоречат главному выводу Е. В. Черненко, а дополняют его, если можно так выразиться, по части стратегических планов Дария уже после разгрома скифов.

Б. А. Рыбаков неверно определил цель похода Дария, перенеся внимание со Скифии на Грецию. Персы стремились не «отрезать Грецию от хлебобродных и богатых скотом и рыбой областей Балкан и Скифии», а разгромить скифов и обезопасить себя от такого сильного врага. Тем самым они, разумеется лишали Грецию хлеба, но это уж следствие, а не причина.

Таким образом, основная цель похода Дария заключалась, конечно, в разгроме скифов. Эта цель и определяла всю стратегию и тактику персидских войск на протяжении всей войны.

Итак, Дарий собрался войной на скифов. Прежде чем отправиться в столь далекий и тяжелый поход, царь позаботился о сборе необходимых сведений о Скифии. Вот что пишет об этом Ктесий Книдский в «Истории Персии»: «Дарий приказал каппадокийскому сатрапу Ариарамну перейти Европу против скифов и взять в плен мужчин и женщин. Ариарамн, переправившись на 30 пятидесятивесельных судах, взял скифов в плен, причем захватил и брата скифского царя Марсагета, найдя его заключенным в оковы по приказанию брата за какой-то проступок. Скифский царь Скифарб в гневе написал Дарию дерзкое письмо, ему был дан такой же ответ» (§ 16).

Разведка, как мы видим, оказалась очень удачной. Были захвачены необходимые пленные, среди них — даже брат одного из скифских царей. Дарий, наверняка, получил ценные сведения от обиженного на царствующего брата пленника. Поэтому можно не сомневаться, что персы имели достаточное представление о стране, на которую они шли войной.

Когда же состоялся сам поход? Единого мнения по этому вопросу также нет. Геродот лишь отмечает, что поход произошел после взятия Вавилона, т. е. после 521 г. В этой связи В. В. Струве подчеркнул, что «датировка Геродотом похода на скифов является слишком общей, ибо оставляет слишком большой простор для выбора того года, когда Дарий решил двинуть свое войско против племен, населявших степи нашего Причерноморья» [104, с. 101].

И действительно, ученые высказали множество различных точек зрения относительно этой даты. Приводя всевозможные аргументы, соображения, гипотезы и просто догадки, они отстаивают тот или иной год в промежутке между 520 и 507 гг. до н. э. [30, с. 371—373;

121, с. 7—11]. Большинство исследователей считают, что скифо-персидская война произошла в 512 г. Абсолютно точный ответ дать пока невозможно.

Какова была численность войск?

Этот вопрос — один из наиболее важных. Для того чтобы полнее представить себе размах и грандиозность этого важнейшего военно-исторического события древности, необходимо знать, какие силы имели противоборствующие стороны.

Какова была численность персидского войска? Геродот сообщает об этом следующее: «Войска, без морского флота, насчитывалось 700 000 вместе с конницей, кораблей же было собрано шестьсот» (IV, 87). Помпей Трог также указывает, что Дарий «вступил в Скифию с 700 000 вооруженных людей» (II, 5, 8). Аналогичные сведения приводит Иордан, который отмечает, что Дарий «выставил против готов (т. е. скифов.— М. А.) войско из 700 000 вооруженных воинов» (§ 63). А Ктесий Книдский называет другую цифру — 800 000 войска.

Как же тут быть? Современные исследователи по-разному относятся к приведенным цифрам. Одни ученые считают их достоверными, другие отвергают, полагая, что они сильно завышены. Кто же тут прав?

Попытаемся ответить на этот вопрос. Для этого необходимо в первую очередь тщательно проанализировать аргументы тех и других ученых, взвесить все «за» и «против».

Сторонники приведенной Геродотом цифры никаких особых доказательств обычно не приводят. Как правило, они просто указывают эти данные и принимают их либо безоговорочно, либо с теми или иными пояснениями или рассуждениями на этот счет.

А исследователи, отвергающие приведенную «отцом истории» и другими древними авторами цифру, считают, что численность персидского войска была намного меньше, и стараются обосновать свой вывод различными аргументами. Наиболее полно эта точка зрения отражена в работе Е. В. Черненко [121]. Рассмотрим систему его основных выводов и рассуждений.

Исследователь сразу же определил свое отношение к

рассматриваемому вопросу: «Безусловно, данные древних авторов о численности войск Дария не соответствуют действительности. Они во многом превышают реальные» (с. 18). По его мнению, Геродот столь непомерно завысил данные о численности войск Дария, стремясь хоть как-то объяснить этим и оправдать подчинение персами некоторых греческих городов, а также подчеркнуть превосходство скифов, которые объективно были союзниками греков, приняв на себя первый удар полчищ Дария.

Далее ученый приводит ряд соображений, которые, по его мнению, доказывают нереальность указанной Геродотом цифры. Он посчитал, что 700-тысячное войско должно было растянуться на марше на расстояние около 500 км при следовании одной колонной, и добавляет, что при движении несколькими параллельными колоннами протяженность была бы несколько меньшей, но при этом возникают другие трудности, которые делают этот марш лишь немногим легче.

Затем Е. В. Черненко отмечает, что прокормить такое огромное войско и обеспечить фуражом столько лошадей, ослов и быков обоза очень трудно, что уничтожение скифами растительности и отравление источников еще больше затрудняло продвижение персов, что везти с собой хотя бы минимум провианта для 700-тысячного войска просто невозможно. Здесь же даны расчеты, согласно которым для перевозки минимального провианта в таком случае потребовалось бы около 100 тысяч повозок.

Исследователь считает очевидным, что Геродот явно преувеличил и численность флота. По его подсчетам, экипаж 600 судов даже по самым минимальным прикидкам должен был достигать 100 тысяч человек. Такие цифры, категорически заявляет он, совершенно нереальны. Однако, отмечает Е. В. Черненко, число судов и находящихся на них воинов, охранявших переправу, было все же достаточно велико, иначе скифы могли просто смять охрану моста, а не вести с нею долгие и в общем безрезультатные переговоры (с. 20).

Теперь проанализируем изложенные аргументы Е. В. Черненко.

1. Мнение о том, что Геродот непомерно завысил данные о численности персидского войска и сделал это из-за стремления подчеркнуть доблесть греков и скифов, представляется неубедительным. Симпатии Геродота действительно на стороне греков и скифов. Это чувствуется в самой манере описания происходивших событий. И тео-

ретиически можно было бы допустить мысль о том, что «отец истории» по указанным соображениям преувеличил численность персов. Но почему же тогда Ктесий Книдский указывает «800 000 войска»? Ведь он, личный медик персидского царя Артаксеркса II (404—359 гг.), в своем обобщающем труде «История Персии» никоим образом не был заинтересован преувеличивать грандиозный размах похода на скифов и этим еще больше подчеркивать неудачу Дария.

Кроме того, следует учитывать, что 700 000 вооруженных людей указывает также Помпей Трог. Эти сведения взяты не у Геродота, как полагает Е. В. Черненко, а из другого источника, независимого от «отца истории». Об этом свидетельствует тот факт, что здесь названа другая причина похода — обида Дария за отказ скифского царя выдать за него свою дочь, а не желание отомстить скифам за давние обиды во время владычества в Азии, как отмечает Геродот.

Такую же цифру — 700 тысяч вооруженных воинов — называет нам Иордан, использовавший также независимый от Геродота источник, который повторяет в качестве причины похода свадебную версию. Эти сведения, надо полагать, не зависят и от источника Помпея Трога, поскольку они по-разному искажают имя Идантирса. У Помпея Трога читаем Иантир, а у Иордана — Антир. Хотя здесь нельзя, конечно, полностью исключать ошибку одного из переписчиков.

Таким образом, помимо Геродота и независимо от него еще как минимум два других источника также определяют численность персидского войска в 700 тысяч. А Ктесий Книдский называет еще бóльшую цифру — 800 тысяч. Все эти данные не дают никаких объективных оснований предполагать, что Геродот преувеличил численность войска Дария.

2. Е. В. Черненко пытается доказать нереальность указанной Геродотом цифры расчетами, согласно которым 700-тысячное войско при следовании одной колонной должно было растянуться примерно на 500 км, а при движении несколькими параллельными колоннами это расстояние сокращается, но возникают другие большие сложности.

Изложенные доводы также не представляются убедительными. О движении одной колонной здесь не может быть и речи. Поэтому столь внушительная цифра в 500 км здесь ни к чему. Она тем более неприемлема для

пас, так как получена, исходя из норм расчетов Г. Дельбрюка, который взял за основу требования германского военного устава конца XIX в. Ведь продвижение войска Дария по широким просторам ровной целины скифской степи нельзя сравнивать с походными порядками немецкого пехотного корпуса, где ширина колонны ограничена как узкой лентой дороги, так и уставными нормами и интервалами между подразделениями довольно велики.

Как же продвигалось персидское войско в Скифии? Мне представляется это таким образом. В условиях сравнительно открытой и ровной степи и пехота персов, и конница, и обоз следовали несколькими широкими и плотными колоннами. При таком движении 700-тысячное войско растягивалось на марше до нескольких десятков километров. Это — вполне допустимые цифры. Разумеется, здесь возникало достаточно много больших и малых трудностей. Но война есть война.

Таким образом, рассмотрение вопроса о продвижении персидского войска не дает, на мой взгляд, никаких объективных оснований сомневаться в том, что Дарий привел в Скифию, как сообщает Геродот, 700 тысяч своих воинов.

3. Проблема пропитавия была, безусловно, одной из наиболее серьезных проблем персов. Обоз из 100 тысяч повозок — вещь, конечно, переальная. Но обязательно ли 700-тысячному войску иметь такой обоз?

Е. В. Черненко исходил из того, что персы должны были везти с собой провиант на все 60 дней похода. Такое представление, на мой взгляд, неверное. Сколько же тогда провианта должны были везти с собой персы, если бы Дарий уже после переправы через Истр в самый последний момент не отказался от первоначального намерения разрушить мост через реку, вести с собой также войско с кораблей и после покорения скифов идти дальше в Среднюю Азию?! Ведь Е. В. Черненко не сомневается в том, что самонадеянный завоеватель планировал именно такой грандиозный поход. Исследователь приводит аргументированное мнение С. П. Толстова, который «склонен видеть в грандиозном предпрятии Дария попытку пройти огнем и мечом по наиболее глубокому тылу Скифии и выйти в Среднюю Азию с северо-запада, навсегда сокрушив мощь своих грозных северо-восточных врагов и завершив консолидацию северной границы империи». И далее Е. В. Черненко добавляет: «Косвенным свидетельством в пользу перво-

начального намерения Дария „замирив“ Скифию, продолжать дальнейшее продвижение на восток за ее пределы, является первоначальное решение Дария о разрушении моста через Дунай после переправы по нему войск персов. Этот шаг был бессмысленным и опасным в том случае, если он намеревался ограничиться лишь покорением Скифии, но вполне логичным, если персы первоначально предполагали продолжать движение на восток» [121, с. 13—14].

Таким образом, по первоначальному плану Дария после переправы через Истр персов ожидал во много раз более продолжительный поход и войско должно было быть еще большим за счет воинов с кораблей. Какое же количество провианта, если следовать рассуждениям Е. В. Черненко, должно было быть у них в таком случае? Здесь уместно спросить, с каким запасом продовольствия выступили персы во Фракию после переправы через Боспор Фракийский. До этого, во время продвижения по своей территории особых проблем с продовольствием, надо полагать, не было. А как же снабжалось войско на вражеской территории? Ведь не везли же все с собой из Персии! Конечно, нет. Во все времена, всегда и везде воюющие войска снабжались продовольствием и фуражом почти полностью с захваченной территории. И войско Дария, разумеется, не было, да и не могло быть исключением. Специальные команды фуражиров занимались этим как во Фракии, так и в Скифии. Об этом прямо свидетельствует сам Геродот: «А те из скифов, которые оставались на месте, решили больше не водить персов из стороны в сторону, но нападать на них всякий раз, как те будут добывать продовольствие. Итак, подстерегая воинов Дария, добывавших продовольствие, они исполняли принятое решение. Конница скифов всегда обращала в бегство конницу врага, а спасшиеся бегством всадники персов устремлялись к пехоте, и пехота приходила им на помощь. Скифы же, отбросив конницу, поворачивали назад, боясь пехоты. Подобные нападения скифы совершали и по ночам» (IV, 128).

А в другом месте Геродот рассказывает о том, к каким своеобразным хитростям прибегали скифы, для того чтобы дольше задерживать персов: «Всякий раз, когда скифы видели, что персы пришли в замешательство, то, для того чтобы они дольше оставались в Скифии, а оставаясь, мучились, лишённые всего необходимого, скифы поступали следующим образом: оставят часть своего

скота с пастухами, а сами, не спеша, отступят в другую область, персы же, придя, захватывают скот и, захватив, приободряются от совершенного» (IV, 130).

Как мы видим, персы постоянно добывали себе продовольствие в самой Скифии. Когда же скифы стали нападать на фуражиров, персы «мучились, лишенные всего необходимого». Следовательно, собственный запас провианта персидского войска был весьма небольшим и он иссяк еще задолго до печального конца похода. Еще до того, как скифы послали персам свои знаменитые дары. Геродот, рассказывая о том, как скифы специально подкармливали персов, продолжает: «Поскольку это много раз повторялось, Дарий, наконец, очутился в безвыходном положении, и цари скифов, узнав об этом, послали вестника, принесшего в дар Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел» (IV, 131). После эпизода с дарами войска готовились к главному сражению, которое не состоялось. Затем последовало позорное бегство Дария. К этим событиям мы еще, разумеется, вернемся. Здесь же важно подчеркнуть, что персидское войско вступило в Скифию с небольшим запасом продовольствия. Следовательно, и обоз его был не таким уж большим, как считает Е. В. Черненко, заключивший, что «эти данные не позволяют принять на веру данные Геродота о численности войск персов, вторгшихся в Скифию» [121, с. 20]. А коль так, то и по этому пункту нет никаких оснований сомневаться в том, что войско Дария насчитывало 700 тысяч воинов.

Прокормить 700-тысячное войско, большое количество лошадей, ослов, быков было, конечно, нелегко, особенно в условиях избранной скифами тактики выжженной войны, но все же реально. Одним из основных источников питания воинов был, надо полагать, скот. Какое-то количество животных персы гнали с собой из Фракии. Потом стали отбивать скот у скифов, когда те позволяли это делать. Этот вид провианта был удобен еще и тем, что не требовал повозок и передвигался сам. Кроме того, по мере расходования хлеба и другого провианта, который везли в обозе, пустели повозки; быки становились ненужными и тоже шли в пищу. В худшие дни оголодавшие персы, видимо, не брезговали и кониной.

4. Теперь о выводах Е. В. Черненко относительно численности флота. Во-первых, необходимо отметить, что исследователь пришел к следующему заключению: «Мост через Босфор строился на кораблях, но ни в коем

случае не на тех, которые использовались для строительства моста через Дунай. Об этом прямо свидетельствует Геродот, рассказывая, что перед началом похода на скифов Дарий „рассылал вестников с приказанием одним доставить сухопутное войско, другим — флот, третьим — построить мост через фракийский Боспор“. Кроме того, уже в то время, когда огромное разнородное сухопутное войско Дария еще переправлялось через мост на Боспоре, царь приказал „ионийцам плыть в Понт до реки Истра, а по прибытии к Истру ждать его там, навоя между тем мост“» [121, с. 58].

Иными словами, Е. В. Черненко считает, что у Дария было два флота. Один послужил для строительства моста через Боспор, а другой был направлен к дельте Истра, где строители возвели второй мост. И об этом якобы свидетельствует Геродот. Но в источнике ничего подобного и близко нет. Да, действительно, античный автор сообщает, что «когда Дарий занимался приготвлением к походу против скифов и рассылал гонцов с приказом одним доставить пешее войско, другим — корабли, третьим — строить мост через Боспор Фракийский» (IV, 83). Как следует понимать эти слова?

Сообщение Геродота совершенно ясное и однозначное. Дарий приказал: одним — привести пешее войско, другим — корабли, а третьим — построить мост через Боспор Фракийский, т. е. *соорудить сам мост с помощью кораблей, доставленных другими*. Всякое иное понимание текста — это стремление выдать желаемое за действительное и вычитать то, о чем Геродот не говорит.

Так же однозначно понимается и другой отрывок Геродота, на который ссылается Е. В. Черненко. Приведем этот текст полностью: «Дарий же, одарив Мандрокла, начал переправляться в Европу, приказав ионийцам плыть в Понт до реки Истр, когда же придут к Истру, ожидать его там, построив мост через реку, ибо флот вели ионийцы, эолийцы и геллеспонтийцы. И вот морской флот, пройдя мимо Кианей, поплыл к Истру. Поднявшись вверх по реке на расстояние двух дней плавания от моря, они начали строить мост у горла реки, с которого начинается разветвление устья Истра. Дарий же, переправившись по мосту через Боспор, двинулся через Фракию. Прибыв же к источникам реки Теара, он расположился лагерем на три дня» (IV, 89).

Здесь ход событий предельно ясен. Дарий перед тем, как лично переправиться в Европу, приказал морякам

после окончания переправы разобрать мост и плыть к Истру для возведения там другого моста. И моряки в точности выполнили этот приказ.

Таким образом, в рассматриваемых отрывках, как, впрочем, и в других местах сочинения Геродота, нет никаких конкретных указаний или намеков на то, что у Дария было два флота, один из которых обеспечил переправу через Боспор, а другой — через Истр. Из источника ясно следует, что оба моста были построены с помощью одних и тех же кораблей. И у нас нет абсолютно никаких оснований подвергать это сомнению.

А Е. В. Черненко, придя к изложенному заключению, противоречит другим своим рассуждениям. С одной стороны, он считает, что Геродот, указав 600 кораблей, явно преувеличил численность флота, и в качестве одного из аргументов отмечает, что «такого большого флота, пожалуй, не знает история древней Греции. В грандиозной битве при Саламине участвовало 358 судов греков, а в бою при Аргинусских островах — самой крупной битве Пелопонесской войны, — с обеих сторон принимали участие лишь 270 судов (150 афинских и 120 спартанских). Даже Афины во время своего наивысшего расцвета при Перикле с большим трудом могли выставить только 300 боевых судов» [121, с. 20].

А с другой стороны, исследователь полагает, что Дарий имел возможность собрать два флота: один — для строительства моста через Боспор Фракийский, а другой — через Истр.

Ведь если вслед за Е. В. Черненко согласиться с тем, что Геродот преувеличил численность флота, пусть даже вдвое, то, приняв его предположение о двух разных флотах, получим те же 600 кораблей.

Как мы видим, заключение Е. В. Черненко о том, что мост через Боспор и мост через Истр были построены с помощью разных кораблей, не только ни на чем не основано, но и вступает в противоречие с другими его рассуждениями относительно численности флота Дария. Это еще нагляднее показывает, что указанное заключение абсолютно неправомечно. У Дария был единственный флот, а не два разных. Это — во-первых.

Во-вторых, вывод Е. В. Черненко о том, что Геродот явно преувеличил численность флота Дария, не только ничем не обоснован, но и противоречит другим имеющимся данным.

Какие же аргументы выдвигает исследователь?

Первый аргумент сформулирован так: «Таким образом, численность экипажа флота из 600 судов, по самым минимальным подсчетам, достигала 100 тыс. человек, а это совершенно нереальные цифры» [121, с. 20]. Почему нереальные? И для чего нереальные? Не совсем понятно.

Второй аргумент заключается в следующем: «Следует также помнить, что из судов был построен и мост через Боспор, для чего их надо было иметь не меньше, чем для сооружения переправы через Дунай» [121, с. 20]. Этот аргумент, как я попытался показать на предыдущих страницах, можно снять. И мост через Боспор Фракийский, и мост через Истр были построены с помощью одних и тех же кораблей.

Третий аргумент я уже приводил: «Кроме того, такого большого флота, пожалуй, не знает история древней Греции...». Здесь не совсем понятно, какой именно большой флот имеется в виду: из 600 кораблей, как отмечает Геродот, или из 1200 кораблей, если следовать предыдущему аргументу относительно двух разных флотов. Если речь идет о 1200 кораблях, то этот довод отпадает, так как основан на предыдущем аргументе, который, как уже говорилось, снят.

Если же речь идет о 600 кораблях, то приведенный довод о том, что история древней Греции не знает такого большого флота, не убедителен. Ведь поход Дария на скифов — одно из наиболее грандиозных военных мероприятий. И завоеватель готовился к нему с большим размахом. Свой флот ему предоставили такие крупные морские центры, как Абидос, Лампсак, Парий, Проконнес, Кизик, Византий, Хиос, Самос, Фокея, Милет, Кимы, Херсонес Фракийский. Собрать 600 кораблей им было вполне под силу. Об их возможностях можно судить хотя бы по тому, что через некоторое время после скифо-персидской войны, в самом начале V в. до н. э. во время понийского восстания против персидского господства возле Милета состоялась морская битва, в которой, как сообщает тот же Геродот, Милет, например, выставил 80 кораблей, Хиос — 100, Самос — 60 (VI, 8). Сомневаться в достоверности этих цифр у нас нет никаких оснований. У Геродота не было причин завышать их. Если следовать логике относительно стремления «отца истории» подчеркнуть мужество и отвагу греков, то он должен был как раз, наоборот, уменьшить численность флота ионийцев. Но мы не можем сомневаться в добро-

совестности такого скрупулезного исследователя, как Геродот.

Таким образом, рассмотренные аргументы Е. В. Черненко не дают никаких оснований для вывода о том, что «все это не позволяет с полным доверием относиться к данным о численности флота Дария, сообщаемым Геродотом. Безусловно, они, как и сведения о численности войск персов, сильно преувеличены» [121, с. 20].

Кроме того, изложенный вывод Е. В. Черненко о гораздо меньшей численности персидского флота вступает в противоречие с другими данными. При меньшем количестве кораблей нельзя было бы построить мост через Истр.

Это видно из следующих сравнений. Для строительства моста через Геллеспонт в 1,2 км потребовалось, как сообщает Геродот, 674 корабля. Е. В. Черненко считает, что «подобным же образом строился мост через Дунай в во время похода Дария» [121, с. 62]. Ширина реки здесь равнялась, по приведенным исследователем данным, около 1000 м. Следовательно, для аналогичного моста через Истр необходимо было почти 600 кораблей. Эти расчеты показывают полную неправомочность попытки уменьшить численность персидского флота. Они же подтверждают данные Геродота о том, что флот Дария насчитывал 600 кораблей.

Итак, завершая рассмотрение вопроса о численности персидского войска и флота, следует подчеркнуть, что имеющиеся данные не только не противоречат, но и подтверждают данные Геродота. Войско Дария насчитывало 700 тысяч воинов. Флот состоял из 600 кораблей. Цифры, конечно, впечатляющие. Но сомневаться в их достоверности нет никаких оснований.

Теперь коснемся вопроса о том, почему Ктесий Клитский говорит о «800 000 войска», тогда как Геродот и другие источники указывают 700 тысяч. Прочитав еще раз эти сообщения и внимательно вчитаемся в каждое их слово. Геродот отмечает: «Войска, без морского флота, насчитывалось 700 000 вместе с конницей, кораблей же было собрано шестьсот». Помпей Трог пишет, что Дарий «вступил в Скифию с 700 000 вооруженных людей». Иордан сообщает, что Дарий выставил против скифов «войско из 700 тысяч вооруженных воинов». Ктесий же сформулировал свое сообщение так: «Собрав 800 000 войска и построив мосты на Боспоре и Истре, Дарий переправился в Скифию».

Как мне представляется, суть здесь в следующем. Геродот, Помпей Трог и Иордан определяют в 700 тысяч численность только сухопутного войска Дария. Геродот при этом добавляет, что было собрано кроме того 600 кораблей. А Ктесий указывает общую численность сухопутного и морского войска — 800 тысяч. Следовательно, морское войско насчитывало 100 тысяч человек. Напомню, что Е. В. Черненко провел соответствующие расчеты и получил ту же цифру. Такое совпадение, разумеется, не случайное. Оно показывает правильность этих расчетов Е. В. Черненко и наглядно подтверждает предлагаемое объяснение относительно расхождения между цифрами Ктесия и других источников. Расхождение это, как мы видим, кажущееся. Никакого противоречия между источниками нет. Все они сходятся в определении численности войска Дария, выступившего на завоевание Скифии.

Определить численность скифов, к сожалению, невозможно даже приблизительно. Ни Геродот, ни другие античные авторы не только ничего не сообщают об этом, но и не дают никаких отправных данных для более-менее достоверных подсчетов. Ясно только, что скифов было значительно меньше, чем персов.

Переправа Дария через Боспор Фракийский

Приняв решение о походе против скифов, Дарий начал готовиться к выступлению. Геродот рассказывает об этом совсем кратко. Речь идет уже о конкретных приготовлениях к выступлению: «Когда Дарий занимался приготовлением к походу против скифов и рассылал гонцов с приказом одним доставить пешее войско, другим — корабли, третьим — строить мост через Боспор Фракийский, Артабан, сын Гистаспа, брат Дария, решительно противился тому, чтобы тот совершил поход против скифов, напоминая о недоступности скифов. Но он все-таки не убедил Дария последовать полезным советам. Артабан умолк, а Дарий после того, как у него все было приготовлено, начал выводить войско из Суз» (IV, 83).

После этих сухих лаконичных сведений излагается очень своеобразный сюжет: «Тут один из персов — Ойобаз — упросил Дария, поскольку у него было три

сына и все готовились к походу, оставить ему одного. Тот же сказал, что оставит ему всех детей, так как он, будучи ему другом, просит немногого. И вот Ойобаз очень радовался, надеясь, что сыновья избавлены от похода. Дарий же приказывает тем, кто был поставлен для этого, убить всех сыновей Ойобаза. Они, убитые, были оставлены тут же, на месте» (IV, 84).

Этот сюжет, как полагают исследователи, выдуман самим Геродотом. Для чего же? Вероятнее всего, как мне кажется, чтобы показать, помимо жестокости Дария, большой размах подготовки к войне: идти в поход были обязаны все мужчины соответствующего возраста, без всякого исключения, даже сыновья тех, кого царь называл своим другом.

Как же развивались события дальше? Геродот сухо и кратко сообщает: «Дарий же, после того как выступил из Суз, прибыл в ту часть Калхедонской области, которая примыкает к Боспору и где был построен мост» (IV, 85). Эта короткая фраза означает длинный путь протяженностью примерно в 2500 км.

Можно представить себе, как в назначенный день персидское войско пышно и торжественно выступило из Суз. Роскошные одеяния царя и придворных, богатое убранство колесниц, дорогое, сверкающее золотом и серебром оружие, яркие боевые значки, различные украшения, венки... Вдохновляющие на подвиги речи, призывы, радостный рев толпы, всеобщее ликование... Великий царь идет завоевывать непокорных скифов...

Войско двигалось по знаменитой «царской дороге», которая связывала Сузы, летнюю резиденцию царя, с Сардами, бывшей столицей Лидии. Эта дорога была важнейшей, можно сказать, стратегической артерией Персидского государства. Прекрасно построенная, надежная и безопасная во всех отношениях, оборудованная стоянками и постоянными дворами, она была одной из лучших в мире почтовых дорог того времени. Днем и ночью, в любое время года, меняя на станциях лошадей, спешили по ней гонцы со срочными приказами и донесениями, радостными и трагическими известиями.

Эта дорога описана Геродотом в другом месте его «Истории», где рассказывается о карте мира Аристагора Милетского, вырезанной на медной доске. Вот как выглядел, по словам «отца истории» путь из Сард в Сузы: «На всем его протяжении есть царские стоянки и отличные постоянные дворы, и весь путь проходит по населен-

ной и безопасной стране. Двадцать таких стоянок расположено на пути через Лидию и Фригию на расстоянии $94 \frac{1}{2}$ парасангов.

Из Фригии путь ведет непосредственно к реке Галису (соврем. р. Кизыл-Ирмак.— М. А.), где есть горный проход, через ворота которого необходимо пройти для переправы через реку. У ворот прохода находится сторожевое укрепление с сильной охраной. За рекой следует Каппадокия, и по ней на расстоянии 104 парасангов до границы Киликии расположено 28 стоянок. На этой границе надо пройти через два прохода и миновать два сторожевых укрепления; на пути через Киликию — три стоянки на расстоянии $15 \frac{1}{2}$ парасангов. Границу Киликии и Армении образует судоходная река по имени Евфрат. В Армении находится 15 стоянок с заезжими домами и сторожевым укреплением на протяжении $56 \frac{1}{2}$ парасангов. Из этой Армении путь ведет в Матиену; здесь 34 стоянки на расстоянии 136 парасангов. По этой стране протекают четыре судоходные реки. Через все эти реки надо переправляться на судах. Первая река — Тигр, затем вторая и третья под одним названием Забат. Но это — разные реки, и начинаются они не в одной местности. Первая из упомянутых рек течет из Армении, а вторая — из Матиены. Четвертая же река называется Гинд. Ее Кир в свое время разделил на 360 каналов. Затем путь идет через эти проходы в страну Киссию, где на расстоянии $42 \frac{1}{2}$ парасангов находится 11 стоянок до р. Хоаспа, которая также судоходна. На ней лежит город Сузы. Всех этих стоянок от Сард до Суз 111 и столько же постоянных дворов.

Если этот царский путь правильно измерен парасангами и если 1 парасанг равен 30 стадиям (что так и есть на самом деле), то из Сард до царского дворца в Сузах (по имени Мемнония) 13 500 стадиев, так как путь составляет 450 парасангов. Если считать на каждый день по 150 стадиев, то на весь путь придется как раз 90 дней» (V, 52—53).

Войско Дария прошло по «царской дороге» почти весь указанный маршрут. Где-то, не доходя Лидии, персы свернули к Боспору Фракийскому и вышли к тому месту, где через пролив был построен понтонный мост. На этот путь ушло не менее трех месяцев.

Далее Геродот прибегает к интересному литературному приему. Для того чтобы описать Понт Эвксинский, он усаживает Дария на возвышенный мыс, откуда от-

крывается прекрасный вид на море. Сообщив, что царь прибыл к мосту, писатель продолжает: «Отсюда, взойдя на корабль, он поплыл к так называемым Кианеям, которые, как утверждают греки, прежде были блуждающими скалами. Сидя на мысу, он смотрел на Понт, который заслуживает внимания: ведь из всех морей оно по своей природе самое удивительное. Длина его 11 100 стадиев, ширина же в том месте, где оно шире всего, 3300 стадиев. Устье этого моря в ширину четыре стадия, длина же этого устья-пролива, названного Боспором, — на нем-то и был возведен мост — доходит до 120 стадиев. Боспор же простирается до Пропонтиды. А Пропонтида, имеющая в ширину 500 стадиев, в длину 1400, вливается в Геллеспонт, имеющий в самом узком месте семь стадиев в ширину, в длину же — 400. Геллеспонт же втекает в пучину моря, которое называется Эгейским» (IV, 85).

Черное море эллины называли Понтом Эвксинским, т. е. Гостеприимным морем или просто Понтом. А первое время они именовали его Понтом Аксинским, т. е. Негостеприимным морем. Страбон, например, отмечает, что во времена Гомера «это море было недоступно для плавания и называлось Аксинским из-за зимних бурь и дикости окрестных племен... Впоследствии, после основания ионянами городов на побережье, это море было названо Эвксинским» (VII, 3, 6).

Современные исследователи полагают, что название Понт Аксинский — это переосмысленное греками местное наименование, которое восходит к иранскому слову АКШАЙНА — темный, черный. Так ираноязычные скифы называли это море. И это название сохранилось до настоящего времени. А эллины вывели из него близкое по звучанию свое слово — АКСИН.

Важно подчеркнуть, что в произведениях античных авторов Черное море неоднократно называется Скифским Понтом. Это говорит о широкой известности скифов и их огромном влиянии на всем черноморском побережье.

Вернемся к описанию Геродотом Понта Эвксинского. «Отец истории» далее рассказывает о принципе своих измерений: «Измерены были они (стадии.— М. А.) следующим образом. Корабль проходит в течение долгого дня приблизительно 70 000 оргий, а в течение почти 60 000 оргий. Плавание же до Фасиса от устья моря (ведь Понт здесь длиннее всего) занимает девять дней

и восемь ночей. Это составляет 1 110 000 оргий, а из этих оргий получается 11 100 стадиев. Плавание из Синдики в Фемискиру на реке Фермодонте (в этом месте Понт шире всего) занимает три дня и две ночи. Это составляет 330 000 оргий, а стадиев — 3300. И этот Понт, и Боспор, и Геллеспонт были мной таким образом измерены и имеют, согласно сказанному, такую природу: к Понту примыкает и впадающее в него озеро немногим меньше его самого, которое называется Меотийским и Матерью Понта» (IV, 86).

Ознакомимся с этими данными ближе. Оргия — сотая часть стадия. Если считать, что здесь использован аттический стадий в 177,6 м, получим, что наибольшая длина Понта, по Геродоту, равна 1971 км, а наибольшая ширина — 586 км. В действительности эти расстояния значительно меньше. Наибольшая длина по параллели составляет 1130 км, а между указанными Геродотом пунктами (устье Понта — Фасис) — около 1000 км. А ширина моря от Сипдики (совр. Анапа) до р. Фермодонт (совр. р. Терма в Турции) составляет лишь около 400 км. Но это не самое широкое место Черного моря. Его наибольшая ширина по меридиану приходится на участок Очаков — Эрегли и равна 610 км. Таким образом, приходится признать, что Геродот неверно представлял себе конфигурацию этого бассейна и неточно определил его размеры, значительно увеличив их. Основная причина — в несовершенстве и приблизительности его принципа измерений с помощью дней и ночей и среднесуточной скорости корабля. Измерения таким способом не могут быть точными.

Затем Геродот вновь возвращается к событиям в устье Понта: «Дарий же, когда посмотрелся на Понт, поплыл назад к мосту, строителем которого был Мандрокл Самосец. А поглядев на Боспор, он поставил на берегу две стелы из белого камня, вырезав на одной ассирийские, а на другой греческие письмена, где перечислил все племена, которые он вел; а вел он все племена, над которыми властвовал. Войска, без морского флота, насчитывалось 700 000 вместе с конницей, кораблей же было собрано шестьсот. Впоследствии византийцы, увезя эти стелы в город, использовали их для алтаря Артемиды Ортосии, за исключением одного камня. Последний, заполненный ассирийскими письменами, был оставлен возле храма Диониса в Византии. Участок же Боспора, который Дарий соединил мостом, по моим предположе-

ниям, находится посредине между Византием и храмом при устье Боспора» (IV, 87).

Для строительства моста было выбрано самое узкое место пролива. Его ширина здесь равна 750 м. В этом районе сейчас возвышаются развалины средневековых крепостей Анадолю-Гиссары на азиатской стороне Босфора и Румели-Гиссары на европейском берегу. Этот участок был наиболее удобен как для строительства самого моста, так и для переправы. Закипела работа. И в короткий срок гениальный замысел великого строителя Мандрокла был претворен в жизнь. Понтонный мост — его детище — связал берега Азии и Европы. При этом следует принять во внимание, что течение из Понта здесь довольно сильное. Это требовало от Мандрокла больших знаний, смелой творческой мысли, точных расчетов. И зодчий прекрасно справился с такой сложной задачей. И был щедро вознагражден за свое величайшее творение.

Об этом Геродот сообщает следующее: «Дарий же после этого, придя в восторг от моста, одарил его строителя Мандрокла Самосца всем в десятикратном размере. Из этих наград Мандрокл посвятил начатки, написав картину, изображающую мост через Боспор на всем его протяжении и царя Дария, сидящего на возвышении, и войско его во время переправы. Нарисовав это, он посвятил картину в храм Геры, сделав следующую надпись: „Наведя мост через Боспор, изобилующий рыбой, Мандрокл посвятил Гере, как память о мосте, себе стяжав венец, самосцам же славу, выполнив по замыслу царя Дария“. Таков был памятник в честь сооружения моста» (IV, 88).

Сюжет, о котором идет речь, скорее всего, действительно имел место. Изображенная художником сцена вполне укладывается в общую ситуацию этого важного исторического момента: «муж самый лучший и самый прекрасный из всех людей — Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего материка» ведет свое доблестное войско покорять скифов. Конечно, в такой знаменательный час честолюбивый завоеватель должен важно воссесть на большом возвышении и с гордостью наблюдать за переправой своего огромного войска из Азии в Европу. Это подтверждают и сведения Дионисия Византийского, автора интереснейшего географического сочинения «Плывание по Боспору». При описании места переправы он отмечает: «Среди исторических памятников это место со-

храняет кресло, вырубленное в скале, ибо на нем, говорят, сидел Дарий как зритель и моста и перехода войска» (§ 57). Как мы видим, для царя даже было вырублено специальное кресло, наподобие трона. Где оно находилось, неизвестно. Время стерло в памяти местных жителей сведения об этом месте.

Покорение Фракии

После переправы через Боспор Фракийский Дарий двинулся со своим многочисленным войском через Фракию к устью Истра. Пройдя часть пути, он остановился лагерем на три дня у источников р. Теар (соврем. р. Семердере).

Это место было известно своими источниками, которые считались целебными. Поэтому Геродот специально посвящает им несколько строк: «Жители окрестных мест говорят, что Теар лучше всех рек приносит исцеление от любых болезней и, в частности, лечит струпья у людей и лошадей. Источников у него тридцать восемь, текут они из одной и той же скалы, и одни из них холодные, другие горячие. Дорога же к ним равная из Геррея, города около Перинфа, и из Аполлонии, города у Понта Эвксинского, и та и другая — два дня пути. Впадает этот Теар в реку Контадесд, Контадесд — в Аргиан, Аргиан — в Гебр, а тот — в море у города Эн» (IV, 90).

Древнегреческий город Аполлония, к которому дает привязку Геродот, существовал на берегу залива Бургас на месте современного болгарского города Созопол. Отсюда, надо полагать, был проложен удобный путь к источникам Теара. Река Контадесд, в которую впадает Теар, точной идентификации не поддается. Река Аргиан сохранила свое название до сих пор, правда, в несколько искаженном виде — Эргене. А Гебр — это современная р. Марица. Город Эн, основанный, как сообщает Геродот, (VII, 59) эолийцами, также сохранил свое название до наших дней. Это — современный город Энез.

Ознакомившись с достопримечательностями Теара, Дарий, как сообщает Геродот, пришел в восторг и приказал поставить здесь стелу с надписью: «Истоки реки Теара доставляют воду, самую лучшую и самую прекрасную из всех рек. И к ним, ведя войско на скифов,

прибыл муж самый лучший и самый прекрасный из всех людей — Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего материка» (IV, 91).

Эту плиту с надписью постигла интересная судьба. Она была найдена в кладке стены византийской крепости Теке Чифик возле современного селения Буннар-Хиссар, куда попала в результате вторичного использо- ния. Найденная через столько столетий бурных круговоротов истории, эта плита затерялась во время русско-турецкой войны 1829 г.

Чем же руководствовался Дарий, воздвигнув этот своеобразный памятник? Простым восторгом или какими-либо политическими соображениями? Известный болгарский исследователь И. Венедиков полагает, что указанная надпись была установлена именно у источников Теара по той причине, что это место было центром фракийских племен и его захват означал победу над ними. Это мнение представляется весьма интересным.

Остановка персидского войска у источников Теара, на мой взгляд, несомненно, связана с определенными военно-политическими событиями. К такому выводу приводят следующие соображения.

1. Источники Теара — центр фракийских племен — был выбран, разумеется, не случайно. Дарий явно стремился именно сюда. Об этом свидетельствует подробнейшее описание Геродотом этого места в сравнении с другими районами.

2. Дарий не просто сделал здесь остановку, а стал лагерем.

3. Войско простояло не один день, как при длительных походах обычно время от времени делают дневку, а целых три дня.

Для чего же это понадобилось Дарию? Что здесь могло произойти?

Ответ на эти вопросы дает, я думаю, приведенное Геродотом чуть ниже сообщение о том, что «фракийцы, владеющие Салмидессом и живущие выше городов Аполлонии и Месамбрии (называют же их скирмиады и нипсеи), сдались Дарию без боя» (IV, 93). Где и когда это произошло? Не для боя ли с ними стал Дарий лагерем на три дня у источников Теара? И не там ли они сдались ему без боя?

Ответить на эти вопросы совершенно однозначно нельзя. Но все же, на мой взгляд, здесь следует дать положительный ответ.

После сообщения о стоянке у источников Теара Геродот приводит не менее интересную информацию: «Дарий же, двинувшись отсюда, прибыл к другой реке, название которой Артеск; она течет через страну одрисов. Прибыв к этой реке, он сделал следующее. Обозначив участок земли, он приказал войску, чтобы каждый человек, проходя мимо, положил один камень на этот указанный участок. Когда же войско выполнило это, он увел его, оставив там большие груды камней» (IV, 92).

Река Артеск до сих пор не локализована. Одни исследователи считают, что это современная р. Тунджа, левый приток Марицы, другие отдают предпочтение р. Текедере, третьи — р. Камчия, четвертые — р. Арда и т. д. Этот вопрос тесно связан с локализацией племени одрисов и поэтому вызывает оживленные споры ученых.

Любопытному читателю, конечно, не терпится узнать, для чего же Дарий оставил возле этой реки огромные груды камней. Ученые и в этом вопросе не пришли к единому мнению. В. Али, например, считает, что набросанные груды камней показывали многочисленность персидского войска. Хр. Дапов видит здесь политическую демонстрацию, которую Дарий предпринял, для того чтобы утратить фракийские племена. А И. Венедиков предлагает более прозаическое объяснение. По его мнению, персидское войско просто расчищало себе дорогу в гористой местности.

Мне представляется, что Дарий хотел продемонстрировать многочисленность своего войска и этим утратить местные племена.

А в следующих строках Геродот сообщает уже о покорении этих племен: «Прежде чем прибыть к Истру, он первыми покоряет гетов, верящих в бессмертие. Ведь фракийцы, владеющие Салмидессом и живущие выше городов Аполлонии и Месамбрии (называют же их скирмиады и нисеи), сдались Дарию без боя; а геты, самые мужественные и справедливые из фракийцев, проявив неразумие, были сразу же поработаны» (IV, 93).

Как мы видим, в этой лаконичной информации не говорится о каких-либо военных действиях. Об этом можно только догадываться. Видимо, геты пытались оказать сопротивление, но не могли устоять перед столь многочисленным противником и были покорены персами.

На этом мы заканчиваем знакомство с фракийской частью похода Дария. От Боспора Фракийского до Истра персидское войско прошло около 700 км. Этот путь занял

«примерно месяц. Дарий легко покорил гето-фракийские племена и подошел к дельте Истра. Впереди, за рекой, была уже Скифия. Непокорная Скифия, которую он пришел завоевать. Легкость побед над гетами и фракийцами пьянила и без того вскруженную от успехов голову «царя персов и всего материка», «мужа самого лучшего и самого прекрасного из всех людей». Абсолютно уверенный в победе над скифами, Дарий стал готовиться к переправе через Истр.

Нашествие на землю скифскую

Итак, персидское войско ступило на скифскую землю. После того как все переправились, Дарий приказал разрушить мост через Истр. Но по совету Коя, одного из военачальников, он отменил свое решение. Этот эпизод очень важен для правильного понимания общих стратегических задач завоевателя. По Геродоту, у переправы произошло следующее: «Когда же Дарий и пешее войско, которое было с ним, прибыли к Истру, то, после того как все переправились, Дарий приказал ионийцам, разрушив мост, следовать за ним по суше — им и войску с кораблей. Когда же ионийцы готовились разрушать и делать то, что приказано, Кой, сын Эрксандра, стратег митиленцев, спросив прежде, угодно ли будет Дарию выслушать мнение того, кто желает его высказать, сказал следующее:

„О царь, ты собираешься совершить военный поход против страны, в которой не окажется никаких посевов и ни одного обитаемого города. Позволь мосту стоять неприкосновенным на этом месте, а стражами его оставь тех, кто его построил. И если, найдя скифов, мы совершим все согласно замыслу, то возвращение нам обеспечено. Если же мы и не сможем их найти, то, по крайней мере, возвращение для нас будет безопасным. Ведь я ничуть не боюсь, что мы будем побеждены скифами в битве. Я больше боюсь того, чтобы мы, не будучи в состоянии их найти, блуждая, не претерпели бы какой-нибудь беды. И может быть, кто-нибудь скажет, что я говорю это ради самого себя, чтобы остаться. Я же открыто высказываю мысль, которую считал для тебя, царь, наилучшей. Сам, однако, последую за тобой и не останусь“.

Дарий был очень доволен советом и отвечал ему такими словами: „Чужеземец лесбосец, когда я благополучно вернусь назад в мой дом, явись ко мне непременно, чтобы я отблагодарил тебя за добрый совет добрыми делами“.

Сказав это и завязав шестьдесят узлов на ремне, он, позвав для беседы понийских тиранов, говорил следующее: „Мужи ионяне! Препрежнее решение, высказанное отосительно моста, я отменяю. Вы же, взяв этот ремень, поступайте так. Как только увидите, что я отправился против скифов, то начиная с этого времени вы каждый день развязывайте по узлу. Если же в течение этого времени я не прибуду, а дни, отмеренные узлами, у вас придут к концу, отплывайте на свою родину. Но до этого времени, поскольку я переменял решение, охраняйте мост, проявляя все усердие ради его спасения и охраны. Поступая так, вы мне чрезвычайно угодите“. Сказав это, Дарий двинулся вперед» (IV, 97—98).

Какие выводы можно сделать отсюда? Как уже говорилось, этот эпизод наталкивает на мысль о том, что у Дария первоначально были иные планы: после покорения скифов двинуться дальше на завоевание Средней Азии.

Можно предполагать, что после переправы Дарий собрал на совет всех военачальников и поделился этими планами. После всестороннего обсуждения главным образом под впечатлением выступления Коя, от таких грандиозных стремлений пришлось отказаться. Геродот же в сжатом виде изложил только суть происшедшего, и поэтому его повествование выглядит схематичным и несколько трафаретным.

Возможно, по этой причине некоторые исследователи считают, что рассказ о Кое выдуман самим Геродотом. Но с этим никак нельзя согласиться. Кой представлен не каким-то безликим, малоизвестным советчиком, а одним из военачальников, стратегом митиленцев. И на этом он не исчезает из нашего поля зрения. Дарий после завершения похода не забыл о своем обещании отблагодарить Коя за столь мудрый совет и назначил его тираном, т. е. правителем города Митилена (слово тиран тогда еще не имело того зловещего значения, которое присуще ему в настоящее время). Вот что пишет об этом Геродот: «Едва перейдя Геллеспонт, Дарий тотчас же вспомнил о великой услуге, оказанной ему Гистиеем из Милета и о совете Коя из Митилены. Он велел им прибыть в Сарды и

предложил по их собственному выбору просить любой милости. Гистией, который был уже тираном Милета, не желал больше никакой тирании, но просил дать ему во владение местность Миркин в земле эдопян, где он хотел основать город. Так вот, Гистией выбрал эту землю. Кой же, который не был тираном, но простым гражданином, попросил царя сделать его тираном Митилены. Царь удовлетворил желание их обоих, и они отправились в места по своему выбору» (V, 11—12).

Кой упоминается еще дважды, уже в качестве тирана Митилены. Надо сказать, что правление городом закончилось для него плачевно. Во время ионийского восстания митиленцы захватили Коя, вывели его из города и побили камнями (V, 38). Видно, не заслужил правитель любви и уважения горожан. Для сравнения можно сказать, что жители города Кимы, например, своего тирана просто отпустили.

Так можно ли в свете всех этих данных считать Коя вымысленным лицом?!

Как мы видим, Дарий отказался от своего первоначального плана и решил ограничиться только завоеванием Скифии и вернуться обратно к истрийской переправе. Совершить это он рассчитывал в 60 дней. И громада персидского войска двинулась на скифов.

Рассказав об эпизоде у переправы, Геродот переходит к описанию Скифии, с которым мы уже познакомились ранее. Затем, указав размеры «скифского четырехугольника», он вновь возвращается к военным событиям.

Как же ведут себя скифы? Они, конечно, узнали о грядущей беде еще до того, как завоеватели ступили на их землю. И стали готовиться к отпору врагу. Но силы были слишком неравными. Персы превосходили их, видимо, в несколько раз. И скифы обратились за помощью к своим соседям. Вот что сообщает об этом Геродот: «Скифы, отдав себе отчет в том, что они одни не в состоянии отразить войско Дария в открытом бою, стали посылать гонцов к соседям. И вот их цари, собравшись вместе, начали совещаться, так как войско надвигалось огромное. Собрались же цари тавров и агафирсов, и невров, и андрофагов, и меланхленов, и гелонов, и будинов, и савроматов» (IV, 102). Так, надвигающаяся беда собрала правителей практически всех сопредельных племен и народов.

Перечислив собравшихся царей, Геродот как опытный литератор умело переходит к описанию названных пле-

мен, их нравов, обычаев, тех или иных особенностей. Затем он вновь возвращается к совещанию царей:

«Итак, послы скифов, прибыв к собравшимся вместе царям этих перечисленных племен, передали сообщение о том, что Перс, после того как на другом материке все ему покорилось, наведя мост в узком месте Воспора, переправился на этот материк; а переправившись и подчинив фракийцев, он наводит мост через реку Истр, желая и здесь все подчинить себе.

— Никким образом не оставайтесь в стороне и не допустите, чтобы мы погибли, но в полном согласии выйдем навстречу нападающему. А не сделаете вы этого? Оказавшись в стесненном положении, мы или покинем страну, или, оставаясь, заключим соглашение. Ибо что будет с нами, если вы не захотите нам помочь! Вам же от этого будет ничуть не легче: ведь Перс идет на нас ничуть не больше, чем на вас. А победив нас, он не удовольствуется этим и не оставит вас в покое. Приведем мы и серьезное доказательство этих слов. Ведь если бы Перс шел войной только на нас, желая отомстить за прежнее порабощение, то ему следовало бы идти против нашей страны, оставляя в покое всех остальных, и он ясно показал бы всем, что нападает на скифов, а не на других. Теперь же, как только он перешел на этот материк, он покоряет всех, кто бы ни попался ему на пути. Он держит под своей властью и остальных фракийцев, и в том числе ближайших к нам гетов» (IV, 118).

Вот с таким страстным и пламенным призывом обратились скифы к своим соседям. Их просьба о помощи, предложение сплотиться перед общей угрозой и совместными усилиями дать отпор наступающему завоевателю, выдвигаемые при этом аргументы должны были дойти до ума и сердца каждого, к кому они обращены. Но соседи восприняли этот призыв по-разному. Как же повели себя они в этот ответственный момент, когда решалась судьба не только скифов, но и многих других причерноморских народов?

По Геродоту, произошло следующее: «Когда скифы объявили это, цари, прибывшие от племен, стали советовать, и мнения их разошлись. Гелон, Будип и Савромат, будучи заодно, согласились помочь скифам; но Агафирс, Невр, Андрофаг и цари меланхленов и тавров отвечали скифам следующее: „Если бы вы, не причинив персам зла и не начав войну первыми, просили о том, о чем теперь просите, то нам было бы ясно, что вы гово-

рите справедливо, и мы, послушавшись вас, действовали бы заодно с вами. Но вы, вторгнувшись в их страну без нашего участия, господствовали над персами столько времени, сколько вам позволяло божество, и так как их теперь побуждает то же самое божество, они платят вам тем же. Мы же и тогда не причинили никакого зла этим мужам, и теперь не будем пытаться первыми причинить зло. Если, однако, он вторгнется и в нашу страну и положит начало несправедливости, тогда и мы не подчинимся; а пока мы этого не увидим, мы останемся у себя дома. Ведь мы думаем, что персы идут не на нас, а на тех, кто были виновниками несправедливости“» (IV, 119).

Ситуация складывалась трагическая. Агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены и тавры предали скифов, бросая их на произвол судьбы. Понять мотивы этого предательства нетрудно. Одна из главных причин — нежелание рисковать собственным спокойствием и благополучием. На тот момент они чувствовали себя в относительной безопасности. И собственнические интересы одержали верх.

Мало того, отказавшие в помощи цари даже не осуждали персов и не видели в их нашествии на скифов ничего несправедливого, а, скорее, наоборот, — оправдывали завоевателей. А свой предательский отказ помочь скифам защитить свою землю от врага объяснили тем, что не хотят «первыми причинить зло». Объяснение кощунственное, особенно если учесть, что для оправдания привлекаются события столетней давности!

Поведение агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров и содержание их ответа наталкивают на мысль о том, что дело здесь не обошлось без нажима персов. Откуда соседи скифов могли узнать, чем Дарий объясняет причины своего похода? И откуда у них заранее такая уверенность в собственной безопасности?

Здесь возможно такое объяснение. Дарий, по всей вероятности, постарался помешать объединению сил скифов и их соседей и разослал царям всех соседних со Скифией племен вестников с разъяснением, что он идет войной только на скифов и никого больше завоевывать не собирается.

И завоеватель добился раскола среди соседей скифов. Большинство из них отказалось помочь скифам. На помощь пришли только гелоны, будины и савроматы.

Но имеющихся сил все же было недостаточно для

того, чтобы немедленно дать отпор персам. И скифы избрали иную тактику. Дальнейший ход событий Геродот представляет так: «Когда скифы узнали о таком ответе, они решили ни в коем случае не давать открытого сражения, поскольку эти союзники к ним не присоединились, но, постепенно отходя и угоняя скот, засыпать колдбы и источники, мимо которых они будут проходить, истреблять растительность на земле, разделившись при этом надвое. И к одной из частей скифского населения, той, над которой царствовал Скопасис, присоединить савроматов. Им следовало, отступая вдоль озера Меотиды, заманивать врага к реке Танаис, если Перс повернет в этом направлении; если же Перс отступит, преследовать, нападая. Такова была у них одна часть населения царства; ей был предписан тот путь, о котором как раз и говорилось».

Две другие части населения царства — вторая, большая, которой управлял Идантирс, и третья, над которой царствовал Таксакис, слились воедино и к ним присоединились гелоны и будины. Держась впереди персов на расстоянии одного дня пути, они должны были уводить их, отходя и делая то, что было решено. И прежде всего они должны были заманить их к областям тех племен, которые отказались от союза с ними, чтобы втянуть их в войну: если они добровольно не вступили в войну против персов, то следовало втянуть их в войну против воли. После этого они должны были повернуть обратно в свою страну и напасть на врага, если такое решение будет принято на совещании» (IV, 120).

Избранная скифами тактика выжженной земли при сложившейся расстановке сил была наиболее правильной. Слишком неравны были силы. При таком большом численном превосходстве персов скифы не могли сразу же дать главное сражение. И они решили измотать врага, ослабить его боеготовность, подорвать боевой и моральный дух. А для этого нужно было отступать и заманивать противника в глубь страны, всячески осложняя его пребывание здесь.

Оправданным было и решение скифов действовать двумя самостоятельными частями войска. Для достижения поставленных задач кроме основной части войска была необходима еще одна часть — более мобильная и маневренная.

Скифы начали действовать согласно избранной тактике. Геродот пишет: «Приняв это решение, скифы стали

продвигаться навстречу войску Дария, выслав передовыми лучшими всадников. Оставив лишь то количество скота, которое было необходимо для пропитания, весь остальной скот они отправили вместе с повозками, в которых у них жили дети и все женщины, приказав все время продвигаться по направлению к северному ветру» (IV, 121).

Итак, передовой отряд скифской конницы, состоявший из лучших всадников, в основном, видимо, из молодежи, двинулся навстречу персам. Их огромное войско уже ползло широкой нескончаемой волной по скифской степи. Еще не видели бескрайние степные просторы, буйные травы, полноводные реки, густые дубравы такого нашествия людей. Размеренно шагала, глотая пыль, пехота, не спеша передвигалась конница, скрипели телеги, ржали лошади, ревели быки и ослы, кричали погонщики. Убегали с насиженных мест звери, улетали птицы. Тревожной была степь. Великая беда надвигалась.

Как же пролегал маршрут персов? Закончив переправу, они двинулись широкой полосой между современными пресными озерами Ялпуг и Кагул. Затем в районе нынешнего г. Болграда они перешли реку Ялпуг, которая при впадении в Дунай образует это довольно большое озеро. И где-то севернее Болграда, в трех днях пути от места переправы, их обнаружил передовой отряд скифов. Как же повели себя противники?

Геродот пишет: «Когда же передовые скифов обнаружили персов, отделенных тремя днями пути от Истра, то, обнаружив их, скифы, держась впереди на расстоянии одного дня пути, сразу же стали располагаться лагерями, уничтожая все, что растет на земле. А персы, как только обнаружили появление скифской конницы, немедленно пошли по следам непрерывно отступавших скифов. И затем персы (ведь они устремились в направлении одной из частей населения) начали преследование на восток и в направлении Танаиса. Когда же скифы переправились через реку Танаис, персы, переправившись вслед за ними, продолжали преследование до тех пор, пока, пройдя страну савроматов, они не достигли страны будипов» (IV, 122).

Со второй половины этого отрывка и начинаются многочисленные неясности в описании Геродотом дальнейших событий похода. Прежде чем заострить на них внимание и попытаться разобраться в этом тесном сплетении неясностей, расхождений и противоречий, необходимо,

конечно, в первую очередь ознакомиться с самим источником.

По Геродоту, последующие военные действия развивались так: «За то время, что персы шли через страну скифов и страну савроматов, они не имели возможности что-либо разорить, так как страна не была обжита; когда же они вторглись в страну будинов, то там, натолкнувшись на деревянную крепость (будины ушли и крепость была совершенно пуста), они ее сожгли. Сделав это, они шли все дальше вперед по следам до тех пор, пока, пройдя эту страну, не прибыли в пустыню. Эта пустыня не населена никакими людьми, расположена она выше страны будинов, а протяженность ее семь дней пути.

Выше этой пустыни живут тиссагеты, а из их земли берут начало четыре большие реки, протекающие через землю меотов; они впадают в озеро, именуемое Меотидой, им даны следующие имена: Лик, Оар, Танаис, Сиргис.

Когда Дарий дошел до пустыни, он, приостановив продвижение, расположил войско у реки Оар. Сделав это, он начал возводить восемь больших крепостей, отстоящих одна от другой на равном расстоянии приблизительно около шестидесяти стадиев, их развалины сохранились еще до моего времени.

В то время как он был занят этим, преследуемые им скифы, сделав круг по землям, расположенным выше, повернули назад в Скифию. Так как скифы совершенно исчезли и больше не показывались персам, Дарий оставил эти крепости недостроенными, а сам повернув, пошел на запад, полагая, что это все скифы и что они бегут на запад.

Ведя войско как можно быстрее, он, как только прибыл в Скифию, встретил две другие части населения скифов и, натолкнувшись, стал их преследовать; они же держались впереди него на один день пути. Так как Дарий неотступно их преследовал, скифы в соответствии с принятым решением отступали в землю тех племен, которые отвергли союз с ними, прежде всего на землю мелапхлепов. Когда же скифы и персы, вторгнувшись, привели их в смятение, скифы начали заманивать персов в область андрофагов; когда же и эти были приведены в смятение, скифы стали завлекать персов в Невриду. А когда и те пришли в смятение, скифы, ускользнув, пошли к агафирсам.

Видя, что соседи изгнаны скифами и приведены в смятение, агафирсы, прежде чем скифы к ним вторглись,

послав вестника, запретили скифам переступать их границы, заявляя, что если те попытаются вторгнуться, они прежде всего будут упорно сражаться с ними. Предупредив об этом, агафирсы выступили к границам с намерением задержать нападающих. Меланхлены же, андрофаги и невры, после того как персы вторглись к ним вместе со скифами, не вступили в борьбу и, позабыв про свои угрозы, в смятении бежали все время к северу, в пустыню. Скифы не стали вторгаться к агафирсам, которые им это запретили, и из страха Невриды стали заманивать персов в свою страну» (IV, 123—125).

В Скифии, продолжает «отец истории», персы продолжали преследовать скифов. Дальнейшие события мы подробно рассмотрим чуть ниже, а здесь их можно изложить в таком схематичном виде:

1. Дарий вступил в переговоры с Идантирсом.
2. Скифы прислали дары персам.
3. Оба войска приготовились к сражению, но битва не состоялась.
4. Дарий, бросив часть своего войска, поспешно бежал к Истру и переправился во Фракию.

Какие же здесь неясности, расхождения и противоречия?

Во-первых, персы не могли за столь короткий срок в 60 с лишним дней пройти такие огромные расстояния.

Восстановить их маршрут движения с необходимой точностью, к сожалению, невозможно: нет конкретных ориентиров. Но примерная схема маршрута ясна. Е. В. Черненко условно разделил описанный Геродотом путь персов на девять отрезков: 1) от Дуная до земель савроматов с переходом за Дон; 2) от земель савроматов до земель будинов; 3) от земель будинов до р. Оар; 4) от р. Оар до земель меланхленов; 5) от земель меланхленов до земель андрофагов; 6) от земель андрофагов до земель невров; 7) от земель невров к землям агафирсов; 8) от земель агафирсов — в Скифию; 9) от Скифии — к мосту через Дунай [121, с. 88—89].

Этот маршрут Е. В. Черненко наложил на четыре различные этногеографические карты Скифии, составленные Б. Н. Граковым, М. И. Артамоновым, А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской, Б. А. Рыбаковым. Поскольку эти карты отличаются одна от другой, то и протяженность пути в каждом случае будет иной. По карте Б. Н. Гракова получилось 3800 км, М. И. Артамонова —

3750 км, А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской — 5750 км, Б. А. Рыбакова — 4050 км [121, с. 89].

За указанные Геродотом 60 с небольшим дней абсолютно невозможно пройти описанный им маршрут даже самым кратким путем в 3750 км. Для этого необходимо более 100 дней только непрерывного хода со скоростью 36 км в день (200 стадиев). Но двигаться непрерывно войско, разумеется, не могло. И людям, и лошадям, быкам, ослам нужен был отдых. Обоз, снаряжение время от времени требовали ремонта. Поэтому через каждые 3—4 перехода персы были вынуждены останавливаться на дневки. На это ушло как минимум 25—30 дней. Кроме того, немало времени потребовали военные действия и связанные с ними события, а также другие мероприятия. Получается, что указанный путь в 3750 км столь огромное войско Дария могло пройти, сохраняя боеспособность, не менее чем за 4 месяца. Геродот же указывает лишь 2 месяца с небольшим. Это — во-первых.

Во-вторых, в противовес описанию Геродота имеются сведения других античных авторов, согласно которым поход Дария в Скифию не был таким продолжительным.

Страбон, например, описывая Северо-Западное Причерноморье, сообщает: «Между гетами и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время, как перешел за Истр для похода на скифов, был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; по он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад» (VII, 3, 14).

А Ктесий Книдский рассказывает: «Собрав 800 000 войска и построив мосты на Боспоре и Истре, Дарий переправился в Скифию, пройдя на 15 дней пути. Они послали друг другу луки; скифский лук оказался крепче. Поэтому Дарий обратился в бегство, перешел через мосты и поспешно разрушил их прежде, чем переправилось все войско. Оставленные в Европе 80 000 были перебиты Скифарбом» (§ 16).

Эти сообщения, как мы видим, существенно отличаются от описания Геродота.

Таковы два наиболее значительных противоречия в вопросе о походе Дария в Скифию: невозможность пройти описанный Геродотом путь за указанный срок и расхождения между данными Геродота, с одной стороны, и Страбона и Ктесия Книдского — с другой. Кроме этих противоречий, имеются еще и другие, более мелкие,

а также немало иных неясностей и расхождений. К некоторым из них мы еще вернемся.

Поэтому мнения исследователей относительно маршрута персидского войска разделились на две основные точки зрения. Одни из них считают описанный Геродотом маршрут в основном достоверным. Другие полагают, что персы продвинулись в глубь Скифии совсем незначительно. Кроме того, высказывались и иные мнения.

Несколько особняком стоит мнение Д. С. Раевского, считающего, что эпическое описание Геродота построено по заранее заданной модели: «Рассматривая с этой точки зрения интересующее нас скифское предание о войне с Дарием, мы видим, что оно может быть интерпретировано как хранящее информацию самого различного характера: это и этнографическая карта Скифии и соседних с ней земель; и данные о традиционных взаимоотношениях с соседними народами; и принятые нормы социального поведения, организации войска, ведения войны; и представление о достойном царе-военачальнике, и проанализированные выше символические коды, присущие скифской культуре. Это эпическое повествование — хранилище не столько исторической памяти о конкретном событии в его неповторимом своеобразии, сколько памяти социокультурной, обеспечивающей будущим поколениям возможность адекватного принятым нормам поведения в определенных типовых ситуациях. Рассказ об этом событии — по сути, лишь повод для передачи такой информации, и здесь допустимо достаточно вольное обращение с реальностью, ее подчинение принятым моделям. Соответственно реконструкция на его основе реального хода военных действий — задача практически неосуществимая; исторически достоверными здесь могут оказаться лишь данные самого общего порядка» [87, с. 70–71].

Но с такой оценкой скифского рассказа Геродота согласиться никак нельзя. Геродот — конкретный автор и, как правило, строго придерживается имеющихся фактов и другой полученной информации, которую передает, даже если не вполне верит во все излагаемое. В этой связи весьма показательно, как «отец истории» сформулировал поставленную перед собой задачу. Вчитаемся еще раз в эти строки, которыми античный автор пачинает свой труд: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в без-

вестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» (1). Можно ли после этого говорить, что «здесь допустимо достаточно вольное обращение с реальностью, ее подчинение принятым моделям»? Думается, нельзя.

Некоторые сведения Геродота относительно маршрута Дария в Скифию действительно очень запутаны и не согласуются с современной географической картой. Но это объясняется, как я постараюсь показать ниже, другими причинами. Но перед этим познакомимся вкратце с некоторыми конкретными оценками этого маршрута.

М. И. Артамонов, например, пришел к такому заключению: «Описывая путь Дария, Геродот излагает имевшиеся в его время сведения о Восточной Европе и ее населении, в чем и заключается огромная ценность этой части его сочинения. Однако маршрут Дария, как он изображен в легенде, совершенно невероятен. Войско Дария в назначенный срок не могло пройти на северо-восток до Волги, а затем, повернув на запад, вдоль всей лесостепной полосы, дойти до Западной Украины и только после этого добраться до построенного по приказу Дария моста через Дунай. На самом деле, как свидетельствует Страбон, Дарий, перейдя Дунай и углубившись в Буджакскую степь, подвергся опасности погибнуть со своим войском от жажды и, не дойдя даже до Ольвии — греческой колонии в устье Южного Буга, поспешил вернуться обратно» [7, с. 77].

Диаметрально противоположна точка зрения Б. А. Рыбакова: «Страбон, писавший 506 лет спустя после похода Дария, не может, разумеется, считаться падежным источником. Он, очевидно, читал у Геродота о битве Дария со скифами в трех днях пути от Истра (т. е. между Истром и Тирасом) и о том, что после двухмесячного похода, убегая от скифов, Дарий шел к Истру по земле, где скифы заранее засыпали все источники (Геродот, IV, § 122, 140), но этим и ограничил весь поход. Принимать в расчет небрежное припоминание Страбона не следует, а тем более не следует па основе его слов отрицать поход персов в глубь Скифии» [95, с. 171].

Далее Б. А. Рыбаков проанализировал описанный Геродотом маршрут и подытожил: «Как видим, анализ географии похода 512 г. подтвердил целый ряд положений, высказанных ранее. Кроме того, следует сказать, что этот анализ выявил и, смею думать, обосновал достоверность всех основных записей Геродота: срок похода, постро-

ка оборонительного района, объем театра военных действий» [95, с. 183].

Как мы видим, один ученый полностью отвергает сведения Геродота и доверяет Страбону, а другой — наоборот, считает Страбона ненадежным источником и не сомневается в достоверности данных Геродота.

Иную, можно сказать, срединную позицию занял Б. Н. Граков. Он не стал обвинять одного античного автора и защищать другого, а попытался согласовать их сведения и устранить имеющиеся противоречия: «Этот рассказ изобилует различными подробностями, с которыми познакомиться отошлем читателя к переводу Геродота. Менее чем за сто лет, прошедших от вторжения Дария до Геродота, события обросли множеством деталей и успели исказиться. Как далеко зашли персы на самом деле, неясно. Но в рассказах много живых подробностей и весь бытовой фон соблюден точно. Здесь перед нами отрывок зарождения одной из глав скифского эпоса, переданного через уста греков и уснащенного ими новыми подробностями. В конце концов Дарий вернулся в так называемую гетскую пустыню между Прутом и Днестром, где попал в ловушку, чуть не погиб с войском от тяжелых климатических условий и вынужден был отступить. Так передает Страбон. На эту краткую основу вскоре после похода наслоились подробности, и размах вторжения был увеличен народной фантазией, охотно приписавшей развалины каких-то стен близ Танаиса Дарию, как подмосковные крестьяне называют еще иной раз и теперь тысячулетние курганы вятичей „французскими могилками“ в память похода Наполеона, а казахи курганы бронзового и железного века „калмык оба“, т. е. калмыцкими» [22, с. 29].

В копейном счете Б. Н. Граков полагает, что персы продвинулись в Скифию на довольно значительное расстояние, хотя и не так далеко, как передает Геродот.

Мы ознакомились лишь с наиболее характерными мнениями исследователей. Каждая из этих точек зрения имеет своих многочисленных сторонников и противников, которые приводят при этом самые различные аргументы. Весь этот калейдоскоп доказательств состоит из всевозможных «за» и «против», зачастую противоречивых, запутанных, малоубедительных, необоснованных или просто искусственных. Но высказанные учеными выводы не объясняют всех противоречий, неясностей и расхождений как в сведениях Геродота, так и между ними и данными дру-

гих древних авторов. Не спасают положения и различные предположения и допущения, к которым прибегают исследователи. Эти гипотезы большей частью искусственны и изначально требуют предположения, что в источниках имеется ошибочная информация.

Как же тут быть? Обратимся к сведениям Геродота детальнее. Здесь бросаются в глаза следующие любопытные обстоятельства.

Во-первых, отсутствуют какие-либо сообщения о переправах через такие крупные реки, как Тирас, Гипанис и Борисфен. Геродот «переносит» персов от Истра сразу к Танаису.

Во-вторых, абсолютно нелогично поведение скифских соседей. Агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены и тавры, земли которых были легко досягаемы для перешедших Истр персов, отказались объединиться против *реальной* опасности. А гелоны, будины и савроматы, владения которых лежали далеко от Истра, охотно вступили в союз со скифами, хотя угроза с этой стороны была для них гораздо меньшей.

В-третьих, разработанный план, по которому войску Скопасиса с савроматами «следовало, отступая вдоль озера Меотиды, заманивать врага к реке Танаис, если Перс повернет в этом направлении; если же Перс отступит, преследовать, нападая» (IV, 120), предполагает, что противник должен находиться вблизи Меотиды. Планировать такие действия по отношению к врагу, который находится у далекого Истра,— по меньшей мере несерьезно.

В-четвертых, сообщение о том, что двинувшиеся от Истра персы «начали преследование на восток и в направлении Танаиса» (IV, 122; курсив мой.— М. А.) лишено всякого ориентировочного смысла. Единственным реальным ориентиром в этом районе может быть только река Тирас. Поэтому некоторые исследователи предлагали вместо «Танаис» читать «Тирас». Но для этого у нас нет никаких объективных оснований. Ведь таким образом можно предложить любое исправление текста. Дело здесь, видимо, в другом.

В-пятых, всесторонний анализ описания военных действий показывает, что стратегия и тактика скифов в пританаисских районах объяснимы и понятны лишь в том случае, когда завоеватели пришли не с запада, от Истра, а с востока, со стороны Кавказа.

Эти и другие обстоятельства наталкивают на мысль о том, что Геродот слил воедино сведения о двух разных

походах персов против скифов. Оди́н поход был соверше́н под командованием Дария́ через Фраки́ю и Истр. А друго́е вторжение, менее известное, персы предприняли со стороны Кавказа; с ним и связаны основные пританаисские события.

Если согласиться с этим предположением, то становятся понятными только что изложенные обстоятельства по всем пяти пунктам, а также многие другие моменты.

Все это устраняет целый ряд серьезных противоречий в вопросе о походе Дария на скифов, главные из которых: 1) невозможность пройти описанный Геродотом путь персов за указанные 60 с лишним дней; 2) расхождения относительно протяженности похода между данными Геродота, с одной стороны, и Страбона и Ктесия Книдского — с другой.

Предположение о двух разных походах было выдвинуто более 60 лет назад Ф. Хадсоном и совсем недавно поддержано И. В. Куклиной [53, с. 139—142].

Эта гипотеза, разумеется, требует дальнейшего изучения. Но уже сегодня она представляется достаточно убедительной.

Как же теперь можно представить маршрут Дария? Думаю, важным ориентиром здесь должно быть сообщение Ктесия Книдского о том, что «Дарий переправился в Скифию, пройдя на 15 дней пути». Следует подчеркнуть, что «15 дней пути» — это расстояние, которое прошли персы в глубь Скифии. Времени же на этот путь ушло гораздо больше, чем 15 дней. Ведь войско, как уже говорилось, периодически нуждалось в отдыхе. Много времени забирала и события, связанные с военными действиями. Поэтому продвижение персов в Скифию на 15 дней пути и возвращение к переправе на Истре вполне могло занять 60 с лишним дней. Никакого противоречия здесь со сведениями Геродота нет.

Не возникает здесь противоречия и с сообщением Страбона. Для согласования этих сведений даже нет необходимости предполагать вслед за Б. Н. Граковым, что Страбон, рассказывая, как Дарий в Гетской пустыне «был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад», описывает не начало похода, а уже возвращение персов к переправе. Ведь географ не указывает точного места, откуда Дарий повернул обратно. А в пределах Гетской пустыни вполне может уместиться отмеченный Ктесием 15-дневный маршрут.

Где же пролегал этот маршрут? Точный ответ дать пока невозможно. Ясно, что в трех днях пути от Истра, где-то в районе современного г. Болграда передовые отряды скифов обнаружили персов и стали заманивать в глубь страны.

Расстояние в 15 дней пути — это примерно 540 км. Такое расстояние уместается в пределах нижнего и среднего течения Тираса. Вполне вероятно, что скифы не дали Дарию даже переправиться через Тирас.

А в засушливой безводной приднестровской степи огромное персидское войско попало в тяжелейшее положение. Небольшие, пересыхающие летом степные речушки не могли напоить столько людей и животных. Иссякали запасы продовольствия и провианта. А скифы все избегали открытого сражения.

Дальнейший ход событий, вероятно, можно осветить с помощью Геродота. «Отец истории» пишет: «Так как такое положение длилось долго и не прекращалось, то Дарий, послав всадника к царю скифов Идантирсу, передал следующее: „Странный человек, что ты все время убегаешь, хотя у тебя есть возможность сделать одно из двух? Ведь если ты считаешь, что ты сам способен противостоять моему могуществу, тебе следует, остановившись и прекратив блуждания, сражаться; если же ты сознаешь, что ты слабее, то и тогда, прекратив бегство и неся своему владыке в дар землю и воду, приди для переговоров“» (IV, 126).

Как же восприняли скифы такой ультиматум? Геродот рассказывает: «На это царь скифов Идантирс сказал следующее: „Мои дела, о Перс, обстоят таким образом: я и прежде не бегал в страхе ни от кого из людей и теперь от тебя не бегу; и я не делаю теперь ничего нового сравнительно с тем, что привык делать в мирное время.

Объясню и то, почему я не вступаю с тобой немедленно в сражение. У нас нет ни городов, ни возделанной земли, и боязнь, что они будут захвачены и разорены, не заставляет нас скорее вступать с вами в сражение. Если же тебе нужно во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть отчие могилы. Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем. Но прежде, если у нас к тому не будет основания, мы с тобой в сражение не вступим.

Относительно битвы сказано достаточно. Владыки же своими я считаю только Зевса, моего предка,

и Гестию, царицу скифов. А вместо даров земли и воды я пошлю тебе такие дары, которые тебе подобает получить; а за то, что ты объявил себя моим владыкой, тебе придется плакать". Таков ответ скифов» (IV, 127).

Ответ, как мы видим, достойный. Он как нельзя ярче характеризует свободолюбивых и независимых скифов, истинных сыновей необъятных степных просторов.

Как же разворачивались события дальше? Геродот сообщает нам следующее: «Вестник удалился, чтобы сообщить это Дарию, а цари скифов, услышав упоминание о рабстве, преисполнились гнева.

Они посылают соединившуюся с савроматами часть, которой управлял Скопасис, с приказанием вступить в переговоры с ионийцами, которые охраняли мост через Истр. А те из скифов, которые оставались на месте, решили больше не водить персов из стороны в сторону, но нападать на них всякий раз, как те будут добывать продовольствие. Итак, подстерегая воинов Дария, добывавших продовольствие, они исполняли принятое решение.

Конница скифов всегда обращала в бегство конницу врага, а спасшиеся бегством всадники персов устремлялись к пехоте, и пехота приходила им на помощь. Скифы же, отбросив конницу, поворачивали назад, боясь пехоты. Подобные нападения скифы совершали и по ночам» (IV, 128).

Итак, период пассивного отступления скифов закончился. Кончилось и торжественное шествие завоевателей по скифской земле. Война перешла в новую стадию. Скифы стали активно изматывать противника.

А положение персов становилось все хуже и хуже. Боевой дух воинов падал. От былого победного рвения не осталось и следа. Скифам приходилось даже время от времени подкармливать их. Вот что пишет об этом «отец истории»: «Всякий раз, когда скифы видели, что персы пришли в замешательство, то, для того чтобы они дольше оставались в Скифии, а оставаясь, мучились, лишены всего необходимого, скифы поступали следующим образом: оставят часть своего скота с пастухами, а сами, не спеша, отступят в другую область, персы же, придя, захватывают скот и, захватив, приободряются от совершенного» (IV, 130).

С помощью таких хитростей скифы усугубили положение персов еще больше. И тогда они послали Дарию свои знаменитые дары. По Геродоту, все произошло так: «Поскольку это много раз повторялось, Дарий, наконец,

очутился в безвыходном положении, и цари скифов, узнав об этом, послали вестника, принесшего в дар Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел.

Персы спрашивали принесшего дары о значении подарков. Он сказал, что ему было приказано только, отдав дары, как можно скорее удалиться. Он предложил, чтобы персы, если они мудры, сами поняли, что означают эти дары. Услышав это, персы стали совещаться» (IV, 131).

Принесенные дары, конечно, озадачили персов. И они не сразу поняли, что означают эти подарки. Геродот передает нам высказанные предположения: «Дарий высказал мнение, что скифы отдают ему и самих себя, и землю, и воду. Он предположил это на том основании, что мышь живет в земле, питаясь теми же злаками, что и человек, лягушка — в воде, птица более всего походит на лошадь; стрелы же означают, что скифы отдают свою военную мощь».

Вот такое мнение было высказано Дарием. Противоположным было мнение Гобрия — одного из его сподвижников. Он предположил, что эти дары означают: «Если только вы, персы, не улетите в небо, обратившись в птиц, не укроетесь в земле, став мышами, или не прыгнете в болото, обратившись в лягушек, вы не вернетесь назад, пораженные этими стрелами» (IV, 132).

Мнения, как мы видим, крайне противоположные. Однако дальнейший ход показал, какое из них оказалось правильным.

А скифы, приняв дары, не теряли зря время и перешли к самым активным действиям. Что же предприняли они? Из рассказа Геродота мы узнаем следующее: «Между тем одна часть скифов, прежде получившая приказание вести охрану около озера Меотиды, а теперь идти к Истру для переговоров с ионийцами, прибыв к мосту, объявила следующее: „Мужи ионийцы, мы несем вам свободу, если только вы захотите послушаться. Мы знаем, что Дарий приказал вам охранять мост только шестьдесят дней, а если он в течение этого времени не явится, удалиться в свое отечество. Теперь же вы не будете виновны ни перед ним, ни перед нами, поступив следующим образом: оставайте установленное число дней, а после этого удалитесь“.

Когда ионийцы согласились так поступить, скифы немедленно поспешили назад» (IV, 133).

События в Скифии близились к развязке. Окончатель-

по измотав завоевателей, скифы решили дать открытый бой. И что же произошло дальше? Предоставим опять слово нашему главному рассказчику — Геродоту. Он сообщает: «После того как дары были доставлены Дарию, оставшиеся на месте скифы выстроились в пешем и конном строю против персов, чтобы вступить с ними в бой. К скифам, стоявшим в боевом порядке, внутрь строя забежал заяц, и каждый, кто видел зайца, устремлялся за ним. Когда же скифы стали шуметь и кричать, Дарий спросил, что за шум у неприятеля. Узнав, что они преследуют зайца, он сказал, обращаясь к тем, с кем имел обыкновение говорить и в других случаях: „Эти мужи опоятся к нам с большим презрением, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно сказал о скифских дарах. Поскольку и мне самому теперь уже кажется, что дело обстоит именно таким образом, необходимо хорошо подумать, чтобы наше возвращение назад было безопасным“.

На это Гобрий сказал: „О царь, я и на основании молвы был почти убежден в недоступности этих людей, придя же сюда, убедился в этом еще больше, видя, как они издеваются над нами. Теперь же, мне кажется, как только наступит ночь, мы должны развести костры, как мы это обычно делаем и в другое время, обманом оставить на месте тех воинов, которые совершенно неспособны переносить трудности, привязать всех ослов и уйти, прежде чем скифы направятся к Истру, чтобы разрушить мост, или ионийцы примут какое-нибудь такое решение, которое может нас погубить“. Такой совет дал Гобрий» (IV, 134).

Главное сражение между скифами и персами, как мы видим, не состоялось. Скифы и здесь, перед самым боем показали свое презрение к многочисленному противнику.

Интересен эпизод с зайцем. Конечно же, такой случай вряд ли мог иметь место в действительности. Для чего введена в сюжет эта сцена? Д. С. Раевский видит [87, с. 63, 64] здесь отражение скифских верований в магическую силу охоты на зайца: принесение его в жертву обеспечивало плодородие, приносило благополучие. Поэтому уже готовые сразиться с персами скифы кинулись за зайцем.

Вернемся, однако, к Дарию. После того как скифы отнесли к ним с таким презрением, он понял истинный смысл даров и совсем упал духом. Его грандиозные планы завоевания Скифии рушились, можно сказать, прямо

па глазах. И он, «муж самый лучший и самый прекрасный из всех людей — Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего материка», бессилен что-либо изменить. Как же тут быть?!

Отступление персидского войска

После несостоявшегося сражения Дарий понял, что это — конец. Покорить скифов не удалось. Боеспособность войска и боевой дух упали окончательно. Пока не поздно, нужно бежать из этой проклятой Скифии.

Как же разворачивались события после беседы с Гобрием? Геродот так рассказывает об этом: «Ночью Дарий приступил к исполнению своего замысла. Самых изнуренных и менее нужных людей, а также привязанных ослов он оставил в лагере под предлогом, что сам „с отборной частью войска намеревается напасть на скифов, они же в это время будут охранять лагерь“» (IV, 135). Под покровом ночи персы поспешили к Истру. А в лагере горели костры, ревели животные. И скифы полагали, что все персидское войско находится на месте.

Хитрость удалась. Коварно предав часть своего войска, Дарий под покровом ночи незаметно для скифов начал отступление. Так персы сумели оторваться от преследователей.

Далее Геродот сообщает: «С наступлением дня оставленные, поняв, что они преданы Дарием, простирая к скифам руки, рассказали о случившемся. Когда же скифы это услышали, то, поспешно собравшись вместе, — это были и две части войска скифов и та часть, которая действовала вместе с савроматами, а также будины и гелоны — устремились за персами прямо к Истру. Так как персидское войско было в большинстве своем пешим, и путь ему не был известен, потому что не было проложенных дорог, скифское же войско было конным, и ему были известны кратчайшие пути, то они разминулись друг с другом, и скифы, прибыв к месту, namного опередили персов. Узнав, что персы еще не прибыли, они сказали ионийцам, находившимся на кораблях: „Мужи ионийцы, назначенное вам число дней истекло, и, оставаясь дольше, вы поступаете неправильно. Но поскольку раньше вы оставались из страха, то теперь, разрушив переправу, немедленно уходите, радуйтесь тому, что вы —

свободны, и испытывая благодарность к богам и скифам. А того, кто прежде был вашим повелителем, мы приведем в такое состояние, что он ни на кого уже не пойдет войной"» (IV, 136).

Над персидским войском нависла угроза полного уничтожения. Лишившись переправы, оно было бы обречено на неминуемую гибель. Судьба персов была в руках понийских моряков. Как же они повели себя? Геродот описывает этот важнейший момент так:

«По этому поводу ионийцы стали держать совет. Афинянин Мильтиад, полководец и тиран херсонесцев, тех, что на Геллеспонте, предложил послушаться скифов и попытаться освободить Ионию. Предложение милетянина Гистизя было противоположным этому. Он говорил, что теперь благодаря Дарию каждый из них является тираном города; если же власть Дария будет низвергнута, ни сам он не сможет управлять милетянами и никто другой не сможет управлять кем бы то ни было; ведь каждый город демократическое правление пожелает иметь гораздо охотнее, чем тираническое. Когда Гистизей высказал такое мнение, все немедленно одобрили это мнение, хотя прежде соглашались с Мильтиадом» (IV, 137).

Эти события описаны опять-таки весьма схематично. Совет греческих тиранов проходил, конечно, более бурно. Афинянин Мильтиад, наверное, был неплохим оратором и произнес яркую, зажигательную речь с призывом освободить Ионию от персидского господства. И все присутствующие эллины в едином общепатриотическом порыве дружно поддержали его. Но это был первый порыв. Когда страстные призывы утихли, слово взял Гистизей. Спокойно, трезво и рассудительно он заговорил о том, чем все это обернется лично для них, тиранов. И ударил в самое больное место властолюбивых правителей, сыграл на их боязни потерять власть. Расчет был правильным, и удар достиг цели. Личные интересы тиранов одержали верх над их патриотическим желанием видеть Ионию свободной. Тогда они резко изменили свое мнение и проголосовали за предложение Гистизя сохранить мост.

Но принять решение — это только полдела. Как сохранить переправу, когда на берегу стоит сильное скифское войско и требует разрушить ее? И эллины, как рассказывает далее Геродот, пошли на коварный обман: «После того как они одобрили предложение Гистизя, имп, кроме того, было принято решение на деле и на словах поступить следующим образом: разрушить ту часть моста, ко-

торая прилежала к скифской стороне, разрушить же на расстоянии полета стрелы, чтобы казалось, что они что-то делают, не делая в действительности ничего, и чтобы скифы не пытались силой перейти по мосту; при разрушении той части моста, которая прилежала к Скифии, было решено сказать, что они сделают все, что угодно скифам.

Вот это они добавили к предложению Гистизя, а затем Гистизя ответил от имени всех, сказав следующее: „Мужи скифы, вы являетесь к нам с полезным советом и подоспели вовремя. И от вас мы получили полезные указания, и мы оказываем вам подобающую услугу. Ибо, как вы видите, мы разрушаем переправу и проявим всяческое усердие, стремясь быть свободными. В то время как мы ее разрушаем, для вас самое время разыскивать их и, найдя, отомстить им и за нас и за самих себя так, как они того заслуживают“» (IV, 139).

И этот обман удался. Доверчивые скифы вновь поверили эллинам, которые по сути уже обманули их один раз. Ведь после первых переговоров они согласились разрушить переправу по истечении установленных Дарием шестидесяти дней. И не сдержали свое слово. Скифы, как мы видим, застали мост нетронутым. Они поверили эллинам, что те оставались сверх положенного срока из страха, и решительно потребовали тут же разрушить переправу. Убедившись, что моряки начали разводить корабли, скифы, не ожидая подлого обмана, поспешили обратно, навстречу Дарию. Они хотели перехватить персов в открытой степи, подальше от Истра. Там было легче завязать бой, окончательно измотать противника и уничтожить его.

События разворачивались очень стремительно. Что же происходило дальше? Геродот сообщает следующее: «Скифы, снова поверив тому, что ионийцы говорят правду, повернули на поиски персов, но они ошибались относительно всего пути их передвижения. Виноваты в этом были сами скифы, которые уничтожили в этом краю пастбища для лошадей и засыпали водоемы. Если бы они этого не сделали, то у них была бы возможность при желании без труда отыскать персов; а ныне они потерпели неудачу именно из-за того, что, по их мнению, было задумано наилучшим образом. Скифы искали противника, пройдя насквозь ту часть своей страны, в которой были корм для лошадей и вода, полагая, что и персы будут уходить именно через эти края. Но персы шли, держась

своих прежних следов, и даже при этом с трудом отыскали переправу. Когда они пришли, была ночь, и, обнаружив, что мост разрушен, они впали в полное отчаяние, испугавшись, не покинули ли их ионийцы.

В свите Дария был муж египтянин, обладавший самым громким среди людей голосом. Этому-то мужу Дарий приказал, став на берегу Истра, звать Гистиэя милетяпина. Он это и делал, а Гистиэй, услышав, по первому же зову предоставил все корабли для переправы войска и навел мост.

Персы, следовательно, ускользают вот таким образом, скифы же во время почсков и во второй раз разминулись с персами. Что до ионийцев, то, с одной стороны, их, как свободных людей, скифы обвиняют в том, что они самые подлые и трусливые из всех людей, с другой стороны, скифы утверждают, что если судить об ионийцах, как о рабах, то это невольники, любящие своего господина и ни в малейшей степени не склонные к бегству от него. Вот такое обвинение брошено скифами ионийцам» (IV, 140—142).

Так Дарий спасся от полного разгрома. Своим спасением персы были обязаны главным образом Гистиэю. Хорошо сказал об этом, как передает Геродот, брат Дария Артабан. Много лет спустя, уже после смерти Дария его сын Ксеркс, заняв престол отца, задумал построить мост через Геллеспонт и идти войной на Элладу. И Артабан, отговаривая царя, приходившегося ему племянником, от этого, произнес такую речь: «О царь! Я не советовал твоему родителю, моему брату, Дарию идти походом на скифов, людей, у которых вовсе нет городов. А он меня не послушал в надежде покорить скифов, которые все-таки были кочевниками, и выступил в поход. Однако ему пришлось возвратиться назад, потеряв много храбрых воинов из своего войска...

...Могу представить себе, какое несчастье нас едва не постигло, когда родитель твой построил мост на Боспоре Фракийском и на реке Истре и переправился в Скифскую землю. Тогда скифы всячески старались убедить ионян, которым была поручена охрана моста на Истре, разрушить переправу. И если бы тогда Гистиэй, тиран Милета, согласился с мнением прочих тиранов и не воспротивился, то войско персов погибло бы. Впрочем, даже и подумать страшно, что тогда вся держава царя была в руках одного человека» (VII, 10).

Очень верно подметил Артабан, что «тогда вся держа-

на царя была в руках одного человека» — Гистией. Точнее не скажешь. И Дарий не забыл этой огромной услуги. Сразу же после похода он вызвал к себе Гистиея вместе с Коем и, как уже говорилось, щедро наградил обоих согласно их желаниям. Гистией получил во владение местность Миркин, где собирался основать город, а Кой стал тираном Митилены.

Правление Коя закончилось, как мы уже знаем, весьма плачевно: во время ионийского восстания митилепцы прогнали его из города, побив камнями.

А Гистией окончил свои дни еще хуже. Жизнь и деяния этого человека, который спас Дария от справедливого возмездия скифов, весьма показательны и стоят того, чтобы немного рассказать о них.

Получив в награду от Дария местность Миркин на р. Стримон (совр. р. Струма) во Фракии, Гистией развернул там бурную деятельность и начал строительство нового города. Его энергичность и вызвала опасения у Мегабаза, особо приближенного военачальника Дария. Прибыв в Сарды, Мегабаз, как сообщает Геродот, обратился к своему повелителю с вопросом, зачем он разрешил «этому дошлому и хитрому эллину построить город во Фракии». Своей речью Мегабаз внушил царю опасения, что Гистией укрепит свое положение, станет вождем местного населения и начнет войну против Дария. И дальновидный царедворец советовал призвать к себе чересчур энергичного эллина, заставить его прекратить работы, захватить в свои руки и больше никогда не отпускать от себя.

Дарий быстро понял, какие тут могут быть последствия и сразу же послал к Гистиею вестника с приглашением явиться ко двору и стать царским советником. Гистией поверил этому и с радостью прибыл в Сарды, где царь встретил его с такой речью: «Гистией! Послал я за тобою вот почему. Как только я возвратился из Скифии и ты пропал с моих глаз, я вскоре почувствовал, что больше всего жалею о твоём отсутствии и о том, что не могу беседовать с тобой. Я убежден, что высшее благо на земле — это мудрый и верный друг. То и другое я обрел в тебе, и моя судьба подтверждает это. Итак, хорошо ты поступил, придя ко мне, и я предлагаю тебе вот что: оставь Милет и вновь основанный город во Фракии, иди со мною в Сузы и там разделяй со мною как мой сотрапезник и советник все, что у меня есть» (V, 24).

Быть сотрапезником царя — это величайшая честь, огромные привилегии. Но для Гистизя сотрапезничество оказалось золотой клеткой. Он быстро понял это и стал искать выход из положения. Его хитрый, изворотливый ум подсказал такой путь: поднять в Милете восстание против персов, рассчитывая на то, что Дарий отпустит его навести там порядок.

И Гистизей послал верного слугу к Аристагору, своему зятю и двоюродному брату, который стал после него правителем Милета, с призывом к восстанию.

Восстание вспыхнуло в Милете и быстро распространилось по всей Ионии. Так началось известное ионийское восстание против персидского господства. Вот — поистине непредсказуемые повороты судьбы. На переправе через Истр Гистизей из-за своих личных интересов, можно сказать, собственными руками задушил возможность освободить Ионию от господства персов. И теперь он же, и опять-таки из-за своих сугубо личных интересов, задумал восстание против Дария!

Гистизей рассчитал все очень точно. Дарий отпустил его в Ионию восстановить там спокойствие. Стараясь усыпить бдительность царя, хитрец обещал подчинить Дарию огромный остров Сардон.

Высвободившись из почетного плена, Гистизей поспешил из Суз в Сарды. А там Артафрен, сатрап Сард, спросил его, отчего восстали ионийцы. Гистизей, конечно же, поспешил ответить, что ничего не знает и даже удивлен. Артафрен, поняв его притворство, как сообщает нам Геродот, весьма красноречиво сказал: «С мятежом дело обстоит, Гистизей, вот так: сшил эту обувь ты, а надел ее Аристагор» (VI, 1).

Боясь, что его обман раскрыт, Гистизей в ту же почь бежал из Сард. И прежние планы его изменились. Вместо того, чтобы наводить порядок в Ионии и завоевывать Дарию остров Сардон, он решил стать во главе ионийского восстания. Аристагор к тому времени погиб в одном из боев.

С этими планами Гистизей прибыл на остров Хиос. Хиосцы заподозрили, что он прибыл сюда по поручению Дария, чтобы совершить переворот в городе. Но потом они освободили его.

Когда ионийцы спросили Гистизя, почему он так настойчиво призывал Аристагора восстать против Дария и «этим навлек страшную беду на ионян», тот скрыл истинную причину и ответил, что Дарий задумал пере-

селить финикийцев в Ионию, а ионийцев — в Фипикию. Этим вымыслом он рассчитывал напугать ионийцев.

Затем Гистизэй отправил тайные послания в Сарды, надеясь поднять там восстание. Но заговор был раскрыт Артафреном, многие его участники казнены.

Тогда Гистизэй отправился в Милет. Но милетяне, избавившиеся от Аристагора и вкусившие радость свободы, не впустили в город новоявленного тирана. Ночью он попытался силой войти в свой родной город, но был ранен. И пришлось ему вновь возвращаться на Хиос. Однако хиосцы отказались дать ему корабли.

Отсюда он отправился в Митилену и там уговорил лесбосцев выделить ему восемь триер. Снарядив их, Гистизэй с митиленцами отплыли к Боспору Фракийскому, заняли у Византия удобную позицию и стали захватывать идущие из Понта грузовые корабли.

А в то время персы двинули на Милет огромное войско и большой флот. После ожесточенных сражений на море и на суше, длительной осады Милет пал. Произошло это, как отмечает «отец истории», на шестой год после начала восстания (VI, 18). Ионийцы поднялись против персов в 499 г. до н. э. Следовательно, Милет был захвачен где-то в 494 г. Город был разрушен и разграблен, жители угнаны в рабство. Бывшая жемчужина Ионии превратилась в руины.

Весть о событиях в Милете застала Гистизэя у Византия. Он снарядил лесбосские корабли и поплыл к Хиосу. Но его не пустили в город. Тогда он напал на хиосцев, перебил многих из них, затем одолел остатки хиосского флота, уделавшие после битвы с персами у Милета.

Из Хиоса Гистизэй направился к Фасосу и осадил его. Известие о том, что персы после взятия Милета направили мощный финикийский флот против остальных ионийских городов, заставило тирана снять осаду Фасоса и спешить к Лесбосу. Оттуда из-за нехватки продовольствия пришлось переправиться на материк, чтобы добыть там хлеб. Гистизэй высадился на берег у города Малена в Атарнейской области. На этот раз фортуна изменила тирану. В том месте как раз находилось большое персидское войско во главе с Гарпагом. Персы обнаружили высадившихся эллинов и двинулись на них. Эллины держались стойко. Но персидская конница стремительным броском опрокинула их и решила исход битвы. Эллины обратились в бегство, а Гистизэй, как рассказывает Геродот, «в надежде, что царь не покарает его смертью за

теперешнее преступление, и малодушно пытаюсь спасти свою жизнь, поступил так: во время бегства какой-то персидский воин настиг его и хотел было уже заколоть. Тогда тиран объявил ему по-персидски, что он — Гистиэй из Милета» (VI, 29).

Далее Геродот продолжает: «Если бы пленника привели к царю Дарию, то, как я думаю, Гистиэй не понес бы никакой кары и царь бы простил его. По этой-то причине, а также из-за боязни, как бы тиран, избежав наказания, вновь не приобрел большого влияния у царя Дария, Артафрен, правитель Сард, и Гарпаг, захвативший его в плен, велели привезти его в Сарды и казнить. Там тело Гистиэя распяли на кресте, а голову, набальзамировав, отослали в Сузы к царю Дарию. Узнав об этом, Дарий выразил свое неудовольствие поступком этих людей именно за то, что они не доставили тирана живым пред его царские очи. Голову Гистиэя царь повелел обмыть, обрядить и предать достойному погребению: Гистиэй ведь оказал ему и персам великие услуги. Таков был конец Гистиэя» (VI, 30).

Так бесславно закончил свой путь этот коварный тиран, по вине которого в Ионии пролилось столько крови. А отношение к нему Дария наглядно доказывает, что Гистиэй, сохранив переправу через Истр, действительно спас огромное персидское войско от верной гибели.

Таким образом, скифо-персидская война закончилась позорным бегством Дария. Победа над столь сильным врагом способствовала дальнейшей консолидации всей Скифии, укреплению ее мощи и авторитета. Воодушевленные победой, кочевые скифы, как полагают исследователи, подчинили себе лесостепные племена, затем установили протекторат над Ольвией и Никонием. А через некоторое время скифы, как мы увидим в следующей главе, совершили поход через Фракию и дошли до Херсонеса Фракийского. В результате победы над персами в античной традиции родилась слава о скифской доблести и непобедимости этого народа.

Скифы у Херсонеса Фракийского

Вернемся, однако, к событиям скифо-персидской войны. Переправившись через Истр, Дарий прошел через Фракию, но уже не к Византии, а дальше на юг, к наиболее

узкому месту Геллеспонта. Здесь у города Сеста персидское войско на кораблях переправилось через пролив из Европы в Азию в район города Абидоса. Возвращение не было спокойным. Местные племена то и дело нападали на потрепанное незадачливое войско персов.

Возвращаясь, Дарий оставил в Европе 80 000 своего войска во главе с Мегабазом, для того чтобы держать в повиновении население прибрежных районов. Царь поручил эту задачу своему лучшему военачальнику, которого очень ценил. Говоря об этом, Геродот приводит такой интересный эпизод: «Дарий собирался есть гранаты; как только он вскрыл первый гранат, Артабан, брат его, спросил, чего хотелось бы ему иметь в таком же количестве, как зерен в гранате. Дарий же сказал, что Мегабазов в таком огромном количестве он хотел бы иметь больше, чем покоренную Элладу» (IV, 143).

И Мегабаз оправдал доверие своего повелителя. Он быстро покорил тех геллеспонтийцев, которые не были на стороне персов.

Как же повели себя скифы, когда персам удалось переправиться через Истр и ускользнуть от них, избежав возмездия?

Скифы не удовлетворились таким исходом дел. Они, как сообщает Геродот (VI, 40), объединились, двинулись во Фракию и дошли до Херсонеса Фракийского. Собрались даже переправляться через пролив и идти в самую Персию. Но Дарий предупредил их действия и принял необходимые меры — сжег расположенные на Пропонтиде эллинские города. Страбон сообщает об этом совсем кратко: «По возвращении из похода на скифов Дарий приказал сжечь города, узнав, что кочевники готовятся переправиться через пролив, чтобы потом напасть на него в отмщение за причиненные им беды; притом он опасался, что эти города могут предоставить войску скифов корабли для переправы» (XIII, 1, 22).

Геродот не связывает какие-либо карательные акции Дария с угрозой скифского вторжения, а рассказывает только о взятии персами городов Пропонтиды. Эти действия относятся уже ко времени ионийского восстания. Персидские военачальники — зятья Дария — карали ионян, предпринявших поход на Сарды. Персы одолели ионийцев в морской битве, а затем разделились и пошли на штурм эллинских городов.

Один из зятьев Дария Даврис направился против городов на Геллеспонте и стремительно взял Дардац, Аби-

дос, Перкоту, Лампсак и Пес. На штурм каждого города уходил лишь один день. Потом пришла весть о том, что восстали карийцы, тогда Даврис, как рассказывает Геродот, повернул туда (V, 116—117).

Так персы захватили ионийские города на азиатском берегу Пропонтиды. Произошло это еще до падения Милета в 494 г. до н. э. А позже, на следующий год после взятия Милета, как сообщает Геродот, т. е. в 493 г. до н. э., мощный персидский флот двинулся на города европейского побережья Пропонтиды. Опустошительной волной персы прошли по этому району и предали огню целый ряд городов. Жители Византия и жившие на противоположном берегу калхедоняне не стали ждать нападения, покинули свои дома и спешно отплыли в Понт Эвксинский, где нашли приют в городе Месембрии. После этого персидский флот, состоявший в основном из финикийских кораблей, вернулся в район Херсонеса, чтобы захватить города, которые не успел разрушить ранее.

В связи с этими событиями вновь всплывает имя Мильтиада, сына Кимона. Это — тот самый Мильтиад, тиран херсонесцев, который во время совещания на переправе через Истр предложил последовать совету скифов и разрушить мост. А теперь он незадолго до нападения вражеского флота возвратился в Херсонес. И с появлением персов тиран вынужден был, как отмечает Геродот, вновь бежать отсюда: «Ведь за три года до этого он был изгнан скифами. Скифские кочевые племена, раздраженные вторжением царя Дария, объединились и дошли до Херсонеса. Мильтиад не стал ожидать вторжения скифов, а бежал в изгнание, пока скифы не ушли и долопки не вернули его назад» (VI, 40).

Что же предпринял тиран херсонесцев на этот раз? Узнав, что финикийские корабли Дария приближаются, Мильтиад погрузил на пять триер все свои сокровища и взял курс на Афины — свою родину. Но в открытом море его встретили финикийские корабли. Мильтиаду с четырьмя кораблями удалось прорваться. А пятый корабль, которым командовал старший сын тирана Метиох, был захвачен в плен. Финикийцы, узнав, что в их руках сын Мильтиада, отвезли его к Дарию, надеясь заслужить великую милость царя, поскольку Мильтиад предложил разрушить переправу через Истр. Однако Дарий, вопреки их ожиданиям, не причинил пленнику никакого зла, а, наоборот, пожаловал ему дом, поместье и жену персиянку. Мильтиад же благополучно добрался до Афин.

Как мы видим, Мильтиад находился в сложном положении. Он боялся возмездия и со стороны скифов за участие в походе против них, и со стороны Дария за предложение разрушить переправу через Истр. И та и другая боязнь, видимо, не были напрасными.

Приведенные сведения важны для нас в первую очередь тем, что они указывают время похода скифов до Херсонеса Фракийского — за три года до событий 493 г. до н. э., т. е. в 496 г.

Вопрос о пребывании скифов во Фракии вызывает споры ученых. Одни исследователи считают, что скифы преследовали персов сразу же после их бегства за Истр. Другие же относят поход к 496—495 гг. до н. э. Кто же тут прав?

Я думаю, что прямого преследования не могло быть. К этой мысли приводят следующие соображения.

1. Такой дальний поход в чужие края требовал длительной серьезной подготовки.

2. Отступившее персидское войско, потрепанное и потерявшее часть людей, все же оставалось огромным и достаточно сильным. И скифы не могли рассчитывать на победу, тем более во Фракии, где персы воспрянули духом и почувствовали себя увереннее.

3. Не имея кораблей, скифы не могли сразу же переправиться через Истр. Переправа иным способом требовала достаточно много времени.

4. При непосредственном преследовании скифы не дали бы персам переправиться через Геллеспонт.

5. Если бы скифы преследовали персов, то Дарий не оставил бы в Европе 80-тысячное войско во главе с Мегабазом. Это значило бы обречь воинов на неминуемую гибель. А они не только не погибли, но и покорили, как сообщает Геродот, расположенные на Геллеспонте «все города, не подвластные персам» (IV, 144), а затем, получив приказание Дария, захватили в плен местное племя пеонов, переправили их через пролив и привели в Сарды. Где же в это время были скифы?!

Эти и другие соображения заставляют думать, что, изгнав Дария, скифы не бросились в азарте в погоню за персами, а стали налаживать мирную жизнь. А позже, в 496 г. до н. э., как отмечает Геродот, они решили отомстить завоевателям и дошли до Херсонеса. Месть немного запоздалая. Но здесь следует трезво оценивать реальную ситуацию. Сразу же броситься в погоню за переправившимся через Истр персидским войском скифы

не могли. Такая погоня не дала бы сколько-нибудь ощутимых результатов. Конечно, скифы могли бы более или менее оперативно подготовиться к походу, переправиться через Истр и догнать персов. А что дальше? Для открытого боя силы были бы слишком неравны. А мелкие стыки с фуражирами, периодические нападения по почам уже не давали бы больших результатов и не оправдали бы трудностей дальнего похода в чужие края.

А в 496 г. до н. э. ситуация была в корне иной. Полыхало пламя ионийского восстания против персидского господства. Эллинам удалось даже захватить и спалить Сарды. Дарий спешно собирал силы для подавления восстания. Вот такая обстановка как нельзя лучше благоприятствовала выступлению против персов. И скифы воспользовались таким удобным случаем и двинулись к Геллеспонту.

Скифы выпашивали далеко идущие планы. Они заключили союз со Спартой и договорились совместно выступить против персов: спартанцы — со стороны Геллеспонта, а скифы — через Закавказье. Геродот пишет об этом следующее: «Ведь из-за того, что Дарий вторгся в их страну, скифы-кочевники после этого задумали ему отомстить. Отправив посольство в Спарту, для того чтобы заключить военный союз, они пытались договориться о том, что самим скифам следовало бы попытаться вторгнуться в Мидию возле реки Фасис; а спартанцев они должны были убедить выступить из Эфеса, двинуться внутрь материка и затем встретиться с ними в одном и том же месте. Говорят, что когда скифы для этого прибыли, Клеомен слишком часто с ними общался. Общаясь же с ними больше, чем следовало, он научился у них пить неразбавленное вино. И от этого, как считают спартанцы, он сошел с ума. С этого времени, как они сами рассказывают, всякий раз, когда хотят выпить вина покрепче, говорят: „Налей по-скифски!“» (VI, 84).

Чем закончились эти переговоры, мы не знаем. Видно, скифы и спартанцы не пришли к единому мнению. И планы о совместных военных действиях не осуществились.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что незадолго до скифов за помощью к спартанцам обращался тиран Милета Аристагор, тот самый Аристагор, который поднял ионийское восстание против персов. Он был в Спарту и обратился к царю с такой речью:

«Клеомен! Не удивляйся, что я столь поспешно при-

был сюда. Наше положение ужасно. То, что мы, дети ионян, стали из свободных людей теперь рабами — величайший позор и скорбь не только нам самим, но и для всех остальных эллинов, и особенно для вас, потому что вы стоите во главе Эллады. Поэтому заклинаю вас эллинскими богами: спасите единокровных ионян от рабства! Этого вы легко можете добиться. Ведь варвары вовсе не отличаются мужеством, вы же достигли высшей военной доблести. А сражаются варвары вот так: у них есть луки и короткие копья, в бой идут в штапах, с островерхими шапками на голове. Поэтому вы легко можете одолеть их» (V, 49).

Далее, как рассказывает Геродот, Аристагор расписывал богатства живущих в Азии народов и царские сокровища в Сузах. Если вы завоюете этот город, воскликнул тиран, то смело можете спорить в богатстве с самим Зевсом. Интересно заметить попутно, что при этом Аристагор «принес с собою медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также всякое море и реки» и показывал, где обитают народы, о которых идет речь.

Но Клеомен отказался прийти на помощь ионийцам. Не помогли ни заклинания эллинскими богами, ни животрепещущие слова о величайшем позоре и скорби, ни напоминание об единокровии, ни рассказы о бесчисленных сокровищах. Ничто не тронуло сердце спартанского царя. Его смутило то обстоятельство, что Сузы находятся слишком далеко от моря. И ответ его был таков: «Друг из Милета! Покинь Спарту до захода солнца! Ты хочешь завести лакедемонян в землю на расстоянии трехмесячного пути от моря: это совершенно неприемлемое условие для них!» (V, 50).

Так лакедемоняне бросили ионийцев на произвол судьбы, точнее, на растерзание персам. А прими они предложение Аристагора, кто знает, наверное, не было бы потоплено в крови ионийское восстание, и иначе бы сложились исторические судьбы многих народов древнего Средиземноморья.

Теперь хочется обратить внимание читателя вот на что. Ионийцы подняли восстание против персидского господства. И именно в это время скифы задумали отомстить персам за давнее нашествие. Случайно ли это совпадение? Ведь ионийцы обратились за помощью в Спарту, но не получили поддержки. После этого скифы пытались заключить союз против персов с той же Спартой. Почему

опять Спарта? Не по совету ли Аристагора обратились скифы к тому же Клеомену?

Все это паталкивается на предположение о том, что Милет, подняв ионийское восстание, обратился за помощью к скифам. Для этого у милетян было достаточно оснований. Ведь эллипские города в Скифии были основаны именно Милетом. Все они поддерживали тесные экономические связи как со своей метрополией, так и с местными племенами. А на раннем этапе роль Милета в жизни северочерноморских городов была особенно велика. Наиболее тесные экономические, культурные и, надо полагать, политические связи с Милетом поддерживала Ольвия. С другой стороны, Ольвия была довольно тесно связана со Скифским царством. Так что, Милет вполне мог с помощью Ольвии обратиться за помощью к скифским правителям. Тем более что помощь требовалась для борьбы против общего врага.

И скифы откликнулись на призыв ионийцев. Они выступили против Дария и дошли до Херсонеса Фракийского. Но дальнейшие их действия не принесли желаемых успехов. Переправиться через пролив скифам не удалось. И переговоры со спартанцами не дали нужных результатов. В результате спасти восставший Милет скифам не удалось. Город пал под натиском многочисленного персидского войска.

Но поход скифов во Фракию нельзя назвать неудачным. Он еще раз продемонстрировал боевую мощь скифов и в значительной мере охладил завоевательский пыл персов.

Заключение

Итак, мы совершили путешествие по Скифии, ознакомились с наиболее важными и интересными вопросами истории и географии этой загадочной страны, с ее загаданными и неразгаданными тайнами.

Здесь еще много перешенных проблем, сложных, запутанных вопросов, многие из которых когда-то казались сплетенными в один неподдающийся ученым гордиев узел.

Но в последние десятилетия на территории Скифии широко развернулись планомерные археологические исследования, которые дали богатейший материал для всестороннего изучения различных сторон материальной и духовной культуры скифских племен и их соседей.

Археологические данные в целом подтверждают достоверность письменных источников. Произведения античных писателей содержат, как правило, ценнейшие сведения о расселении скифов, их быте, образе жизни, обычаях и т. д. Эта исключительно важная информация заслуживает гораздо большего внимания исследователей. Она исчерпана далеко не полностью, требует дальнейшего, более глубокого изучения и таит в себе еще не использованные возможности. Во многих отрывках содержится немало «скрытой» информации.

С каждым годом в историко-археологических исследованиях все шире привлекаются данные смежных наук: палеогеографии, геологии, климатологии, палеонтологии, палеозоологии, палеоботаники, геофизики, математики и др.

Особенно интересные результаты приносят комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования. За прошедшие 2,5 тысячи лет географический облик Северного Причерноморья неузнаваемо изменился. Наиболее значительные изменения произошли на побережье Скифии. В результате наступления моря на сушу целый ряд древнегреческих и скифских городов и поселений частично или полностью оказались под водой. Для их изучения необходимы подводные исследования с

использованием новейшей специальной аппаратуры и соответствующего оборудования.

Надо полагать, что скифские племена, особенно скифы—царские, были связаны с морем гораздо больше, чем мы себе это представляем. В целом следует подчеркнуть, что тема «Скифы и море» требует более пристального внимания и детального изучения.

Комплексные исследования дают возможность полнее и правильнее понять многие на первый взгляд неясные или противоречивые сведения античных авторов. Имеющиеся в них противоречия, неясности и расхождения обычно объясняли ошибками древних авторов. Но обвинения в адрес древних историков и географов оказались напрасными и абсолютно необоснованными. Причины, как правило, заключаются в другом. Во-первых, в тех палеогеографических изменениях, которые произошли в рассматриваемом регионе за прошедший период. Во-вторых, в том, что в некоторых отрывках собраны воедино, т. е. скоптиминированы разновременные сведения, которые отражают различные географические ситуации. Кроме того, имеются и некоторые другие причины.

Разумеется, это не значит, что в письменных источниках нет ошибочных данных. Ошибки встречаются. Но их не так много, как считают некоторые исследователи. Сведения древних авторов в большинстве своем абсолютно достоверны. Другое дело, мы не всегда правильно понимаем их. Поэтому здесь необходим всесторонний, комплексный подход, с учетом всех имеющихся данных.

В настоящее время в скифоведении все острее ощущается острейшая необходимость решения целого ряда узловых проблем, которые уже долгое время вызывают оживленные дискуссии. Для их целенаправленной и плодотворной разработки можно предложить проводить периодические конференции по темам: «Происхождение и ранняя история скифов», «Этногеографическая карта Скифии», «Скифо-персидская война» и др.

Проведение таких конференций даст возможность сконцентрировать творческий потенциал специалистов в русле рассматриваемых проблем, выявить суть и причины разногласий, определить пути их преодоления и окончательного решения поставленных задач.

Разумеется, путь к истине часто оказывается трудным и долгим. Но ведь острые дискуссии по рассматриваемым проблемам продолжаются уже многие десятилетия и без проведения таких тематических конференций могут продолжаться еще долго.

Теперь хотелось бы подробнее остановиться на некоторых проблемах, в изучении которых серьезную помощь ученым могут оказать (и уже оказывают) энтузиасты, увлекающиеся древней историей, географией и археологией Причерноморья. Какие же это проблемы?

Древнее Причерноморье оставило нам, как известно, множество крайне интересных, но вместе с тем очень сложных, запутанных, нередко, казалось бы, неразрешимых загадок и тайн, которые вот уже несколько столетий вызывают оживленные споры и продолжительные дискуссии, но до сих пор не решены окончательно.

Античные авторы указывают на Черноморском побережье существовавшие здесь города и поселения, гавани и якорные стоянки, острова и маяки, святилища и храмы и другие интересные объекты. Наиболее крупные из них давно уже найдены и изучаются исследователями. Но местоположение более 50 пунктов все еще остается спорным или неизвестным вообще. Где же они находились?

Где был древний город Одесса? Где находились города Пирра и Антисса, которые поглотил Понт Эвксинский? Где искать гавань Кремны, остров Алопекия, храм Ахилла? Когда исчезли в морской пучине остров тирагетов, башня Неоптолема, города Кремниси, Акра, Корокондама, Фасис?

Ответить на эти вопросы нелегко. Основные трудности связаны с палеогеографическими изменениями. За последние 2,5 тыс. лет уровень Черного моря, как уже говорилось, поднялся не менее чем на 5 м. И береговая линия в деталях, разумеется, очень изменилась: отступили берега, переместились устья и русла рек, исчезли древние острова и образовались новые, появились не существовавшие ранее лиманы и заливы, стали формироваться косы, отмели и т. д. и т. п.

В результате происшедших изменений многие древние города, поселения и прочие объекты частично или полностью оказались под водой. Для их поисков и изучения необходимы целенаправленные подводные археологические исследования с широким использованием различных методов естественных и точных наук, новейшей аппаратуры и оборудования. Это — одно направление подводных работ.

Другое направление — поиски и изучение затонувших древних кораблей. На дне Черного и Азовского морей, лиманов, озер и рек покоятся сотни торговых и военных кораблей, челноков, лодок-однодеревок скифо-античного времени. Кто из ученых, специалистов, энтузиастов, водо-

лазов, аквалангистов-любителей не мечтает пайти такой корабль с его уникальным, бесценным для науки грузом?! Особая ценность — сам корабль. Такая находка откроет новые широкие возможности для дальнейшего изучения вопросов древнего кораблестроения и мореплавания. Кроме того, ведь ни в одном из музеев нашей страны до сих пор нет корабля скифо-античного времени, поднятого со дна моря. Такой значительный пробел должен быть восполнен в ближайшее время!

Какую же помощь ученым могут оказать энтузиасты? В настоящее время специалисты ведут работу по составлению карты подводных историко-археологических находок. Необходима информация о всех случайных паходках во время строительных, подводно-технических и других работ и о мероприятиях на побережье и на дне морей, лиманов, озер и рек. Моряки, речники, рыбаки, строители, водолазы, аквалангисты-любители, яхтсмены и многие другие специалисты довольно часто сталкиваются с затопленными остатками древних городов и поселений, со следами кораблекрушений и другими историко-археологическими памятниками под водой.

Но сведения о них, к сожалению, далеко не всегда поступают к ученым. Часто на такие находки не обращают должного внимания, недооценивая их значение для науки. Нередко такие памятники уже под водой варварски разрушают, расхищают и бессмысленно уничтожают. Наиболее интересные предметы древности коллекционируют, отдавая дань моде. В любом случае пропадают важные для науки сведения и находки, которые могут помочь в решении важных вопросов древней истории и географии нашей страны.

Поэтому хочется обратиться ко всем, кто работает на побережье, на воде и под водой, с настоятельной просьбой — немедленно сообщать о всех случайных историко-археологических находках в местные музеи, общества охраны памятников истории и культуры, отделы культуры исполкомов Советов народных депутатов и т. п. Независимо от этого необходимо направлять краткую информацию в Институт археологии АН СССР (117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19). Этим вы спасете для науки историко-археологический памятник и окажете большую помощь ученым.

Какие же следы историко-археологических памятников могут встретиться на побережье или под водой? Чаще всего — древняя керамика. Обнаружив обломки амфор, дру-

гих сосудов, предметов быта или целые экземпляры, достаточно взять лишь несколько образцов. Собирать всю керамику полностью нельзя. Таким образом можно уничтожить обнаруженный комплекс, и тогда находки потеряют свою ценность для науки. Специалисты уже не смогут выяснить, в каких условиях залежала собранная керамика, как она туда попала, каким образом оказалась именно в том месте. Одним словом, будет груда черепков, которая не сможет дать всю необходимую информацию, не позволит сделать какие-либо конкретные исторические выводы. Поэтому ни в коем случае не следует стремиться собрать как можно больше находок. Необходимо ограничиться небольшим количеством наиболее интересных фрагментов или целых экземпляров и общим осмотром места находок.

Разобраться в обстановке, заставить «заговорить» немые предметы древности может только специалист, профессиональный историк или археолог. Но для этого должна быть необходимая информация об условиях залегания обнаруженных предметов, особенно если они найдены под водой. Поэтому тот, кто впервые обнаружил следы историко-археологического памятника, должен сделать достаточно подробное описание местности, как можно точнее зафиксировать местоположение находок, границы распространения, охарактеризовать рельеф, специфические особенности, указать глубину, видимость, дать точную привязку к берегу, составить схему, нанести необходимые ориентиры и т. д. и т. п.

Если речь идет о находках под водой, важно затем осмотреть прилегающий участок коренного берега. При обнаружении на суше аналогичной керамики можно предположить, что там существовало древнее поселение, часть которого оказалась затопленной. Подводные находки в таком случае помогут определить первоначальные границы поселения. Из обнаруженной на берегу керамики необходимо также отобрать наиболее характерные образцы. При этом их нельзя смешивать с керамикой, найденной под водой. Найдены могут оказаться разного времени. В таком случае будут перепутаны датировки объектов под водой и на суше.

Если же в прилегающем районе на коренном берегу не обнаружено никаких следов поселения, то подводные находки имеют особо важное значение. Они могут относиться к неизвестному ранее поселению, которое полностью ушло под воду.

Выявление таких древних городов и поселений — одна

из первоочередных задач подводной археологии. Их картографирование даст более полное представление о заселении изучаемого региона в тот или иной исторический период. Особенно это важно для изучения процесса освоения побережья Скифии древнегреческими переселенцами.

Несколько слов о древних кораблях. На небольших глубинах вблизи берега могут встретиться (и встречаются) следы кораблекрушений. Наиболее верный признак — это груз корабля, чаще всего амфоры. Большое скопление целых амфор, бесспорно, свидетельствует о том, что здесь в древности затонул корабль. Его корпус подвергался постоянному воздействию волн, как правило, занесен песком, илом и сохраняется плохо. Поэтому при подводных и дноуглубительных работах важно обращать внимание на каменные якоря, свинцовые штоки от якорей, свинцовые листы от обшивки корабля и, конечно же, на различные деревянные предметы и просто куски дерева, которые могут оказаться частью корпуса корабля.

Корабли, затонувшие на глубинах в несколько десятков метров и более, сохранились несравнимо лучше. Конечно же, они более заманчивые объекты для исследователей. Но вести подводные работы на таких глубинах гораздо сложнее.

Необходимо подчеркнуть особо, что лежащие под водой древние города, поселения, корабли и другие объекты являются историческими и археологическими памятниками и охраняются законом. По существующему законодательству, изучать их могут только квалифицированные исследователи, имеющие специальное разрешение — Открытый лист, выданный соответствующими организациями союзной республики, на территории которой находится изучаемый памятник. Это положение общеизвестно. И все же хочу еще раз напомнить, что всякие любительские раскопки строго запрещены. Нельзя забывать, что любой историко-археологический объект — это памятник старины, частица нашей истории и требует самого бережного отношения.

Сегодня перед подводной археологией стоят важные задачи комплексного изучения целого ряда историко-археологических проблем. Одна из первоочередных задач — составление карты подводных историко-археологических находок. Такая карта даст возможность полнее представить общее положение дел, объем работ, составить обширную программу многолетних комплексных исследований и планомерно разворачивать фронт работ.

Еще один круг интересных загадок и тайп составляют вопросы, связанные с проблемами кораблестроения и мореплавания в скифо-античное время. Какие типы античных кораблей плавали на Черном море? Каковы были их мореходные качества? Как прокладывались каботажные и прямые маршруты? Когда начались плавания через открытое море? Какие были краткие пути через Черное море? Существовали ли античные карты? Какие корабли были у скифов? Каковы были условия плавания по скифским рекам?

Ответить на эти и другие близкие к ним вопросы помогут планируемые многолетние комплексные исследования по программе «Черноморье: древняя история, археология, палеогеография, экология». Эта программа разрабатывается учеными Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и других городов.

Остановлюсь вкратце на наиболее интересной для многих читателей части указанной программы. Основная идея такова — построить парусно-весельный корабль по типу древнегреческой биремы (судно с двумя ярусами весел) и совершить на нем круговое плавание по Черному морю по курсу античной лоции, по кратким маршрутам через открытое море, а также по наиболее крупным скифским рекам: Истр, Тирас, Гипанис, Борисфен, Танаис и др.

Такие плавания дадут возможность впервые на практике проверить древние морские и речные пути, уточнить скорость и время прохождения отдельных маршрутов, мореходные качества античных кораблей и т. д. В результате будет собран уникальный материал по истории кораблестроения и мореплавания на Черном море, а также на впадающих в него реках.

Избранный нами тип биремы древние мореходы легко и быстро перестраивали в триеру (судно с тремя ярусами весел).

Такое изменение типа корабля расширит наши возможности его дальнейшего длительного использования для изучения и проверки практическим путем новых маршрутов древнего мореплавания.

Несколько слов о самом корабле. Бирема будет 50-весельная. Длина — 25 м, ширина — 4,6 м, осадка — 0,8 м, высота борта на миделе — 2,3 м, площадь паруса — 55 м². Чертежи и техническая документация разработаны в Николаевском кораблестроительном институте А. И. Кузнецовым и Ан. И. Кузнецовым. Строительство началось. Корабль будет называться «Ивлия». Портом приписки ста-

пет Одесса. Заказчик и будущий владделец корабля — Одесское поисково-туристическое объединение «Арго».

Объединение «Арго» имеет уже немалый опыт работы. В 1988 г. члены объединения совместно с археологами провели экспедицию по комплексному изучению острова Змеиный, который в античное время назывался Левки и был посвящен легендарному древнегреческому герою Ахиллу. В результате проведенных исследований получены новые важные данные о существовавшем здесь храме Ахилла, о культе самого Ахилла — владыки Понта Эвксинского, о торговых связях античных городов Причерноморья со средиземноморскими центрами, об истории мореплавания и т. д. Одна из наиболее важных находок была сделана аквалангистами: со дна моря поднята мраморная плита со скульптурным изображением.

Теперь объединение «Арго» будет выполнять часть комплексной программы, относящейся к истории кораблестроения, мореплавания и подводных археологических исследований.

Читателя, конечно же, заинтересовал маршрут черноморского плавания. Попытаюсь вкратце изложить основную информацию об этом.

Предлагаемый маршрут плавания по Черному морю составлен на основе лоций античного времени, когда Понт Эвксинский (Гостеприимное море) был одним из наиболее оживленных регионов древней ойкумены. Здесь существовало, как известно, множество античных городов, которые поддерживали тесные политические, экономические и культурные связи со всеми крупными центрами Средиземноморья.

Плавание по этим городам и представляется объединяющим началом, необходимым для проведения подобной экспедиции. Плавание под флагом мира по античным городам Причерноморья глубоко символично и приобретает особый смысл, тем более если вспомнить, что время проведения древних Олимпиад было временем мира.

Экспедиция будет иметь важное значение не только в научно-исследовательском плане, но также в деле укрепления мира, широкой пропаганды историко-географических, экологических знаний, идейно-политического, патриотического и спортивного воспитания молодежи, дальнейшего развития миротворческого, экологического движения.

Предлагаемый маршрут в предварительном виде таков: Одесса (гавань исиаков) — устье Днестровского лимана (Никоний, Тира) — остров Змеиный (храм Ахилла) —

устье озера Синое (Истрия) — Констанца (Томы) — мыс Шабла (гавань карийцев) — мыс Калиакра (Тетриснада) — Каварна (Бизона) — Балчик (Круны—Дионисополь) — Варна (Одесс) — мыс Эмине (Гем) — Несебыр (Месембрия) — Созополь (Аполлония) — Стамбул (Византий, Калхедон) — Эрегли (Гераклея) — мыс Керемпе (Карамбис) — Синоп (Синопа) — Самсун (Амис) — Трабзон (Трапезунт) — Батуми (Апсар) — Поты (Фасис) — Сухуми (Диоисурия) — Сочи — Туапсе — Новороссийск — Анапа (Горгишия) — Керчь (Пантикапей) — Феодосия (Феодосия) — мыс Сарыч (Бараний лоб) — Севастополь (Херсонес) — Евпатория (Керкинитиды) — Черноморское (Прекрасная гавань) — мыс Джарылгач (Ахиллов Бег) — мыс Тендра (Ахиллов Бег) — Очаков (Алектор) — Парутино (Ольвия) — Одесса.

Протяженность маршрута около 5000 км. В процессе подготовки экспедиции он будет конкретизироваться и уточняться. Возможно, плавание по такому большому маршруту придется разбить на несколько этапов.

В рамках этого международного плавания планируется проведение комплексных историко-археологических, палеогеографических, экологических и других исследований, в том числе подводных.

Остановимся вкратце на проблемах экологии. Экологическая обстановка на Черном море и в прибрежной зоне становится просто угрожающей! Об этом давно уже пишут и говорят не только специалисты, но и широкие круги общественности. Поднимается мощное общественное движение в защиту экологии Причерноморья. И все, кому небезразлична судьба этого уникального бассейна, не должны остаться в стороне!

В этом плане важно подчеркнуть, что плавание экспедиции будет совершенно на парусно-весельном судне — экологически чистом виде транспорта.

Во время плавания специалисты-экологи проведут комплексное изучение экологического состояния бассейна и всего Черноморского побережья (конкретные наблюдения, сборы всевозможных анализов, подводные исследования, привлечение историко-археологических и палеогеографических данных, построение различных графиков экологических прогнозов и т. д. и т. п.).

На основании полученных результатов будет дана принципиальная оценка экологического состояния Черного моря, его побережья и разработана всесторонняя программа конкретных предложений и рекомендаций по за-

щите от загрязнения Черноморского бассейна и впадающих в него рек.

Одна из важнейших задач готовящейся экспедиции — привлечь к экологическим проблемам Причерноморья пристальное внимание широких кругов общественности, всех заинтересованных предприятий, учреждений, объединений, научных центров и т. д. — одним словом, всех, кого волнует судьба Черного моря, причерноморских рек, лиманов, озер, кто обеспокоен чрезвычайно сложной экологической обстановкой, проблемами здоровья людей, живущих в этом регионе.

Помимо плаваний по Черному морю, конечно же, планируются плавания на античной биреме по рекам. Небольшая осадка корабля позволит проверить существовавшие тогда судоходные маршруты по Истру, Тирасу, Гипанису, Борисфену, Тапаису и другим рекам практически на всем их протяжении от истоков до устья.

Детальное знакомство с этими реками даст возможность полнее и правильнее понять сведения Геродота и других античных авторов, наглядно сравнить их описания с сегодняшней географической ситуацией, увидеть как положительные, так и отрицательные результаты хозяйственной деятельности человека.

В результате таких плаваний можно будет решить целый ряд интересных историко-географических вопросов, связанных в первую очередь с данными Геродота о длине Гипаниса, о горьком притоке Эксампее, о длине судоходной части Борисфена, о локализации скифов-земледельцев, земля которых «простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену», о том, чему равен день плавания по реке, и т. п.

Таким образом, выполнение этой части комплексной программы откроет новые широкие возможности для дальнейшего изучения целого ряда интересных вопросов истории и географии Скифии, поможет разгадать давние историко-географические загадки, решить множество конкретных проблем. Все это в целом поможет исследователям полнее и ярче осветить многовековую историю Скифии — одной из крупнейших и знаменитейших держав древнего мира — историю, насыщенную многими великими событиями, которые существенным образом повлияли на весь ход мировой истории. Слава о скифах как доблестном, непобедимом народе пережила их в веках.

Впереди — новые исследования, новые находки, новые открытия. Главное слово здесь за археологией. Дальней-

шие археологические раскопки скифских городищ и курганов ежегодно пополняют нашу богатую источниковедческую базу. Комплексный подход к решению стоящих перед учеными задач, широкое привлечение данных естественных и точных наук значительно обогащают имеющуюся базу. И «немые» на первый взгляд археологические источники дают нам все больше и больше самой разнообразной ценной информации.

На этом и завершается наше путешествие в загадочную Скифию. Ограниченный объем не позволил полнее охватить некоторые стороны многогранной скифской истории и географии. Полностью это и невозможно: рассматриваемая тема практически неисчерпаема. Неиссякаем и интерес к этой теме. И это естественно. Мы должны знать древнюю историю нашей страны!

Литература

1. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1.
2. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.
3. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979.
4. *Агбунов М. В.* Загадка Понта Эвксинского. М.: Мысль, 1985.
5. *Артамонов М. И.* Этногеография Скифии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. 1949. № 85, вып. 13.
6. *Артамонов М. И.* Роль климатических изменений VIII–VII вв. в переселении киммерийцев в Азию и возвращение их в степи Восточной Европы в начале VI в. до н. э. // Этнография народов СССР. Л.: Наука, 1971.
7. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Наука, 1974.
8. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы в Азии // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
9. Археология Украинской ССР. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наук. думка, 1986. Т. 2.
10. *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наук. думка, 1983.
11. *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М.: Наука, 1976.
12. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. 2-е изд. М.: Мысль, 1983.
13. *Брашинский И. Б.* В поисках сокровищ скифских царей. Л.: Наука, 1979.
14. *Брун Ф. К.* Черноморье. Одесса, 1879–1880. Т. 1–2.
15. *Бурачков П. О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и о монетах, ему принадлежащих // ЗООИД. 1875. Т. 9.
16. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Грозный, 1972.
17. *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
18. *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила. Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н. э. // СА. 1980. № 3.
19. *Виноградов Ю. Г.* Варвары в протопрографии Ольвии VI–V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
20. *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М.: Наука, 1983.
21. *Геродот.* История. Л.: Наука, 1972.
22. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
23. *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Ариапте // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

24. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, 1970.
25. Грязнов М. П. Аржан (царский курган раннескифского времени). Л.: Наука, 1980.
26. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985.
27. Дашевская О. Д. О происхождении названия города Керкинитиды // ВДИ. 1970. № 2.
28. Дитмар А. Б. География в античное время. М.: Мысль, 1980.
29. Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
30. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982.
31. Доманский Я. В. Ольвия и варвары в V в. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации // Тбилиси: Мецниереба, 1981.
32. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1866—1872. Вып. 1—2.
33. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
34. Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М.: Географгиз, 1961.
35. Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977.
36. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
37. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М.: Наука, 1971.
38. Ильинская В. А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном? // Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
39. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
40. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия // Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1986. Т. 2.
41. Карышковский П. О. Заметки об Ольвии и Еорисфене // ЗОАО, т. 2 (35), 1967.
42. Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев: Наук. думка, 1985.
43. Киммерийцы и скифы. Кировоград, 1987. Ч. 1—2.
44. Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
45. Кречетов П. Н. Границы и очертания Геродотовой Скифии // Тр. Моск. археол. об-ва. 1889. Т. XIII, вып. 1.
46. Кречетов П. Н. Письма о Геродотовой Скифии // ЗООИД. 1889. Т. 15.
47. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
48. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.—IV в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1982.
49. Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4.
50. Куклина И. В. Анахарсис // ВДИ. 1971. № 3.
51. Куклина И. В. Трактат «О воздухе, водах и местностях» как исторический источник по истории скифов // Вспомогательные исторические дисциплины. 1970. Вып. 3.
52. Куклина И. В. Ранние известия о скифах и киммерийцах // ВДИ. 1981. № 2.

53. *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.
54. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1966.
55. *Лаппо-Данилевский А. С.* Скифские древности. СПб., 1887.
56. *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1–2. СПб., 1893–1906; То же, ВДИ. 1947–1949. № 1–4.
57. *Латышев В. В.* ПОНТИКА. СПб., 1909.
58. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
59. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
60. *Лурье С. Я.* Геродот. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1947.
61. *Марр Н. Я.* Избранные работы. М.; Л., 1935. Т. 5.
62. *Марченко К. К.* Лепная керамика Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наук. думка, 1976.
63. *Марченко К. К.* Комплекс лепной керамики античных поселений Северного Причерноморья VII–V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
64. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964.
65. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
66. *Мищенко Ф. Г.* Не в меру строгий суд над Геродотом // Геродот. История в девяти книгах. М., 1886. Т. 2.
67. *Мищенко Ф. Г.* Этнография России у Геродота // ЖМНП. 1896. Май.
68. *Мозолевский Б. М.* Товста могила. Київ: Наук. думка, 1979.
69. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
70. *Надеждин Н. И.* Геродотова Скифия, объясненная через сплочение с местностями // ЗООИД. 1844. Т. I.
71. *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наук. думка, 1982.
72. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
73. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М.: Наука, 1966.
74. *Островертов А. С.* Скlorобна майстерня з Ягорлицького поселення // Археологія. 1978. Т. 25.
75. *Островертов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // ВДИ. 1979. № 3.
76. *Отрешко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. 1981. № 1.
77. *Озотников С. Б.* О характере греко-варварских взаимоотношений в Нижнем Поднестровье в VI–V вв. до н. э. // Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1984.
78. *Озотников С. Б.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI–III вв. до н. э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1983.
79. *Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982.
80. *Подосинов А. В.* Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1.

81. *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1984.
82. *Подосинов А. В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М.: Наука, 1985.
83. *Пьянков П. В.* Аргиппей: источники // Учен. зап. Уральск. ун-та. 1969. № 101. Сер. истории, вып. 17.
84. *Пьянков И. В.* Массажеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2.
85. *Пятышева Н. В.* Археологическое обследование острова Левки (о. Змеиный) осенью 1964 г. // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40.
86. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
87. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985.
88. *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
89. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
90. *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
91. *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
92. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
93. *Руденко С. И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М.: Изд-во АН СССР, 1968.
94. *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полес и каллипиды // ВДИ. 1979. № 4.
95. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
96. Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987.
97. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наук. думка, 1977.
98. *Смирнов А. П.* Скифы. М.: Наука, 1966.
99. *Смирнов А. П.* К вопросу о матриархате у савроматов // МИА. 1971. № 177.
100. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
101. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
102. *Смолин В. Ф.* Главная династия скифских царей по Геродоту // Гермес. 1915. № 17.
103. *Страбон.* География. Л.: Наука, 1964.
104. *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968.
105. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
106. *Тереножкин А. И.* Об общественном строе скифов // СА. 1966. № 2.
107. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
108. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
109. *Толстов С. П.* Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. 1963. № 2.
110. *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.
111. *Толстой И. И.* Черноморская легенда о Геракле и змееногой деве // Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л.: Наука, 1966.
112. *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. 1–2.

113. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
114. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М.: Наука, 1968.
115. *Трубачев О. Н.* Старая Скифия Геродота (IV, 99) и славяне: Лингвистический аспект // *Вопр. языкознания*, 1979, № 4.
116. *Федоров П. В.* Последледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 тыс. лет // *Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет*. М.: Наука, 1982.
117. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.
118. *Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // *МИА*. 1960. № 53.
119. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
120. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
121. *Черненко Е. В.* Скифо-персидская война. Киев: Наук. думка, 1984.
122. *Шелов Д. Б.* Социальное развитие скифского общества // *Вопр. истории*. 1972. № 3.
123. *Шилик К. К.* К палеогеографии Ольвии // *Ольвия*. Киев: Наук. думка, 1975.
124. *Шишова И. А.* О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // *Летописи и хроники*. М.: Наука, 1981.
125. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьковск. гос. ун-та, 1962.
126. *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наук. думка, 1987.
127. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе // *СА*. 1965. № 4.
128. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния Причерноморья // *Античное общество*. М.: Наука, 1967.
129. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
130. *Щеглов А. Н.* Тавры и греческие колонии в Таврике // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
131. *Яйленко В. П.* Архавческая Греция // *Античная Греция*. М.: Наука, 1983. Т. 1.
132. *Яковенко Є. В.* Скифи Східного Криму в V–II ст. до н. э. Київ: Наук. думка, 1974.
133. *Яценко И. В.* Скифия VII–V вв. до н. э. // *Тр. ГИМ*, вып. 36, 1959.
134. *Яценко И. В., Раевский Д. С.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // *Народы Азии и Африки*. 1980. № 5.
135. *Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.
136. *Harmatta J.* Quellenstudien zu der Skythika des Herodot. Budapest, 1941.
137. *Jacoby F.* Herodotos // *RE*. 1913. Suppl., H. 2.
138. *Kothe H.* Der Skythenbegriff bei Herodot // *Klio*. 1969. N 51.
139. *Kretschmer K.* Scythae // *RE*. 1923. II A.
140. *Kretschmer K.* Scythia // *RE*. 1923. II A.
141. *Westberg F.* Zur Topographie des Herodot // *Klio*. 1914. B. 14, H. 3.

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный исторический музей
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗАО – Записки Одесского археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология
RE – Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft

Содержание

Введение	3
«Скифский четырехугольник»	7
Откуда пришли скифы?	19
Расселение племен и народов	55
Скифские верования и обычаи	80
Анахарсис и Скил	101
Когда и почему началась скифо-персидская война?	117
Какова была численность войск?	122
Переправа Дария через Боспор Фракийский	132
Покорение Фракии	138
Нашествие на землю скифскую	141
Отступление персидского войска	160
Скифы у Херсонеса Фракийского	167
Заключение	174
Литература	185
Список сокращений	190

Научно-популярное издание

Агбунов
Михаил Васильевич

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ЗАГАДОЧНУЮ
СКИФИЮ

Утверждено к печати
редколлекцией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства **В. С. Ванин**
Художник **Ф. Б. Левченко**
Художественный редактор **И. Д. Богачев**
Технический редактор **Е. Ф. Альберт**
Корректоры **Г. Г. Петропавловская,**
Е. Л. Сысоева

ИБ № 39946

Сдано в набор 23.09.88

Подписано к печати 23.12.88

Формат 84 × 108¹/₃₂

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр. отт. 11,34. Уч.-изд. л. 11,4

Тираж 50000 экз. Тип. зак. 2078

Цена 1 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 3